

Олег Механик

КАРАОКЕ А-ЛЯ РУСС

Что может быть безобидней встречи старых друзей. Особенно если они действительно старые и им уже за сорок. Особенно если дружат они с детства и учились в одном классе. Особенно если встреча проходит в загородном караоке клубе. Ностальгические воспоминания, остроумные тосты, песни до хрипоты, танцы до упада, вот вроде и всё, что может ожидать весёлую компанию. А нет. Не всё, потому что компания подобралась непростая. Искатели приключений могут найти их даже в, казалось бы, самом безобидном месте.

Вместо предисловия

Дорогой, многоуважаемый, любимый читатель. Выражаю тебе огромную благодарность за то, что ты умудрился набрести на эти строки, безнадежно утопленные в сонме произведений уважаемых авторов, и тратишь на них драгоценные минуты, а может быть даже часы своей жизни.

Извещаю тебя, дорогой мой человек, что сим произведением намерен завершить трилогию о похождениях кучки остолопов.

Если ты не имел знакомства с такими произведениями, как «Вечеринка...» и «Мышеловка...», автор готов предложить тебе три пути.

Первый — просто прочитать эту книжку. Она является вполне самостоятельным произведением, никак не связанным с предыдущими, кроме, может быть, самих персонажей. С ними вообще всё просто. По ходу прочтения, ты быстро разберёшься, кто есть кто, и кто чего стоит.

Второй путь (совершенно необязательный), прочитать прежде вышеназванные произведения, а потом это.

Третий, он же, самый простой путь, — не читать вовсе.

Почему я как автор предлагаю такой путь? Потому что, я уважаю твоё время, дорогой мой, и мне бы очень не хотелось, чтобы прочитав несколько страниц, а ещё хуже половину книги, ты чертыхнулся, плюнул и произнёс «...ля только зря время потратил на эту хрень...». Чтобы избежать такого поворота, сразу же предупреждаю, что в этой книге, как и в предыдущих двух ты не найдёшь ни одного положительного персонажа. Я понимаю, что в жизни не бывает идеальных людей, но те, личности, которых я описываю здесь, максимально удалены от идеала.

Если же ты, всё-таки решишься избрать один из двух первых путей, то хочу тебя предостеречь ещё об одном. Пожалуйста, умоляю тебя, не соотноси всё написанное с автором, никак не проецируй на его скромную личность, образ мысли персонажей. Заверяю тебя, дорогой мой, что автор абсолютно не такой. Он добропорядочный семьянин, исправный налогоплательщик и кроткий прихожанин. В отличие от своих героев, он хорошо учился в школе, любил своих учителей и до сих пор шлёт некоторым из них поздравительные открытки и цветы к празднику. Всю свою сознательную жизнь автор работает, и у него нет пробелов в трудовом стаже. Он отдаёт церковную десятину, читает молитву на сон и перед приёмом пищи, и помогает содержать приют для бездомных животных.

Он посадил дерево,

Он построил дом.

Он вырастил сына.

Он не пьёт, не курит, не ест мясо, не произносит матерных слов, и уж тем более не употребляет транквилизирующих препаратов, действие которых так живо описывает в своих книжках. Он занимается спортом, любит слушать классическую музыку и смотреть программы, идущие по федеральным каналам. В общем, он просто душка.

«Во-от! — скажешь ты. — Вот про какого человека нужно и должно писать!»

Ну да, возможно. Только у меня к тебе встречный вопрос «Будешь ли ты читать

бытописание такого субъекта?». Предвосхищая твоё замешательство, отвечаю за тебя. «Нет!». Всех нас тянет к чему-то запретному, неправильному. Думаю, будет наименьшим злом, если ты будешь удовлетворять данную тягу, только лишь читая эту похабщину, а я, в свою очередь только изливая её на страницы книг. Ещё раз подчеркну, что фразы, идеи, философские заключения и мировоззрение принадлежат исключительно героям и уж конечно, не могут претендовать на то, чтобы стать догмами.

В общем, всё, что хотел, я сказал, и постелил соломки везде, где можно. Выбор только за тобой. Буду рад, если прочтёшь. Если тебе понравится, буду рад вдвойне за тебя и за себя. Если же ты выберешь третий вариант, всё равно буду радоваться, ведь об этом я уж точно не узнаю.

*«Друг дорогой, как ты ладишь с тоской
Выбираешь запой, или спорт?
Может возьмёшь, стариною тряхнёшь,
Напоследок возьмёшь, свой аккорд...»*
БИ-2 «Компромисс».

1

Говорят, самые бесполезные и непродуктивные мысли начинаются со слов «если бы...». Стало быть, я никчёмный, бесполезный и непродуктивный тип, раз всю свою жизнь задаю себе только такие вопросы. Они стучат в темечко, когда всё уже свершилось, как запоздалая инструкция того, что не нужно делать, или как нужно было поступать, чтобы потом не было этого «если бы». Они уходят глубоко, спускаются по веткам жизненного дерева, проникают в ствол и доходят до самых корней. Первенцы, или «Ab Ovo» звучат так.

«Если бы в школе при распределении я попал в другой класс»;

«Если бы на самом первом уроке мы не оказались за одной партой с чернявым зачёсаным на пробор парнишкой с редким именем Вовик»;

«Если бы, завалившийся однажды в кабинет, длинноносый пацан, похожий на киношного Буратино, оказался в любом другом классе кроме нашего...»;

«Если бы, впорхнувшая к нам чёрная бабочка по имени Светка, залетела в окно не нашей, а любой другой школы города...».

Ответ на эти фундаментальные вопросы звучит однозначно.

«Моя жизнь пошла бы по другому руслу».

Кем бы я стал, если бы не эти «если»? Возможно хорошим специалистом, верным мужем, самодостаточным и счастливым человеком, возможно даже обеспеченным и успешным бизнесменом.

Кем же я стал с включением в уравнение этих переменных?

Отбитым на голову романтиком, который один за одним просирал представляющиеся ему шансы;

которого не изменила должность, переезд в другой город, брак;

которого не смог поменять даже возраст.

С этими «если» я давно уже смирился и разобрался, но было бы хорошо, ЕСЛИ бы эти «Если» не появлялись снова. Они совокупляются и плодятся. Большие «ЕСЛИ» порождают маленьких отпрысков, те, со временем, подрастают и тоже дают потомство. Сегодня меня интересуют только самые последние — пра-пра-правнуки тех первых «Если», и звучат они следующим образом. Что бы было ЕСЛИ БЫ

«... я не пошёл на эту вечеринку...»

«...это был бы любой другой караоке-клуб...»

«...Геракл не уронил кальян...»

«...Буратина не был одержим своей шизофренической идеей...»

«...он не заразил этой идеей сначала меня, а потом всех присутствующих...»

Пожалуй это основные «Если»...хотя нет...есть ещё одно:

«Если бы там не было Светки...»

На все эти вопросы есть только один ответ, и звучит он так:

«Тогда бы мы не...»

Хотя...давайте по порядку.

— Мне нужно пятьдесят миллионов.

Пухлые губы Буратины находятся буквально в сантиметре от моего уха, и его жаркий шёпот, едва не переходит интимные границы. Он будто клеит девочку, приглашая её пройти в будуар.

— Рублей, или баксов? — Я глубоко втягиваю в себя приторно сладкий дым из мундштука, отваливаюсь на диван, даже не глядя в сторону Буратины, и не придавая значения его очередному бреду.

Мой взгляд прикован к, стоящим в обнимку, Поночке и Уксусу, которые в два горла орут «Рюмку водки...». Микрофон в руке Уксуса совершенно лишний атрибут. Они горланят будто в последний раз. Так орут заплутавшие в лесу грибники в надежде, что их кто-то услышит за десятки километров, или чтобы, в крайнем случае, распугать всё зверьё. Недоделанные вокалисты принялись лажать с самого начала песни, как только «ночь по улицам пошла, звездной поступью цариц...». Ближе к припеву накал голосов усиливается, и жилы на шее Поночки разбухли до того, что вот-вот лопнут.

«То-альк-а-а-а рюмка водки на столе-е-е-е

Ветер пла-ачет за акно-о-ом...».

На припеве Поночка сдох. Сначала он дал «петуха», а потом и вовсе засипел сорванной плоткой. Уксусу приходится отдуваться за двоих. Ноты, которые ему приходится брать (точнее мимо которых он поет), настолько высоки, что он завывает бабьим голосом.

«Бо-о-олью-ю атзыва-а-ются ва мне-е-е...»

Создаётся ощущение, что человек громко рыдает из-за того, что на столе осталась последняя рюмка. Но наш стол ещё полон. На только что принесённом официантом блюде дымится огромная гора жареного мяса, вокруг которого расставлены салаты и нарезки, сеты суши и роллов, исходит паром кальян. И водки здесь далеко не рюмка, а две пузатых бутылки. Кроме водки на столе красуются две бутылки вискаря и бутылка винтажного Вермута (специально для Светки).

— Рублей конечно! — Дует жаром в ухо Буратина.

— Хм... — я презрительно морщусь, продолжая наблюдать, за плавающими в клубах дыма звёздами эстрады. — А чё не баксов?

— А ты Славик не прикалывайся. Мне нужно пятьдесят лимонов рублей, а не баксов, потому что я реалист.

Последняя фраза Буратины вызывает у меня непроизвольный спазм в горле, как раз во время затяжки, и я закашливаюсь, порционно выплёвывая дым, который небольшими клочками ваты повисает над столом.

Сидящая напротив Светка, настороженно привстаёт.

— Слава, ты в порядке?

— Нормуль, Светик, — сиплю я, поворачиваясь к Буратине. — Так значит ты у нас реалист?

— Да реалист! Пятьдесят лямов, это вполне реальная сумма, которая нужна мне для определённых целей.

Чтобы сбить першение в горле, я делаю большой глоток виски, занюхиваю запястьем, взбодрившись, иду в атаку.

— Даже стесняюсь спросить, что это за определённые цели такие.

— А ты не стесняйся, у меня от друзей секретов нет. Я свалить хочу, Славик. — Последнюю фразу Буратина произносит с надрывом, и мне на секунду показалось, что он вот-вот разревётся.

— К-куда? — Я настораживаюсь.

— Куда угодно, лишь бы подальше... в идеале, в Америку.

— А здесь тебе чего не живётся?

— А это что, жизнь? Совсем задавили, прордыху не дают. Ты смотри, чё вокруг творится. Цены растут, чиновники беспредельничают, налоги, менты вообще страх потеряли. Здесь свободы нет, Слава! — Буратина оттягивает ворот рубахи, будто ослабляет петлю на шее.

Я лениво улыбаюсь и участливо трясую головой, продолжая смотреть на заполненную дымом сцену, где два певца закончившие с «Рюмкой» уже начали беспощадно уродовать «Натали».

— Ты ещё про пенсионный возраст скажи, отсутствие рабочих мест и полное падение нравов. Тебя-то каким боком все эти проблемы касаются? Ты и это государство живёте параллельными жизнями. У вас с ним взаимопонимание: ты ему ни копейки не принёс, а ему с тебя и спросить нечего. Тебя налоги напрягают, с чего? Или у твоих богатых мамочек денег стало меньше, ну это тогда другое дело.

— Ну тебя... всё со своими смехуёчками... — Буратина в сердцах машет широкой лапой, мизинец которой увенчан золотым с камушком перстнем и закидывает в себя полстакана виски. — Я ведь серьёзно, Слава. Ты вот на свою жизнь посмотри. Кто ты есть, что у тебя за душой? Работы нормальной нет, машина — ржавое корыто, хата — хрущоба, и та от матери осталась, от тебя даже жена сбежала.

Настала моя очередь обижаться, но я не делаю этого вслух, предпочтя уйти в молчаливое жадное поглощение выпивки и мяса. Свирепо перемалывая зубами сочную плоть и злобно играя желваками, я думаю о том, что если бы не этот носатый крендель, у меня бы была хорошая работа, классная машина, квартира в Москве, и жена бы не убежала от меня к другому. Всё пошло через жопу после той, случившейся два года назад вечеринки, которая началась на яхте и закончилась на острове.

А Буратина, будто и не заметив моей обиды, продолжает жужжать над ухом назойливым комаром.

— Я же всё чётко рассчитал, брат! Пятьдесят лимонов не ахти какие деньги. Пять лимонов уйдёт на адвокатов и грин карту, ещё лимон, на решение вопроса с визой, тридцать лямов нужно иметь на счету (ну не с голой же жопой туда ехать), четыре на первоначальное обустройство, ну и десять на первые полгода жизни. Мне ж ведь работу тяжело будет найти.

Я продолжаю набивать рот закуской, стараясь не вникать в этот бред.

— А давай со мной, Слава! Ну чё тебя здесь держит? — Медвежья лапа шлёпает меня по спине, заставив замереть с набитым ртом.

Я поднимаю от тарелки голову и выпучиваю на него глаза.

— Шаглашен...только добавь к швоим рашётам ещё пятьдесят лимонов. — Мои щёки раздулись, веточка кинзы торчит изо рта, по подбородку стекает масло.

— Тебе может и пятнадцати хватит! — пожимает плечами Буратина. Ты же у нас неприхотливый, да и работу тебе там проще будет найти.

Несколькими огромными глотками я отправляю в пищевод всё имеющееся во рту содержимое, будто удав, проглотивший кролика.

— Так и быть...давай пятнадцать — Я протираю ладонь к Буратине.

— Слава, ну откуда! У тебя, кстати, проще ситуация, ты же можешь хату продать, машину (хотя-я с твоей чушлайки много не выручишь), кредитов можешь набрать, тебе же дадут...

— Так у тебя нет даже пятнадцати лямов? — презрительно морщусь я. — О чём тогда с тобой разговаривать...

— Слава...я же...

— Слушай, Серёга, ты зачем нас сюда позвал?

— Ну-у я...

— Вот именно: пить водку и петь песни. Так что извини я пошёл.

— Куда?

— Петь!

Я вскакиваю с дивана, боднув животом стол, так что бутылки и кальян дают опасный крен и агрессивным маршем направляюсь к подиуму. Бездарные певцы как раз заканчивают куплет «Белого лебедя», и набрают в лёгкие побольше воздуха, чтобы начать горланить припев.

«А-а бе-е-е-лы-ый ле-е-е...»

Я выдираю микрофон из руки Уксуса, как раз в тот момент, когда он подбирается к самой высокой ноте. Завывание плавно сходит на нет, перерастает в секундную паузу, после которой этот же хор воет на минорный лад.

«Э-эй, братан, а чё началось-то?»

— Пацаны-ны-ны-ны...отдохните-ните-ните-ните... — Гаркаю я в микрофон, который расщепляет мою фразу на долгое горное эхо. — Поночка, побереги свзки-вязки-вязки, они тебе ещё пригодятся. А ты Уксус-сус-сус-сус, лучше вспомни обещание, которое дал Баяну.

При этих словах зрительный зал взрывается. Громко хохочет Буратина, периливно журчит маслянистый смех Светки, и даже хмурый лик Геракла, расплзается по швам от широкой улыбки. Все присутствующие в этом зале тут же вспоминают живописную сцену, произошедшую на нашем самом последнем уроке музыки.

— Ну Ви-иктор Степа-аныч, ну пожа-алуйста! Ну поставьте хотя бы тройку! — Клянчит маленький Игорёк, держа перед собой раскрытый дневник, как попрошайка держит шляпу.

В самом деле, схватить двойку по «Музыке» было нонсенсом, даже в то время, даже для таких остолопов, как мы. Но Уксусу это почти удалось. Сейчас, при выставлении оценок за четверть, он страдал не из-за того, что прогуливал уроки, мы все это делали. Убелённый сединами педагог прозванный Баяном, намеревался поставить ему рекордно низкий бал, за то, что он изуродовал его любимое творение.

Виктор Степаныч, будучи человеком интеллигентным, консервативным и пожилым, пытался привить нам вкус к настоящей музыке. Он частенько заводил патефон (да-да, в его

классе был старинный патефон), алмазная иголка которого пробуждала голоса Вертинского, Шаляпина, Улановой и прочих мэтров эстрады. Одним из часто заводимых и особо любимых педагогом творений была песня «Вечерний звон», исполняемая громовым басом певца, имя которого я забыл. На самом деле, песня была очень липучая, и ещё долгие часы после урока крутилась в голове у многих из нас. То и дело можно было увидеть одноклассника, или даже одноклассницу, которые непроизвольно напевали: «Вече-ерний зво-он, вече-е-ерний зво-он...».

Всё началось с моего друга Геракла, который однажды на перемене выдал новую вариацию знаменитой песни.

«Вече-е-рний зво-он бом-м бом-м

— раздался его яркий баритон в звенящей тиши рекриации.-

Вече-е-рний зво-он,

Вече-рний сэ-экс и я оте-ец!»

Композиция сорвала бурные овации в виде дикого ржача всех, кто был поблизости.

Гераклу удалось то, о чём Виктор Степаныч не мог даже мечтать. Переиначенная песенка подобно вирусу, в короткий срок заразила большую часть школы. Теперь все знали этот мотив, а уж тем более эти слова. Похабный мотивчик можно было услышать в любом углу школы и даже во дворе, в исполнении разных юных дарований.

Так уж случилось, что запущенный Гераклом бумеранг вернулся не куда-нибудь, а в то место, где всё началось — в музыкальный класс. Во время урока Виктор Степаныч очень часто удалялся надолго, оставляя нас наедине с музыкой. Бывало так, что никем не слушаемая пластинка проигрывалась, и игла ещё долго скребла по внутренней её части, до возвращения педагога. В тот день Баян тоже отлучился, предварительно заведя пластинку, на которой среди прочих была та песня. По какой-то мистической случайности, он вернулся в класс, когда на пластинке играла именно она.

Открыв дверь, Баян так и замер на пороге. Спиной к нему, лицом к галдящему классу стоял Игорёк и делал пассы подобно дирижёру. Звучал припев любимой песни, но Укус перекрикивал певца переламывающимся с баритона на писк голоском.

«Вече-е-рний зво-он бом-м бом-м

Вече-е-рний зво-он,

Вече-рний сэ-экс...»

Укус понял в чём дело, когда увидел, что с довольных лиц сползают улыбки и глядящие ему за спину глаза начинают виновато блестеть. Он медленно обернулся, при этом продолжая петь.

«...и я-я оте-ец...»

Последняя строка, на контрасте с предыдущими, прозвучала жалко, и походила больше на бляение ягнёнка, перед которым внезапно возник волк. Наступила немая сцена, фоном к которой была старая добрая музыка. Белый как мел Виктор Степаныч одарил незадачливого певца испепеляющим взглядом, после чего тот растворился в воздухе и появился уже за своей партией жалкий и забитый. Выдержанный и интеллигентный педагог подошёл к патефону, спокойно снял иглу с пластинки, невозмутимо захлопнул журнал.

— Урок окончен. — Прозвучал в зазвеневшей тишине его умиротворённый голос.

После этого случая, судьба Укуса в рамках данного предмета была предreshена, но он умудрился набраться наглости, чтобы клянчить у Баяна тройку.

— Ви-иктор Степа-аныч, ну не портите мне аттестат.

Аттестат Уксуса испортить было сложно, а вот разбавить его одной из немногих троек было бы не плохо, иначе перед молодым дарованием маячила перспектива остаться на второй год.

— Игорь, ты думаешь, мне жалко для тебя оценки? — Баян посмотрел на пресмыкающегося перед ним Уксуса поверх очков. — Я тебе даже четвёрку поставить могу, только если ты мне кое-что пообещаешь.

Уксус насторожился. Даже в этом возрасте он знал, чем коварно такое начало разговора. Попросить могут что угодно, а вот обещание нужно дать ещё до того, как озвучена просьба.

— Обещай, что нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах ты больше не будешь петь. Ни в душе, ни в строю, ни за столом, ни на демонстрации...нигде.

Может быть, просьба Баяна была слишком жестокой, но, как мудрый человек, он понимал, что всем обещаниям этого белобрысого недомерка грош цена. Безусловно, тот пообещал, даже не задумываясь и не реагируя на дружный смех в классе. И, конечно же, всем присутствующим Баян и его предмет запомнились именно этим уроком и этим взятым с Уксуса обещанием.

Конечно же, он вспомнил, и ничуть не смутившись, широко улыбаясь, вслед за Поночкой сошёл в зрительный зал.

Выбор песни не занимает у меня много времени. Эта забытая композиция пришла ко мне во сне, и теперь преследует меня уже несколько дней, с тех пор, как я получил приглашение на эту вечеринку. Главным критерием в ней является, то, что она исполняется дуэтом.

«С тобо-ой моя звезда-а, танцу-уем мы одни-и,
Я тро-огаю тебя-я не-ежно...»

Напевая, я танцующей походкой подхожу к столу и протягиваю руку Светке. Она, улыбаясь, вкладывает свои наманикюренные пальчики в мою ладонь и поднимается с дивана.

«...искря-ятся иногда зелё-ёные огни-и
В глаза-ах твоих больши-их гре-шных...»

Я обнимаю её обнажённое плечо и располагаю микрофон между нами так, что ей приходится немного наклониться ко мне. Наши виски соприкасаются, голоса сплетаются в унисоне, и эти первые звуки приводят меня в экстаз.

«Ту-ту-ту на-на-на снова вместе снова ря-ядом
Ту-ту-ту на-на-на му-у-зыка ка-агда,
Ту-ту-ту на-на-на не грусти прошу не на-адо,
Ту-ту-ту на-на-на прошепчи мне да-а...»

Голос Светки низкий, тягучий, маслянистый. Если бы я был слепым — полюбил бы её только за этот голос.

«Наве-ерно ты пришла-а, из ко-осмоса ко мне-е,
В той жи-изни ты была-а колдунья-я...»

Мы встретились первый раз за два года минувших с нашего последнего приключения. Не только со Светкой, а вообще со всеми присутствующими. Здесь, в одной из комнат караоке клуба, только члены нашей Конторы. Кто нас собрал? Ну, конечно же, Буратина. Это не первая его попытка собрать нас вместе, но все настолько наелись последними

приключениями, что ещё долго мучались неприятной отрыжкой.

Буратине и самому пришлось нездорово. Не успел он прибыть восвояси, как его тут же разыскали адвокаты Ленина. В грамотных тезисах, содержащих номера законов, главы и параграфы статей, а так же выдержки из неписанного кодекса, они объяснили, что ему лучше вернуть всё уведённое с яхты содержимое. За такие дела его должно бы закатать под асфальт, и вождю революции это не составило бы особого труда, но тот в последнее время размягчел и подобрел. Ленин с чего-то вдруг стал сентиментальным и хотел хоть малейшей сатисфакции, ну хотя бы извинений. Ну а поскольку извинений ему не дожидаться, то пусть Буратина вернёт ноутбук и семьдесят кусков. Были со стороны адвокатов ещё какие-то методы психологического и физического воздействия, о которых Буратина предпочёл не рассказывать. Итогом стало то, что наш, так и не успевший сформироваться обшак вернулся в карманы Ленина. Ну и хрен с ним. Больше я пообещал себе не произносить и по возможности не вспоминать это имя.

Я бы и с Буратиной ещё век предпочёл не видеться, и пришёл сюда, по большому счёту, только из-за Светки. Всё последнее время мне не даёт покоя тема незакрытого Гештальта.

«Ту-ту-ту на-на-на снова вместе снова ря-ядом...»

Она как всегда обворожительна. В бархатистом чёрном вечернем платье, облегающем её вечно-стройную, как гитарный стан фигуру. В сверкающем колье на длинной шее, с подведённым лоснящимся иссиня-чёрным каре и вечно молодыми, вечно жадными, вечно сверкающими как у дикой кошки чёрными глазами. С каждым годом она становится моложе, а я, напротив, старею, так что наша разница в возрасте стремительно увеличивается.

«С тобо-ой моя звезда-а, по мле-ечному пути-и,

Мы вме-есте полети-им но-очью-ю...»

Я обнимаю её сзади, прижимаю к себе крепко-крепко, зарываюсь в чёрный шёлк волос, нос приятно щекочет лёгкий древесный аромат. Запах моей женщины. Дальше она будет петь одна, а я хочу просто наслаждаться, обнимая эту идеально выточенную фигурку и чувствуя, как из неё изливается божественный голос.

«Я соскучился» — шепчу я в наряженное золотой подвеской миниатюрное ушко.

«Ту-ту-ту на-на-на снова вместе снова ря-ядом...» — отвечает мне Светка.

Из зрительного зала за нами наблюдает только Геракл. Он улыбается и в ответ на брошенный мной взгляд поднимает вверх два больших пальца. За дымной пеленой я вижу, как блестят его глаза. Мне показалось...или...он стал слишком сентиментальным. Мой вечно одинокий друг.

Поночка и Уксус опять нашли предмет для спора. Они снова что-то остервенело втолковывают друг дружке. Поночка трясёт перед самым носом Уксуса сложенными в колечко пальцами. Наверное, всё это время он мысленно готовил себя к этому спору, вёл этот диалог в своей голове и вот свершилось. Я ведь тоже мысленно общаюсь со всеми... всеми нашими. Так уж случилось, что нет в моей жизни никого родней этой шайки. Нет такого дня, чтобы я не поговорил хотя бы с кем-то из них. Но больше всех я общаюсь со Светкой. Как бы мне хотелось, чтобы она так же разговаривала со мной.

Буратина сидит будто один, отгороженный от всех плотной завесой дыма, который, как из топки паровоза валит из его рта. В его глазах снова эта чертинка, этот больной огонёк. Неугомонный ребёнок снова что-то затеял.

Песня закончилась, но я не хочу отпускать Светку. Я предлагаю ей спеть «Танцы

вдвоём». Она, разумеется, не против. На самом деле, я не собираюсь петь, я просто хочу танцевать с ней, покачиваться в свете мерцающих огней, прижимать её к себе и вдыхать её запах. Может быть, такого случая уже не представится.

Мы медленно кружимся под проигрыш, заглядываем друг другу глаза и улыбаемся широко и открыто, как когда-то в детстве.

Третий раз... третий раз мы танцуем с ней под эту композицию. Два прошлых танца оказались предвестниками надвигающейся катастрофы. Надеюсь, что в этот раз всё будет не так.

Куплет уже начался, и по экрану висящей на стене панели, побежали первые строчки, но мы не поём. Мы покачиваемся, всё сильнее вжимаясь друг в друга. Передо мной каскадом проносятся сцены из «Чарки», из танцзала, с яхты, с острова, где мы вот так же прижимаясь, танцевали вдвоём. И каждый раз Светка была разной, другой. Неизменным оставалось только одно — эти глаза. Сейчас они снова в нескольких сантиметрах от моих, и я чувствую исходящее из них излучение. Этот взгляд нельзя истолковать двусмысленно, как то иначе. Он устал шептать, говорить, намекать. Сейчас он просто кричит:

«Ну же... ты опять будешь стоять как истукан, или попытаешься что-то сделать? Гешгалыт?! Ты бы его уже давно закрыл, если бы не был таким нерешительным. Проблема только в тебе. Соберись и сделай уже что-нибудь!».

Лежащая на её талии рука ползёт вверх, обнимает тонкую шею, врежется в шёлк волос. Небольшой нажим, и её голова подаётся вперёд. Полные, ярко-алые губы чуть приоткрыты, как створки волшебной пещеры. Мы сближаемся. Шатл подошёл на необходимое для стыковки расстояние. Стыковочный разъём выпущен. Три... два... один...

— Го-орь-ко!

Рёв Геракла сопровождается звоном бьющегося стекла и матом Поночки.

Наши со Светкой головы произвольно поворачиваются в сторону стола, который чуть не уронил, резко вскочивший, в порыве нахлынувших эмоций Геракл. Сейсмографического толчка не выдержали упавшие на стол бутылки и рухнувший кальян, всё содержимое которого высыпалось на стол. Возникла суматоха, в которой Уксус пытается спасти закуски, Поночка материт Геракла, а Буратина устанавливает на место кальян, приговаривая, что ничего страшного не случилось.

Случилось! Случилось то, что случается каждый раз, когда мы со Светкой вот-вот...

«Сука ты Геракл... с-сука»

Теперь мы снова на исходных позициях. Мы просто танцуем. Я даже не пытаюсь повторить свою попытку, всё равно случится что-то, что не даст мне этого сделать. Это проклятье.

Светку почему-то снова веселит эта ситуация. Она смеётся, уткнувшись в моё плечо, а я вот едва не плачу.

— Светик, давай уедем отсюда... — шепчу я в маленькое ушко.

— Куда? В Америку? — спрашивает она, как-то по-детски восторженно.

— Почему в Ам... — Я останавливаю танец, заглядываю ей в глаза с серьёзностью учителя, пытающегося сбить весёлый раж у заигравшегося ученика.

— Вы же сейчас с Серёжкой про Америку говорили, вот я и подумала...

— А ты бы поехала со мной? — Говорю я, и сам удивляюсь этому своему вопросу.

Какого чёрта я это несу?

— Ты приглашаешь?

Шутки кончились. Сейчас в чёрных глазах нет ни капли иронии, они лишь чуть сузились, будто хотят пристальнее меня разглядеть. Вопрос задан, и нужно на него отвечать. Но чтобы дать ответ, нужно хорошо его взвесить. Шутки кончились.

— Да!

Сейчас мы остались одни. Только она и я, в центре небольшой подсвеченной неоновыми лампами комнате. Кто-то есть там за дымной пеленой, но нас это не касается. Я не знаю, зачем это сказал, ясно одно — эти слова будут иметь последствия и за них нужно нести ответственность.

— А как же деньги? Где ты их достанешь? — она продолжает делать мне вызов, но жребий брошен.

— Что-нибудь придумаем, тем более с нами Буратина.

Голос Буратины тут же возникает из тумана, будто подтверждая, что он здесь, с нами.

— Не с-сыте пацаны. Щас такой кальян забабахаяю, охренеете. И не надо звать никакого кальянщика.

Я беру Светку за руку, и мы медленно плетёмся к столу. Нам больше нечего делать в свете софитов. Композиция закончилась, поцелуя не получилось, да и тема для разговора исчерпана. Ну не обсуждать же детали поездки, которая никогда не состоится. Как и наш поцелуй...

2

Буратина уже реанимировал кальян и неистово сосёт дым через мундштук, как дорвавшийся до соски младенец. В нос бьёт знакомый запах, чем-то похожий на жареные семечки. Мне становится ясно, чем он заправил дьявольскую трубку. Светка тоже всё понимает и сразу же машет руками, предупреждая, что «это без неё...».

А Буратина уже выпустил зелёную струю и, блаженно улыбаясь, передаёт мундштук Поночке. Тот жадно припал к соске, тянет так, что глаза вылазят на лоб. Эти знакомые манипуляции пробуждают во мне воспоминания.

— Смотрю я на тебя и вспоминаю, как мы бензин для Моцика добывали.

Дальше можно не говорить, так как все, словно по щелчку начинают дико ржать. Поночка, выплёвывает трубку, кашляет, смеётся взахлёб, из носа текут сопли.

— Расскажи! — Светка трясёт меня за руку, будто внучка, упрашивающая деда поведать очередную небылицу.

Геракл, забирает мундштук у затянувшегося Уксуса и бережно, словно трубку мира передаёт его мне. Сам он ни-ни. У нашего Вовика другие приоритеты.

А я, с удовольствием отхлебнув ароматного дыма, начинаю рассказ.

Это было в одну из тех летних ночей, когда мы брали напрокат мопед у нашего друга по кличке Рита. Слова «друг» и «напрокат» можно заключать в кавычки, ну-у чтобы долго не объяснять. Мы эксплуатировали бедного ослика до самого утра, катаясь на нём поочерёдно, и очень часто бензин в нём заканчивался раньше, чем пели первые петухи. Кататься хотелось ещё, а доноров, у которых можно было позаимствовать оживляющей Моцика жидкости, было не так уж и много. В то время редко кто оставлял машины во дворе, тем более на наш и соседний двор мы самолично наложили табу. Доноров искали во дворах подальше. В этот вечер мы не нашли ничего более подходящего, чем припаркованную в чигирях «восьмёрку». Двор был чужой тихий, место безлюдное и почти не просматриваемое из окон. Единственный нюанс, который мы не учли, это сама модель машины, но обо всём по

порядку.

Лучшим специалистом по взятию донорского материала в нашей конторе был Поночка. Он на раз разобрался с крышкой бензобака и лихо вставлял в горловину резиновый шланчик. Самым главным его умением, было филигранное отсасывание бензина. Только он один из всех нас, мог рассчитать усилие втягивания, и вытаскивал трубку изо рта ровно за секунду до того, как из неё начинал струиться бензин. Но в этот раз что-то пошло не так. Он рьяно пыхал трубкой, выдёргивал её изо рта, и, убедившись, что бензин не течёт, принимался сосать вновь. Тогда мы не знали, что конструкция топливного бака новых моделей жигулей, не позволяла воровать бензин этим варварским методом. Но это было полбеды. Не желающий сдавать позиции на любимом поприще, Поночка включил режим турбонасоса. Даже мы, находившиеся за добрый десяток метров, чтобы следить за шухером, слышали раздающееся на весь двор непрерывное чмокание. Позже чмокание стало прерываться на короткие матерки и звуки, напоминающие чихание, или кашель. Усердный Поночка, таки добился того, чтобы восходящий поток горючей жидкости доходил до конца трубки, но теперь не успевал вынуть её изо рта до того, как струя бензина брызнет ему в рот. Когда же, отплевавшись, Поночка наклонял трубку к подставленной банке, движение бензина прекращалось, закон сообщающихся сосудов никак не хотел срабатывать. Единственными сообщающимися сосудами тогда стали бензобак и желудок Поночки. Неизвестно, сколько бензина он проглотил в ту ночь, но уж точно не меньше, чем пол-литра. Именно тогда, эта история не выглядела такой смешной. А чего там было смеяться: мы остались без бензина, а Поночка чертыхался, плевался и отрывивал. Смеяться начали позднее, объективно оценив ситуацию. И чем больше времени проходило, тем сильнее мы смеялись. Ржал и сам Поночка, которому ещё долгое время приходилось сносить наши подколы.

«Поночка, чё такой вялый, бензин закончился?»

«Прикури от сигареты, возле тебя опасно открытый огонь держать.»

«Пацаны тащите бензобак от Моцика, Поночка ссать пошёл...»

— И как ты себя после этого чувствовал? Не отравился?

Голос Светки выдёргивает меня из воспоминаний, в которые я, сам того не заметив, ушёл с головой. Я будто воспрял от глубокого сна. Вокруг меня улыбающиеся физиономии, поначалу показавшиеся мне незнакомыми. Несколько секунд понадобилось моему впавшему в летаргию мозгу, чтобы понять, что это мои повзрослевшие друзья и мне уже не шестнадцать лет, и меня уже редко кто зовёт Славиком, тем более Сявой. Мы все переместились в другую эпоху, в другой мир, улетели на другую планету.

— Неа... ваще как с куста. Если бы вы знали, сколько я соляры в армии проглотил, когда её с дизелей сливал — веселится Поночка, от земной проекции которого, остался только этот голос и манера говорить. Его круглое лицо с каждой нашей встречей увеличивается в диаметре, впрочем, как и безразмерная будка Буратины.

Что касается Геракла и Уксуса — эти наоборот сохнут, как забытые на подоконнике цветы. Разглядывая эти лица, я думаю, а узнал бы я их где-нибудь на улице, если бы мы не встречались все эти годы. Нет...ну разумеется узнал бы. Рубильник Буратины не перепутаешь ни с чьим другим; косолапую походку Уксуса, можно различить за двести метров; Поночку выдаст серый хищный взгляд, ни капли не утративший своей волчьей хватки. Геракл...хм-м...Я разглядываю, лихо проглотившего полстакана водки друга и думаю, по каким бы чертам я смог его узнать если...

«Ну как минимум он будет в тельнике» — успокаиваю я себя. И сейчас, из под его застиранной фланелевой рубахи, торчит неизменная полосатая майка.

Осталась Светка. А вот её я мог бы и не узнать. Да нет...точно не узнал бы, настолько она изменилась, причём в лучшую сторону. Но если бы даже не узнал, всё равно бы остановился и замер. Всё равно, как попавшая на крючок рыба, побежал бы за ней, понимая, что это моё...моё единственное счастье.

Она всё-таки сдалась и сделала две робких затяжки из навязчиво подсовываемого Буратиной мундштука. Она наплевала на предосторожности, положила на то, что она взрослая уважаемая женщина с престижной работой. Сейчас ей необходимо настроиться на одну с нами волну; снести, выросшие за два года, перегородки; ощутить себя в своей стихии, в своей молодости.

Из сложенных в дудочку подведённых губ, тонкой, как игла, струйкой, бьёт зелёный дымок.

Её мгновенно накрывает. Я вижу это по подведённым глазам, в которых теперь пляшут чёртики.

— Ребята, если бы вы знали, как я рада всех вас видеть. — Задорно кричит она, одаряя всех взглядом дикой голодной кошки. — Мне с вами так хорошо. Пусть мы вместе пережили много неприятностей, но я счастлива, что у меня это было...

— Отличный тост! — Геракл вскакивает, и снова его резкое движение передаётся кальяну, который начинает угрожающе раскачиваться.

Все, как по команде хватают стаканы, которые брякают, врезаясь в центре круглого стола. Хрупкий Светкин бокал не выдерживает удара и его, отломленная ножка падает на стол.

— Ну теперь только до дна, Светик! — Ору я, обнимая её плечо.

А она и не против. Медленно запрокидывая голову назад, большими глотками выпивает всё содержимое и залихватски выбрасывает остатки бокала себе за спину.

«Браво!» — орём мы хором, лупя в ладоши.

Она смеётся, неистово и утробно хохочет, не отводя от меня диких глаз. Со стороны может показаться, что я очень смешно пошутил, хотя, за последние несколько минут, ни слова не вымолвил. Приготовленное Буратиной зелье сделало её ведьмой. Мне кажется, что её белоснежная улыбка изменилась, и сейчас вместо резцов, как кривые ножи сверкают два клыка.

— Ты чё туда подсыпал? — говорю я, и мой голос тянется, как расплавившаяся на солнце жвачка.

А Светка, не переставая хохотать, царапает моё запястье острыми ярко алыми коготками.

— Ты помнишь своё обещание, Слава?

Я мгновенно становлюсь мишенью доброго десятка, целящихся в меня расширенных зрачков.

«Какое ещё обещание?» — спрашивают эти глаза.

— Ребята, мне сделали предложение! — Срывающийся на смех голос, отдаётся в моих ушах долгим эхом.

«Что она делает? Зачем это?».

— И я его приняла. Уже очень скоро, мы улетаем в Америку!

— Куда-а? — Поночка подставляет к уху ладонь, как слабослышащий старикан.

— В Аме... — Рот Уксуса застывает в открытом положении.

Буратина же радостно хлопает меня по спине. Уж он-то прекрасно знает, кто запустил этот шар первым.

— Ну вот и чудненько! Значит летим втроём. Всё как нельзя нарядно! За это надо выпить.

Наше, образовавшееся минуту назад эмигрантское трио чокается между собой, и выпивает, в то время, как остающиеся на Родине патриоты, исподлобья смотрят на картину маслом.

Геракл, до которого смысл разговора дошёл последним (не мудрено, он ведь не прикладывался к волшебному мундштуку), смотрит на нас исподлобья.

— Значит свалить решили? К нашему стратегическому противнику? — Его, выплёвываемая через брезгливо оттопыренную губу, речь похожа на зачитываемый трибуналом приговор. — Раньше таких называли перебежчиками...предателями...

Коллегия присяжных в лицах Поночки и Уксуса, одобрительно и хмуро кивает.

— Ну-у это ты Вова перегибаешь... — улыбается ничуть не обидевшийся Буратина. — Ну какие же мы предатели. Да мы, если хочешь знать, самые отъявленные патриоты. С отъездом таких как мы, нашей матушке Родине станет только легче. Мы избавляем её от лишних ртов, ненасытных паразитов, которых она вынуждена кормить. Мы отпрянем от её истощённых сосочков и присосёмся к другим, набухшим от жирного молока. А напившись этого молока вдоволь, мы будем рыдать и ностальгировать по берёзкам, белому снежку и запаху навоза в полях.

— Да валите вы куда хотите! — Брезгливо отмахнувшись от Буратины, как от навозной мухи, Геракл разливает водку себе, Поночке и Уксусу.

Мне не нравится это разделение на два лагеря. Ещё мне не нравится то, что Буратина в своём спиче приобщил нас со Светкой к паразитам. Настоящим паразитом среди нас является только он, тот который не работал ни одного дня в своей жизни. Более того, мне не нравится сама тема разговора. Глядя на возбуждённые лики Буратины и Светки, можно подумать, что вопрос отъезда уже решён, равно как юридические и финансовые формальности.

— Ладно всё...проехали! — Я поднимаю недопитый стакан. — Давайте, вздрогнем, и закроем эту тему.

— А с чего вдруг? — В зрачках Светки шают раскалённые угольки. — Мы её только открыли, и мне эта тема по душе, тем более, нам есть что обсудить. — Она говорит слишком громко, но голос — голос низкий почти мужской.

Буратину веселит этот её запал. Морда сияет, как намазанный вареньем блин; всё его распухшее тело так и ходит ходуном, вот-вот выплеснется из под красной сорочки, растаявшим холодцом. Довольно улыбаясь, он кивает в сторону Светки, мол, слушай, что твоя баба говорит. В сощуренных хитрючих глазах, проплывает бегущая строка «Дружище, всё идёт по плану!».

А обернувшаяся ведьмой, Светка полностью забирает власть над всеми сидящими за столом. Её глаза пускают шаровые молнии, струи напалма, от которых жмурятся Уксус и Поночка, а Геракл, опускает голову вниз, демонстрируя аккуратную, будто вырезанную по циркулю, проплешину. Даже мне становится не по себе, ведь такой её я ещё не видел. Что ты наделал, Буратина?

— Слава, твоё предложение в силе? — Громкий низкий голос заставляет меня сжаться, глаза не выдерживают этого испытывающего взгляда, опускаются вниз. Я превращаюсь в маленького Славика в затёртом школьном костюмчике, мятой рубашке и криво завязанном, с прожжённой утюгом дырой, галстук. Надо мной возвышается огромная математичка Александра Васильевна, накрывая своей тенью, как гора мышку.

«Савельев, ты сделал домашнюю работу?!».

— Да! — отвечаю я Светке, голосом того самого Славика. — Но ты же знаешь...есть маленький нюанс...

— Ха-ха-ха — она раздражается ведьминским смехом. — Ма-аленький нюанс! — Её большой и указательный пальцы сжимаются на уровне глаз, оставляя между алых коготков зазор в полмиллиметра. — Ма-аленький такой нюансик. — Серёж не подскажешь, насколько он маленький?

Настала очередь отдуваться моему другу, который никогда не пасовал перед строгими училками.

— Мне нужно пятьдесят. Ну это мне...я так рассчитал...

— Молодец, Серёжка! — Кошачья лапка ложится на покатое плечо Буратины. — За что я тебя люблю, так это за то, что ты всё и всегда планируешь и рассчитываешь. И хоть эти твои расчёты, как правило, полное говно, всё равно ты достоин уважения хотя бы за попытки. Нам со Славой тоже нужно посчитать. Сейчас прикинем.

Её рука тянется к мундштуку, но Геракл вовремя перехватывает трубку и передаёт её Поночке. Ничуть не растерявшись, ведьма наливает себе полстакана вина и выпивает его залпом, лихо запрокинув голову. Прихватывает двумя коготками ролл, и, не забыв обильно промокнуть его в соусе, закидывает в рот.

Мы все молча наблюдаем и ждём, пока Светка закончит перерыв на обед. Она же, не спеша пережевывая ролл, улыбается и обводит стол хитрым масляным взглядом.

— Ну так вот! — продолжает она, промокнув губы салфеткой. — Я думаю, нам со Славиком хватит для начала и сорока. Пятнадцать у меня есть. Пятьдесят плюс сорок минус пятнадцать. Это сколько? Серёж, ты же у нас силён в математике, а я не совсем в форме...

— Семьдесят пять... — как то обречённо отвечает Буратина.

— Ну вот...семьдесят пять. Готова выслушать предложения. — Теперь чёртики из её глаз попеременно прыгают с меня на Буратину и обратно.

— Вы мне простите мою невежественность! — Вмешивается Поночка, тем самым спасая нас от неловкого молчания. — А вот...вот эти суммы пятьдесят...восемьдесят. Это что, тысяч рублей, или долларов?

— Рублей... — небрежно машет рукой Буратина. — Миллионов рублей.

— Мил...миллионов? — Повторно контуженный Поночка снова прикладывает ладонь к уху.

Худые плечи Уксуса тянутся к ушам, а Геракл в сердцах машет лапой и деловито отворачивается от стола, будто за его спиной не стена, а ещё один стол с более достойными собеседниками.

— Пойду я лучше петь... — обречённо говорит Поночка, тяжело поднимаясь с дивана. Как по команде вместе с ним встаёт Уксус. Я и забыл, что у них дуэт. Из патриотов за столом остаётся только Геракл, который продолжает обиженно созерцать декорированную под облезлый кирпич стену.

Я понимаю, что настало время прекращать эту затянувшуюся шутку, вытягиваю из

мундштука остатки дыма, на выдохе залиvisto смеюсь.

— Ха-ха-ха... вот же повелись, придурки...

В отличие от воспрявшего духом Геракла, Светка не реагирует на мой эмоциональный выпад. Она поворачивается к Буратине, нависает над ним, упираясь локтями в стол.

— С расчётами всё понятно... теперь план. Он у тебя есть?

Буратина ужимается, лыбится робко, как девочка, которую уговаривают на первый секс. Что-то лепечет про то, что ну как бы... ну конечно... вроде... ну не то чтобы прямо... но... и вообще, об этом нужно поговорить позднее...

За шикарнейшей, очерченной овальным вырезом платья, спиной Светки мне не видны эти убегающие хитрые глазки, но одну деталь я всё же успеваю заметить. За последние несколько минут, Буратина уже два раза бросил взгляд на свои умные часы, и это обстоятельство почему-то меня напрягает.

Тем временем, уже известный в узких кругах дуэт, поставил новую композицию, невнятный проигрыш которой, смутно напоминает мне детскую песенку.

«Е-есть за горами за-а леса-ами маленькая страна-а,

Там звери с добрыми-и глаза-ами, там жизнь любви полна-а».

Завывает разболтанный хор, искорёженными, косящими под детские, голосами. В итоге это походит на причитание двух старух.

«Ма-а-аленькая страна-а... ма-а-аленькая страна-а-а,

Кто мне расска-ажет кто подска-ажет где она где она-а»

— Пищат два клоуна-переростка, виляя задницами в рассинхрон.

«Нет, пацаны, пожалуйста... только не это!» — я зажмуриваюсь и сжимаю голову в тисках ладоней.

Они же продолжают скулить, и делают это всё громче и бездарней, чем приводят в восторг Светку и Буратину. Я слышу их смех и громкие хлопки ладоней.

«Нет уж... с меня хватит!» Я поднимаюсь с дивана.

— Ты куда? — спрашивает Светка, не выключившая тон учительницы.

— Александра Васильевна, можно выйти в туалет? — хнычу я жалобным голосом.

— Давай только быстро, у нас новая тема! — её ладошка звонко шмякает меня по заднице.

Вяло перебирая отяжелевшими ногами, иду в конец зала. Проходя мимо недоделанных певцов, которые уже распечатали второй куплет, затыкаю пальцами уши.

3

Туалет находится здесь же, в стенах небольшого зала. На самом деле, это удачное техническое решение, благодаря которому, резиденты одного зала, полностью изолированы от других, так что возможность пересечься сводится к минимуму. Ты проводишь время только в своей компании, практически, как у себя дома. В этой шараге, наверняка имеются ещё залы, где сейчас горланят такие же обсаженные бухлом Поночки и Уксусы.

В этом заведении я в первый раз. Я вообще в первый раз в караоке-клубе и попал сюда, разумеется, с подачи нашего общего друга. Пока мне нравится здесь всё, за исключением душевного состояния некоторых посетителей. Есть, пожалуй, только одно замечание к самому клубу. Он находится на отшибе, в семи километрах от города, и я изначально задавался вопросом о том, почему Буратина не мог найти клуб в самом городе, ведь их наверняка сотни.

Сделав свои маленькие дела, я долго и жадно хлебаю воду из под крана. Только сейчас я

понимаю, что на столе не оказалось ни одного напитка, который бы не содержал градусы. Делая большие глотки и умываясь холодной водой, периодически смотрюсь в зеркало. Сегодня я вполне ничего. Глаза блестят и помолодел изрядно. Такие видения случаются после выпитого. Самое главное избежать встречи со своим отражением следующим утром, это сильно утяжелит и без того мрачное похмелье.

В очередной раз, вскинув голову к зеркалу, вижу за спиной красное пятно и вздрагиваю.

— Ты чё шугаешься, Славка? — Буратина широко улыбается, утыкая руки в безразмерные бока. Красная рубаша (его любимый цвет) расстёгнута до пупа, на груди болтается поповский золотой крест. Почему все черти прикрываются крестами?

— Не люблю, когда за спиной стоят, особенно, когда ты почти в портере. Кстати, ты-то мне и нужен. — Я тщательно вытираю мокрые руки о подол его красной сорочки. — Ничего не хочешь мне сказать?

Сколько раз я задавал ему этот вопрос, сто, двести, тысячу? Главное, что нужно сделать после этого вопроса, это заглянуть в эти глаза. Если они начнут бегать от твоих, крутятся, как у неваляшки, значит жди приключений на жопу. Убегающий взгляд Буратины говорит, что что-то пошло не так. Что-то идёт не так уже давно, с тех пор, как он появился в нашем классе.

Да...и сейчас в этих глазах я наблюдаю то, чего так боялся.

«ALARM!»

— Слава, давай только без эмоций...просто выслушай...

— Серёга, а тебя сушняк не мучает?

— Славик, просто выслушай...

— Серёж, а ты с унитаза когда-нибудь пил?

— Слава...

— А из биде? Хочешь?

— Просто послушай!

— Тебе умыться надо, Серёга. Холодненькой водичкой из биде. Прикинь, там все жопы моют, а ты лицо. Может тебя окунуть туда три раза, как в святую купель, и всё изменится. Может, наконец, твои голова и жопа поменяются местами, и всё перестанет идти через жопу! — ору я в истерике, тряся его за отвороты рубахи.

— Да послушай ты-ы!

Напрасно я закатываю истерику, напрасно клянусь Буратину, грозя утопить его в унитазе. Всё это напрасно, потому что я рано или поздно его выслушаю. Я выслушаю его, как выслушивал всегда. Ведь это сам дьявол. Благодаря ему, наши с пацанами дорожки стали кривыми, это он источник всех наших неприятностей. И даже Светку...даже её он сделал ведьмой.

Я и не заметил, как позволил ему начать.

Снова эти пухлые губы нашёптывают очередное дьявольское заклинание. Опять этот вкрадчивый шёпот обещает, что всё будет нарядно.

— Получается, что мы здесь не просто так, и всё это... — я тычу пальцем в сторону двери, откуда раздаются отголоски пьяного хора... — это просто прелюдия?

Он, виновато ухмыляясь, пожимает плечами, мол, извини, дружище, так получилось.

Я отталкиваю его в сторону, будто отдёргивая красную занавеску, иду к двери, хватаю за ручку.

— Ты куда, Слава?

— Я домой...

— А она?

Этот вопрос заставляет меня замереть, сжимая никелированную ручку.

— С собой заберу... — цежу сквозь зубы.

— Нет... не пойдёт, да и ты пожалеешь, если уйдёшь сейчас.

— Знаешь, Серёга... — я не оборачиваюсь, и мой монолог адресован больше филленчатой двери. — Вспоминая всё то говнище, в которое ты меня неоднократно втягивал, я жалею только об одном. О том, что не уходил вовремя ...

— Но ты же не можешь знать того, что бы было, если бы ты всё время уходил. А вдруг ты бы пожалел, что тебя там не было... что в твоей жизни не хватает ярких моментов... что она серая и безвкусная, как перловая каша, что в этой жизни нет друзей, нет Светки...

Я повисаю на ручке, не в силах выйти за дверь и продолжаю общаться именно с ней.

— Скажи мне, Серёжа, а почему у меня слово «друг» ассоциируется со словом «неприятность». Это у всех так?

— Нет не у всех. У меня, например, не так. Ты считаешь, что это я причина всех твоих неприятностей? А я думал, что мы вместе... что мы братья... что все неприятности, равно как и удачи, мы должны делить напополам. Мы дети одной матери, Слава, и наш порок он общий, обусловленный генами.

Я чувствую спиной, как ходит кадык Буратины, как заблестели его глаза.

— Сколько бы я ни скитался, Слава, сколько бы друзей не находил... роднее вас у меня никого нет и не будет. Я думал, что и у тебя, то же самое. Но если ты так не считаешь, можешь идти. Больше я не доставлю тебе неприятностей.

А вот сейчас я готов биться об заклад, что по его щекам побежали ручейки. Кстати, я тоже немного потёк, и даже пару раз шмыгнул носом.

— Иди, Слава! Обещаю, что не буду втягивать Светку и парней. Операция отменяется...

Я оборачиваюсь. Мы оба мокрые и заплаканные, как сопливые детишки.

— Ладно, брат, забудь! — я утыкаюсь головой в его пухлую почти женскую грудь. — Давай уже показывай...

Медвежьи лапы обхватывают меня, крепко прижимают к груди. В нос бьёт запах пота, табака, Армани. За этими запахами еле уловимые, родные, хозяйственного мыла, общаги, школьной столовки, зубного порошка и дешёвого дезодоранта.

Вытерев о красный шёлк распустившиеся сопли, я пытаюсь отстраниться, упираясь руками в его плечи.

— Серёга, ты знаешь, что после сорока лет, двадцать процентов мужиков меняют ориентацию. С такими обнимашками, мы можем легко перейти грань.

— В Америке это в порядке вещей... — бурчит он.

— Эй ну-ка брэйк — я отталкиваю его подальше. — Мы не за этим туда едем.

— Так всё-таки едем?!

— Показывай, что там у тебя!

Буратина сгибает левую руку в локте и подносит запястье с часами к самому моему носу.

На большом круглом циферблате, вместо электронных цифр, я вижу самую настоящую живую картинку. Маленькая квадратная комнатёнка, крохотный круглый столик, за которым сидят несколько, то ли блошек, то ли людишек. Ещё несколько блошек суетятся рядом. Всё

увиденное походит на панораму, просматриваемую, через окуляр микроскопа.

«Берём пробирку и устанавливаем её на штатив — слышу я чугунный голос Ботанички. — Теперь, глядя в окуляр, очень медленно крутим колёсико. Видите что-нибудь?»

Буратина раздвигает картинку большим и средним пальцем. Микробы увеличиваясь в размерах, вырастают до маленьких людишек.

— Вот же, бля, до чего прогресс дошёл! — мычу я, вглядываясь в картинку. — Как ты это?

— Ты главное смотри, технические детали потом. — Шелестит над ухом голос Буратины.

Он продолжает увеличивать картинку, так что я могу разглядеть лица присутствующих в комнате и даже содержимое стола.

— Да-а...культурно ребята отдыхают. Смотрю даже снежком балуются...Похоже им не до песен.

— Какие там песни, смотри... — Пальцы Буратины, продолжают разглаживать картинку.

— Девчули...mmm...славные. Ну и в чём прикол? — Я поворачиваю к нему голову. — Ты что их на снежке подловить хочешь? Пфф... так себе идеяка.

— Да ты смотри внимательно. На девчонок смотри...ничё не замечаешь?

Я молча пожимаю плечами, разглядывая бледную, похожую на куклу Барби блондинку, сидящую на колене у крохотного в два раза меньше её человечка.

— Малолетки! — шипит Буратина.

— Малолетки? — я скептически морщусь, продолжая всматриваться в блондинку. — Я бы не сказал. Ты уверен?

— Я знаю! — говорит он уверенно и тихо.

— А-а...ты же у нас подготовился, — понятливо киваю головой.

— Теперь смотри сюда...

Палец смахивает картинку с циферблата, и под ней оказывается другая, не менее красочная.

— Ого-го! Бассейн, джакузи, банька...вот это уже ближе к делу... — ухмыляюсь я, разглядывая новое полотно.

— Шоу скоро переместится сюда. — Огромный палец стучит по стеклу. — Здесь будет дано главное представление. Но нам его даже смотреть не обязательно. Всё будет снято невидимой съёмочной группой, которая уже давно на площадке.

— И что дальше?

— А дальше...

Снова пухлые губы шевелятся, шелестят на уровне моих глаз, произнося вторую часть заклинания, и я, как обычно не могу оторвать от них свой намертво прилипший взгляд.

«Идите ко мне бандерлоги!»

«Слушаем тебя, о великий Каа!»

Сеанс гипноза прерывает Светка, ворвавшаяся в туалет чёрным диким вихрем.

— Ага-а...детишки притаились и шушукуются. Точно задумали какую-то шалость.

Её острый локоток опирается на кафельную стену. Грациозное тело в длинном платье изогнуто в дугу. Потягивающаяся кошечка. В её глазах всё тот же отрешённый блеск.

Широкую улыбку украшают вампирские клыки.

И вот мы снова превращаемся в школяров, застуканных заучем в туалете за куравом.

— Да ты чё Светик! Я просто Серёгу часы попросил показать. Зацени, какие классные.

— Не лепи горбатого, Славик. — Кошачья лапка впивается мне в плечо. — Знаю, вы что-то задумали. Вот он задумал! — Острый коготок целится в Буратину.

Её язык немного заплетается, но она не походит на пьяную бабу. Она ведьма.

— Ничего я не заду...

— Я за! — Перебивает Буратину Светка, и поднимает вверх ладошку, будто просится к доске. — Я за любой кипиш, каким бы он ни был.

— Хорошо! — сдаюсь я. — Ты права, у Серёжи снова появилась гениальная идея. Только давай я расскажу тебе всё сам, а ты уже взвесишь все «За» и «Против». Только не здесь. Давайте уже покинем уборную, а то пацаны начнут суетиться.

— Вообще-то, я пришла сюда, чтобы «пи-пи» сделать. Как вы успели заметить, туалет здесь один и занимать его по полчаса верх невежества.

— Ой пардон! — кричит Буратина. — Не будем мешать... — он хватает меня за плечо и подталкивает к двери.

4

Мы снова окунаемся в дымную, прорезаемую лучами стробоскопа завесу, за которой раздаются голоса знакомого дуэта.

«Ма-альчик хочет в Тамбо-ов, ты знаешь чики-чики-чики та-а-а,

Ма-альчик хочет в Тамбо-ов, ты знаешь чики-чики-чики та-а-а...»

Буратина плывёт в дыму первым, уверенно держа курс к подиуму, откуда раздаются разболтанные раздражающие, как гудение зубной бормашины звуки.

«Но не летят туда сегодня са-амолеты и не едут даже поезд-а-а...»

На обтягивающей широкую спину красной рубаше, круглое пятнышко пота. А он, я гляжу, волнуется.

— Всё, пацаны, смена караула! Наша очередь петь. — Он пытается вырвать микрофон у Уксуса, но тот уцепился в него бульдожьей хваткой, продолжая орать как оглашенный

«Ма-альчик хочет в Тамбо-ов...»

Глядя на неистовое сражение звёзд шоу бизнеса за микрофон, я думаю о плане Буратины. Сегодня я уже не смогу думать о чём либо другом. Только сейчас, когда всё им сказанное, более-менее раскидалось по полочкам в голове, собралось в одну картинку, возникают вопросы. Крючки вопросительных знаков, со звуком лопающихся пузырьков один за другим появляются перед моими глазами. Без ответов на все эти вопросы я даже шагу дальше не сделаю.

Тем временем, схватка на сцене продолжается. Буратине уже удалось овладеть микрофоном, но теперь ему противостоит более крупный боец. Поночка отчаянно бросается в бой, и тщетно пытается заломить медвежьей лапу, чтобы вырвать из неё заветный микрофон. Ему на помощь подоспел Уксус, который повис сзади на мясистой шее Буратины. Тот же рычит и мечется, как медведь, пытающийся скинуть с себя свору собак, так что, обутые в белые кеды, ноги Уксуса безвольно болтаются в воздухе.

— Славка-лавка-лавка-лавка...помагай-гай-гай-гай — Из последних сил орёт Буратина в микрофон.

Я не спешу ввязываться в эту шутейную возню, так как занят более важным делом. Сейчас мой палец стучит по экрану телефона, набирая в Ватсапе сообщение.

«Почему нужно делать это именно сегодня? Имея эту информацию, ты мог подвалить к ним в любой другой день».

Нажимаю «Отправить».

Дзинь-нь — Вспышка на волшебных часах, побуждает Буратину поднести руку ближе к лицу, чтобы рассмотреть содержание сообщения. Он забывает, что этой самой рукой он сжимает голову Поночки, которая начинает трещать, как спелый арбуз.

— А-а-й ухи...ухи...отпусти бля-а! — скулит зажатая в тиски жертва, а я, воспользовавшись моментом, выдергиваю микрофон из ослабевшей руки.

— Пацаны-ны-ны...давайте не будем ссориться. Лучше споём вместе-те-те.

Я подхожу к монитору и в окошке поиска набираю первую, пришедшую на ум, композицию. Нужно дать Буратине передышку, чтобы он успел напечатать ответ.

Проигрыш заставляет всех встрепенуться и хором издать восторженный возглас. Я знаю, что выбирать.

«На привокза-альную-ю сегодня я пойду-у...»

Я чувствую, что эта строчка последнее, что мне удастся спеть в одиночестве. Два горе певца уже обступили меня и набирают в лёгкие побольше воздуха, чтобы навалить бэк вокала.

«Ва-азьму бутылку водки-и, чтоб нака-атить па-а сотке-е с дружкой проща-альную-ю...» — Орут они в оба моих бедных уха, так что я получаю лёгкую контузию. Дальше пою не слыша ни себя ни их, в звенящей, словно после взрыва гранаты, тишине.

Вижу, как в тени, куда не долетает луч стробоскопа, стоит Буратина и что-то ласково нашёптывает в свои супер-часы. Ещё пятнадцать лет назад его бы, несомненно, приняли за идиота, но сейчас. Сейчас я не удивлюсь, если увижу типа, который разговаривает с банкой пива, или с фонарным столбом.

Не успевает он опустить руку вниз, как я уже ощущаю лёгкую вибрацию в кармане джинсов. Мяч на моей стороне.

Я отдаю микрофон Поночке. Всё, ребята, с меня хватит, дальше как-нибудь сами. Спускаюсь с подиума, едва не сталкиваясь со спешащим в противоположном направлении Буратиной. У нас произошла своеобразная смена караула, и теперь уже он будет солистом этого трио.

«Дава-ай быстрее брат нале-ей, за бизнесменов и враче-ей...».

Я занимаю ровно то место, где несколько секунд назад находился Буратина, отворачиваюсь от сцены и плююсь на экран телефона.

«За музы-ыкантов и воро-ов, и участко-овый будь здоро-ов...»

Его голосовое сообщение трансформировалось в текст, и это очень хорошо, так как после полученной контузии, мой слух ослаб ровно в два раза и все звуки доносятся до меня в несколько искажённом виде.

«Только сегодня и сейчас, брат! Другой возможности подобраться к ним так близко не будет. Они всегда при охране и в публичных местах не появляются. Здесь они у себя дома, расслаблены и считают себя в полной безопасности. Все остальные детали, я тебе уже изложил. Так что? Ты в теме?».

Ишь ты, какой быстрый. Подожди...у меня ещё куча вопросов.

Я виляю задом, стараясь попасть в ритм, в то время как большой палец отстукивает очередной месседж.

«Зачем тебе мы? Ладно я, со мной понятно, но Светка, пацаны. Ты же не

собираешься их задействовать. Получается, мы подвергаем их риску, используя в тёмную.»

«И за девчо-онок что поро-ой нас увлекали за собо-ой...»

В зале появилась Светка. Она, как восточная танцовщица, плавно качает бёдрами, её руки и длинные пальцы извиваясь лианами, рисуют красивые узоры. Я, пританцовывая, направляюсь к ней, и пытаюсь изобразить, что-то вроде лезгинки. Резко разбрасываю руки то вверх, то в стороны, семеню вокруг неё мелкими шажками. Так себе лезгинка, больше походит на брачный танец людоеда из африканского племени. Она же, хитро подмигнув, накидывает на меня невидимое лассо, не спеша перебирает руками, затягивая невидимую петлю, притягивает к себе. Я покорно плетусь за поводком, в то время как она отступает назад, не давая ослабнуть натяжению невидимой верёвки.

«Я жду...» — шепчут огоньки в огромных зрачках.

Мне пока нечего им сообщить. Я и сам жду.

«Икра-а на бе-елый хле-еб... пусть бу-удет та-ак у все-ех!»

Орут два соловья, которых снова оставили в одиночестве. Буратина отошёл к монитору, и, делая вид, что выбирает следующую песню, снова болтает со своими часами.

Я хватаю Светку за руку, притягиваю её к себе, шепчу в украшенное золотой подвеской миниатюрное ушко: «Света, это очень опасно!».

— Хочу-у! — шепчет она в ответ, и огоньки в кошачьих глазах начинают накаляться и краснеть.

— Если что...если даже мы с ним пойдём...вы с парнями не при делах. Поняла? — Мой шёпот переходит на срывающийся баритон.

— Хочу-у! — Кошачьи когти больно впиваются в ягодицы — Хочу сама!

— Хорошо! Сейчас я всё выясню и напишу тебе в Ватсапе. Дальше тебе решать. Ты извини, мне нужно отойти...

Почувствовав знакомую вибрацию в кармане, я нежно отстраняю от себя Светку, и отворачиваюсь, чтобы прочитать ответ от Буратины.

«Всё должно быть натурально. Они должны убедиться, что здесь обыкновенная лоховская тусня. Кроме вас, мне некого было позвать, тем более я хотел совместить приятное с полезным. Думаю, что пацаны не обидятся, когда получат внушительный кэшбэк. А Светка...Светка сама подписалась. Ну так что? Брат, мне нужен твой ответ, время уже поджидает».

«Десять минут» — Отстукиваю я на панели, отправляю сообщение, и иду прочь от поющего шалмана. Мне нужен таймаут, чтобы принять финальное решение.

5

Я подныриваю под нависающее над столом дымное облако, и падаю на стул.

«Итак, что мы имеем — думаю я, нещадно лохматя пальцами гриву. — Очередной наполеоновский план от человека, у которого на лицо все признаки прогрессирующей шизофрении. Нет...он хорош, чё тут говорить. На словах всё выглядит просто идеально, вот как будет на деле? Вероятность успеха не больше десяти процентов, но выигрыш...выигрыш может быть колоссальным. А что будет в случае провала? Какую цену имеет поражение?».

Мои размышления прерывает упавшая на сторбленную спину чугунная лапа.

— Братан, посмотри, во что мы превратились?

Геракл! В последние полчаса все будто забыли о его существовании. А он всё это время сидел в дымном облаке, и наблюдал за нами со стороны.

— Что ты имеешь ввиду, В-вова... — говорю я растерянно, пытаюсь прийти в себя.

— Ну ты посмотри на них! — короткий толстый палец протыкает дым, указывая в сторону сцены, где уже четверо исполнителей, раскачиваясь в обнимку, разномастным хором воют очередную нетленку.

«...качнѐ-ѐтся ку-упол не-еба, большо-ой и звѣздно-сне-ежный.

Как здо-орово, что все-е мы zde-сь сегодня-я собрали-ись...»

— Старики...старые пердуны. Все...ну может быть кроме Светки.

— Ну зачем ты так Вовик...мы все ещё вполне ничего...

Он кисло морщится и чёрная с проседью щетина бороды встаёт дыбом, как колючки у дикобраза.

— Ста-ри-ки и ты тоже Славка. Я же не про внешность сейчас говорю, а про ваше нутро. — нараспев рычит он баритоном один-в-один как у Высоцкого. — В вас изюм пропал, Слава! Пе-ерчика не стало! У вас перчики отсохли и отпали. Да и у меня. Он тяжело роняет голову на грудь, но тут же вскидывает на меня свои серые глаза.

— Мне не хочется стареть, Славка...хочу как раньше. — Его лапа обхватывает мой затылок и притягивает голову к своей. Наши лбы с треском вдавливаются друг в друга. — Хочу как тогда-а!

«Что ж вы сегодня все хотите, и, главное, требуете этого от меня. Я тоже много чего хочу. Как минимум я хочу собраться с мыслями...»

— Давай выпьем, Славка! — Он плескает мне водки и поднимает свой, заблаговременно наполненный стакан.

— Давай! — обречённо вздыхаю я, брякаю стаканом об его и опрокидываю в себя жгучую жидкость. Сейчас, что бы я не принял, буду становиться только трезвее.

— Ты помнишь, какая у нас была команда, Сла-вик? Кон-то-ра! — Шлепки по спине, грозят выбить из меня, только что проглоченную водку и закинутый сверху ролл. — А сейчас...люди всё те же, а команды нет...

— Нет Боба... — бурчу я набитым ртом, — мы уже не че люжи, что раньше. Мы вше ижменилишь...

— Кто спорит, Славка...у всех свои тараканы в башке. Я же не прошу, чтобы мы как раньше...всегда вместе. Но хотя бы сегодня, сейчас, когда мы собрались. Почему, хотя бы на несколько часов нельзя побыть той самой Конторой. Посмотри...мы же все порознь.

Его рука снова указывает на мерцающую сцену.

— Эти два...только и делают, что поют. А им вообще нельзя этого делать, особенно Уксусу. Ты весь вечер с толстяком шушукаешься. Я один...Светка тоже будто сама по себе. Что происходит, Славик?

Широко расставленные серые глаза сверлят мой череп. В них ещё осталась та юношеская прямота, которую не истребили годы и тонны выпитой водки. В одно мгновение из этих глаз начинают исходить тёплые лучики, укутанные в бороду губы, ползут в стороны. Широкая ладонь гладит моё лицо, щипает и оттягивает в сторону щёку.

— Славка, а ты помнишь нашу первую встречу?

— Конечно помню. Нас же за одну парту посадили первого сентября.

На самом деле, ни черта я не помню. Сейчас я просто констатирую факт. Когда-то добрая учительница Валентина Артамоновна посчитала нужным усадить нас вместе. Я это знаю, но не помню, как конкретно это было. Да мне и некогда вспоминать. Сейчас мне нужно принять важное решение, а для этого я должен проанализировать всю имеющуюся на

руках информацию.

— Ты был мелким, кругленьким, кудрявым, и напоминал мне резинового пупсика. Ты был таким жалким, Славик...

«Итак, что мы имеем. Два брата — один депутат, другой банкир, оба известные в нашем городе и за его пределами личности. Допустим, что у нас есть на них хороший компромат. Допустим, что этот компромат их напугает. Ну Буратина же готовился, изучал материалы. Допустим, что сегодня единственный шанс подобраться к этим бычкам и взять их за рога...

— ...школьный костюм висел на тебе мешком, таких мелких костюмов просто не шили. А пахло от тебя знаешь чем? Зубной пастой «Незнайка». Ты был как молочный поросёнок, Слава.

«Теперь нужно прикинуть варианты исхода событий. Допустим, они повелись. Что тогда? Как технически будет организована передача выкупа? Буратина сказал, что он всё продумал, и здесь ему можно верить. У него талант продумывать такие дела, не хватает таланта доводить их до конца. Даже если всё будет выглядеть нарядно на первый взгляд, может иметь место блеф. Они могут заплатить, а потом, после торжественного обмена, взять нас за холки. Предусмотрел ли он страховку в случае такого исхода? Как правило, страховка на случай, если что-то пойдёт не так, является белым пятном в его безупречных планах. А что-то всегда идёт не так. А если предположить самый пессимистичный исход?

— Ты весь первый урок просидел, сложив руки, и пялясь на доску. Ты ни разу не шелохнулся. Тогда я подумал, знаешь что? Я подумал, почему всех в классе рассадили по принципу мальчик-девочка, а нас мальчик-мальчик. Нет, тогда я ещё не испытывал тягу к слабому полу, тем более к таким соплежуйкам, но всё же...сама эта ситуация. Почему я оказался исключением из правил? Значит, со мной что-то не так? Или что-то не так с этим кудрявым недомерком. Только гораздо позднее я отдуплился. С нами обоими всё было не так. Всё было не так с самого начала, мой друг. Но я нисколько об этом не жалею.

«Что если они не поведутся! Что будет тогда? Это было предусмотрено в его плане? Ещё одно белое пятно? Какая опасность нам может грозить, если их не тронет эта информация?»

— А ближе к концу урока ты начал ёрзать. Что-то тебя беспокоило, но ты держался, пытаешься сидеть истуканом. Только уши у тебя стали малиновыми. Ты даже ни разу не повернул ко мне голову, не взглянул на меня, тогда, как я изучил тебя от и до. Ты помнишь первое задание Валентины? А я помню. Она нарисовала на доске знак, и спросила «Детишки, а вы знаете, как называется этот знак?»

— Плюс! — отвечаю я на автомате.

— Точно! Наверное, ты помнишь, почему так ёрзал?

«Да ни хрена я не помню, Вова. Пожалуйста, дай мне собраться!»

— Когда ты уже начал хныкать, я спросил, «что случилось?». Помнишь, что ты мне ответил?

«Буратина, как обычно просчитал только выгоду. Риски! Нужно оценить риски!».

— Нет, Вова. Что-то не припоминаю...

— Ты сказал «Я хочу писять» и захныкал. — Геракл нежно гладит мою голову. — Тогда я поднял руку и сказал «Валентина Артамоновна, а можно мальчику выйти?». Тогда она сама взяла тебя за ручонку и повела в туалет. Ты был ма-аленьким клопиком.

— Теперь вспомнил, Вова. Ты спас меня от позора, спасибо тебе. — Я механически улыбаюсь, пытаюсь мысленно вернуться к мучающему меня вопросу.

«Риски! Чем это может нам грозить! Соберись, тряпка!»

Мне кажется, что целая вселенная мешает мне принять это решение. Все: бубнящий под ухом Геракл; два горлопана, завывающих про золотые купола, которые «на-а груди-и наколоты-ы»; Буратина, бомбящий меня сообщениями: «Ну что?», «Ты решил?», «Братан, время»... все они грозят взорвать мой перегруженный мозг.

— А потом. Потом я гуляю во дворе и вижу тебя в куче какого-то дерьма. Ты стоял и снова выл, как девочка. Только потом я узнал, что ты решил побегать по застывающему цементу, которым залили яму на отмошке. Ты тогда по колено провалился и мог превратиться в живой монумент, если бы я тебе палку не сунул. Ты же так и вылетел из своих резиновых сапог, которые вмуровались в бетон, и я притащил тебя домой босым. Помнишь?

— ДА! — отчаянно кричу я.

«ДА!» — сообщение улетает в сторону сцены.

Я помню всё, мой друг. Канцелярские кнопки на стульях, взрывающуюся колбу на химии, высаженное из рогатки стекло и бегущего за нами мужика в грязной майке.

Помню пугачи и самострелы, воткнутый в твою черепушку дротик сделанный из стержня шариковой ручки и вставленной в него иглы;

помню взрыв-пакет изготовленный из марганца и магния, благодаря которому, я чудом не остался без пальцев;

помню побег с уроков, трёпку от завуча и родителей;

помню нашу кругосветку, когда мы с полбуханкой хлеба решили по рельсам идти в Москву,

помню возвращение домой в ментовском Уазике.

Помню запах шипящего в воде карбида, вкус гудрона, который служил нам жвачкой; костёр у тебя на балконе, когда мы чуть не спалили твою хату;

помню как ты насрал на пороге квартиры Ленина,

как мы повадились ходить в «Кишки» и тырить там газировку «Золотой ключик»,

как однажды были схвачены и доставлены домой ментовским эскортом.

Помню зелёные стены комнаты милиции и строгие педсоветы, где мы с тобой стояли бок-о-бок, под прицелом испепеляющих глаз учителей;

помню тяжёлый воздух подвала,

помню запах голубинового говна на чердаке. Я всё помню, дружище.

— Это были шалости невинных младенцев. Всё стало серьёзней, когда появился он.

Кисточка палевой бороды Геракла указывает в сторону сцены, где под завывания осточертевшего за вечер дуэта танцуют Буратина и Светка. Они изображают что-то похожее на медленный танец, но огромный шар, коим является живот партнёра, не даёт паре сблизиться на интимное расстояние. Буратина, что-то активно втолковывает Светке, а она не менее активно трясёт головой. Ясно, он колется на счёт операции. Теперь мне не нужно будет что-то объяснять Светке.

— Забытый укол ревности? — Пудовый кулак тычет меня в плечо.

— Нет, Вова, я уже вышел из этого возраста. — Я ухмыляюсь, продолжая смотреть на парочку и одновременно тыкать большим пальцем в телефон.

— А я вот тебя ревновал к нему. Ненавидел эту морду всей душой. Сейчас вот стал понимать, что он такая же неотъемлемая часть меня, как ты, как Поночка, как Уксус. Без него жизнь была бы гораздо скучнее. Кстати, что-то давно он нас в очередную жопу не

втягивал, мне даже скучно становится.

«Подожди-и» — мычу я про себя, продолжая улыбаться.

«Жду дальнейших инструкций».

Отправленное мной сообщение приземляется на запястье Буратины, отчего оно вспыхивает.

Парочка продолжает медленно раскачиваться под раздражающее, как скрип несмазанной двери, завывание другой парочки.

«А бе-елый ле-ебедь на пруду-у-у...».

Мне кажется, что сегодня они не заткнутся. Незадачливых певцов могли бы отвлечь закуска и выпивка, но они предусмотрительно захватили с собой пузырь стаканы и тарелку апельсинов, расставив всё это возле пульта.

— Давай, братан!

Водка булькает, наполняя стакан до краёв. Стекло борта со звоном ударяются друг в друга, едкая тягучая жидкость обжигает плотку. Скулы сводит судорога. Я хватаю сигарету, прикуриваю, жадно втягивая дым.

Сто грамм и затяжка дарят мне несколько секунд подобия эйфории

— Вовка...тебе бы жениться... — говорю я на дымном выдохе. Нет...ты рукой то не маши...тебе баба нужна, такая что тебя в руки возьмёт.

— Сам-то ты...

— Я другое дело, тем более я уже был женат. Мне кажется, что это сделало бы тебя чуть счастливее...

— Кому я нужен? Ни работы, ни хаты, ни машины... — горько бурчит Геракл.

— Э-э...дружище, ты это брось. А сам ты что, ничего не стоишь? Не всё же измеряется бабками и машинами, и на тебя найдутся охотницы. Женишься, а там, глядишь, всё это появится.

Серые глаза смотрят на меня с тоской человека, разговаривающего с собакой, или деревом.

— Слава, ты сейчас будто школьник, который пишет сочинение на тему «Человек, это звучит гордо». Ну, для первого класса может это ещё и потянет, но мы с тобой далеко не первоклассники, и время уже не то. Нет денег, нет человека...

— Вова, а если бы вопрос стоял только в сумме. На какую бы ты согласился? Сколько тебе нужно, чтобы охмурить какую-нибудь бабёнку, сбавить ей на гитаре, как ты это умеешь, почувствовать себя мужиком.

— Я не жадный, Славик...мне бы и пары лепёшек хватило, только где же их взять.

— Главное, чтобы цель была. Вот ты уже знаешь, что тебе нужно два лимона, и главное, знаешь, для чего они тебе нужны. Это уже полдела.

— Ну вот...теперь пошла консультация от психолога. Сява, с тобой чё сегодня? Может ещё намахнёшь?

— А чего не намахнуть? Я за! Только давай уже всех позовём, иначе мы сегодня так вместе и не соберёмся.

Я встаю и машу руками. «Свистать всех наверх! Подгребайте сюда, у нас с Вовой тост есть!».

Песня как раз закончилась и счастливые и покрасневшиеся артисты спустились в зал и расселись по своим местам.

— Ну давай свой тост! — Буратина поднимает стакан, с плещущимся на дне вискарём.

— Предлагаю выпить за нашего друга Вована, чтобы он наконец-то уже женился.

Тост встречен одобрительно, но с небольшим недоумением, скрывающимся за звоном стаканов, хлюпаньем и чавканьем.

— Да-а...кто бы мог подумать, что этот, подающий надежды, красавчик будет прозябать в одиночестве. — говорит Буратина, кладя свои медвежьи лапы на наши с Гераклом плечи.

— Ты вот у нас тоже подавал надежды и что? — Бурчит Геракл. — Тоже всю жизнь бобылём проходил. Ты уж извини, Серёга, но шлюхи и состоятельные дамы с пометкой «шестьдесят плюс» не считаются.

— А я и не спорю, Вова. Может быть я и не достоин любви прекрасного пола, но ты... Вспомни каким ты был. Ты был хоро-ош! Ну хотя бы взять эту практикантку лаборантку.

Все сидящие за столом тут же вспоминают эту щемящую душу историю, которая не может не вызвать невольной улыбки. Все, кроме Светки.

— Что ещё за лаборантка? — спрашивает она тоном жены, прослышавшей о похождениях неверного супруга.

— А ты и не знаешь, Светик! Это было уже после того, как ты перевелась в другую школу! — Довольно мычит Буратина в предвкушении интересной истории, которую есть, кому рассказать.

Он закуривает, и, опираясь локтём на плечо главного героя повествования, рассказывает уже известную мне историю, о том, как однажды, на уроке химии появилась...

«...её зовут Эльвира, и она будет моей помощницей...»

Химичка с прозвищем Колба, направила указку, на находящийся справа от неё объект. Да-да...она тыкала в объект именно указкой, и этим жестом уже показывала своё к нему отношение. Она догадывалась, какую химическую реакцию может вызвать у особой мужского пола этот элемент. Объект обладал чёрными, ниспадающими на плечи, волосами, высокими скулами и тонкогубым ртом. Верхняя его часть могла бы показаться вполне посредственной, если бы не то, что было ниже. А ниже была бледная, как у лебедя, шея; выпирающие из под расстёгнутой на две пуговицы, блузки, высокие груди; и аппетитные, как жареные окорочка, ножки, которые открывала неприлично короткая юбка. И самая важная деталь — эти ножки не были одеты в чулки, что делало доступной для вожделенных взоров, атласную гладь бёдер.

Химическая реакция мгновенно поразила всех особей мужского пола. Она заставляла их зрачки расширяться до невероятных размеров, запускала полчища мурашек, наполняла слюной рот, и будто велосипедным насосом накачивала то, что находилось у них ниже пояса.

Осознав, что ей подсунули мину замедленного действия, Колба немедленно прогнала Эльмиру в лаборантскую, и с тех пор она оттуда уже не показывалась. Никто не знал, что она там делала. Может быть мыла колбы, смешивала физрастворы, разливала по склянкам серную кислоту, а может, подобно Золушке, пересчитывала крупинки марганца по заданию злой мачехи.

Никто из нас не знал, чем должен заниматься лаборант, зато все представляли. Все мы в своих фантазиях помогали ей протирать колбочки, аккуратно вставлять их в штативы; все мы гладили мокрой ладошкой глянцевую поверхность идеально круглых сосудов, и мысленно

наполняли смазанную пробирку, брызгая в неё из переполненной пипетки.

Вся мужская часть класса внезапно стала любить предмет химии, и это была далеко не заслуга Колбы.

Но все мы так и оставались безнадежными мечтателями, впадшими в кому от спермотоксикоза. Все кроме Геракла. Он пошел дальше всех нас и обставил на этом поприще даже Буратину.

Нашего Вовика словно подменили. Внезапно он полюбил уроки химии, которые до этого чаще всего прогуливал, и первые шаги к возделенной цели сделал прямо во время одного из этих уроков. Мы с ним были неизменными соседями по парте с самого первого класса. Но это не всё. На любом предмете, будь то математика, физика, или та же химия наша диспозиция в кабинете была неизменной. Мы всегда занимали последнюю парту в крайнем правом ряду. По иронии судьбы, как раз за нашей партой в кабинете химии, и находилась заветная дверь в лаборантскую. Никто, включая царапающую на доске мелом формулы, Колбу не заметил, как Вова пропал в самом начале урока, и появился на своём месте только в его конце. Его физиономия сияла, как святой лик, а глаза горели безумным огнём.

Тогда бесполезно было, пихая его локтём в бок, расспрашивать, что он делал в тайной комнате. На неопределённое время, Вова потерял интерес ко всему вокруг, кроме одного объекта.

С тех пор он посещал заветную комнату на каждом уроке химии. Дальше — больше. Мы были поражены произошедшей с Гераклом метаморфозе. Из неухоженного вечно лохматого двоечника, он превратился в галантного кавалера. Теперь он зачёсывал свою шевелюру на пробор, и мы с удивлением узнали, что его зубы могут быть идеально белыми. Часто на переменах перед долгожданным уроком, он бегал в находившийся через дорогу буфет, откуда таскал своей пассии беляши и мороженное.

Но самый великий подвиг Геракла, предвещавший скорое наступление апофеоза в отношениях с лаборанткой, случился в день учителя. Тогда всех нас согнали в актовЫй зал, где хорошие ученики чествовали любимых учителей, читая им стихи и задаривая цветами, а не очень хорошие смотрели на всё это и учились тому, как надо жить. Цветов было много и растроганные учителя складывали их на подоконник, чтобы целый час не держать в руках огромные веники. Увидев заваленное цветами окно, наш Ромео видимо вспомнил, о ещё одном незаслуженно забытом педагоге, о Золушке, которую злые сёстры, отправляясь на бал, оставили в маленькой каморке. Он пробрался к находящемуся за спинами сидящих в рядок учителей подоконнику, набрал полную охапку цветов и был таков. Не нужно было гадать, куда он побежал с этим огромным благоухающим ворохом.

За таким возвышенным поступком, должна неизбежно следовать кульминация отношений и Мы, подобно зрителям увлекательного фильма, с нетерпением ждали этой самой кульминации.

«Ну ты ещё не...»

«Когда уже?»

Нападали мы на Геракла с вопросами, которые цедили сквозь скрипящие зубы. Мы, ещё не вкусившие запретного плода, жаждали знать, как это. Как оно там, в космосе, куда нашему другу суждено попасть первым.

Полёт не заставил себя долго ждать. Спустивший пары и приземлившийся Гагарин, снова превратился в улыбчивого паренька, который, вальяжно дымя сигаретой, рассказывал

про проплывающие за иллюминаторами звёзды, про прекрасный шар, с его синими океанами и глубокими озёрами, про звуки пролетающих комет, заглушаемые пением солиста «Энигмы».

Но звёздной эйфории не суждено было длиться долго. Она закончилась в тот день, когда космонавт пожаловался на непонятные ощущения. Он говорил, что ему почему-то больно мочиться и наивно думал, что, наверное, так у всех бывает после первого полёта. Ну, у девчонок же бывает, а мы чем хуже?

Оптимизм Геракла поспешил развеять Уксус, который на следующий день притащил в школу большую медицинскую энциклопедию. Сгрудившись возле подоконника и водрузив туда огромный талмуд, мы, разинув рты, погружались в неведомый доселе мир. Красочные картинки и описания недугов одновременно пугали и завораживали.

За двадцать минут большой перемены мы узнали, что такое экзема, грибок, дерматит, туберкулёз, псориаз, стафилококк, почечная недостаточность и инфаркт;

как выглядят споры и штаммы;

что такое гепатит, артроз, энцефаллопатия, язва двенадцатиперстной кишки.

Всё это было жутко интересно, но самая жара пошла, когда Уксус перелистнув очередную хрустящую страницу, открыл ящик Пандоры с названием «Венерические болезни».

Это был настоящий трэш, хоррор, почище «Пятницы тринадцатое» и «Кошмара на улице Вязов». Картинки с изображением воспалённых, покрытых язвами и сыпью, увеличенных до невероятных размеров гениталий, заставляли нас морщиться и отводить глаза. Во время просмотра, я поймал себя на том, что начинаю почёсываться во всех местах, а впечатлительный Поночка в какой-то момент закрыл ладошками лицо со стоном «Пацаны, я не могу на это смотреть...».

Но наше путешествие по садам греческой богини Венеры продолжалось. Мы изучили четыре стадии сифилиса; узнали, как выглядит шанкр, после чего наткнулись на то, что искали.

— Оно?! — злорадно спросил Уксус, водя кривым пальцем по описанию болезни со смешным, похожим на породу птички, названием «Гонорея».

— Похоже на то... — обречённо ответил Геракл, которому предстояло испытание пострашнее, чем всё, что было до этого. Описание течения заболевания было не таким уж ужасным, тем более Геракл всё это знал. Гораздо страшней описывались последствия. Импотенция и бесплодие являлись малой частью многообещающих перспектив, которые грозили настичь отказывающегося от лечения пациента.

После постигшего его шока, Геракл возненавидел химию и лабораторные опыты, а одно только упоминание об Эльвире заставляло его морщиться и сплёвывать сквозь зубы. Но химию ему всё же пришлось изучать и даже углубиться в более серьёзные её аспекты, такие, как фармакология. Гераклу нужно было не только узнать, какое лекарство излечит его от недуга, но и раздобыть его. В этом ему помог Уксус, мамка которого была медиком. Уже на следующий день, он явился к Гераклу в образе спасителя. Уксус с апломбом доброго волшебника, раскрыл, принесённый пакет, откуда по очереди доставал какие-то склянки.

— Вот это то, что тебе нужно! — он сунул в руку Гераклу стеклянный бутылёк, наполовину наполненный белым порошком.

— Би-ци...бициллин — Геракл прочитал полузатёртую голубоватую надпись на стекле.

— Да...это антибиотик. Нужно сделать пять уколов, по одному в день. Я дам тебе пять

ампул, только не проеби. Вот одноразовый шприц, правда он один, но тебе пойдёт на все пять раз. А это — Спаситель достал стеклянную капсулу, которую поднял на уровень глаз. — Это дистиллированная вода. Одна капсула на один бутылёк. Здесь тоже пять капсул.

— А где ты всё это достал? — хрипел Геракл, который от радости чуть не лишился дара речи.

— Тебе повезло. Мы собаку этим лечили, и вон ещё осталось...

— Собака чё...тоже гонореею подхватила? — глупо улыбнулся Геракл.

— Нет! В отличие от тебя, Шварц контактирует только с породистыми сучками. А вообще им его от какой-то инфекции лечили.

Поскольку встреча проходила у Геракла дома, в отсутствие предков и прочих свидетелей, Уксус вызвался немедленно сделать первую инъекцию. И тут наш Вова поплыл. Он страдал ужасной иглофобией, и его было не затащить к медсестре, когда нам ставили плановые прививки. Геракл начал чесать голову и нарезать круги по маленькой комнате, бурча, что он ещё не готов, нужно собраться и что-то в этом роде. В конце концов, Уксус всё-таки убедил товарища, что сделать это нужно и что лучше, чем он никто этого не сделает.

— А ты чё, ставил кому-то уколы? — хмыкнул Геракл.

— Конечно ставил и не раз.

— Кому, Шварцу?

— А чё, собаки не живые существа? Они, между прочим, чувствуют боль ещё сильнее. Но укол он доверял поставить только мне.

После этих сомнительных доводов Геракл согласился.

Обрадованный возложенной на него миссией, Уксус тщательно вымыл руки (как это делают все врачи), ловко отломил стеклянный кончик у капсулы с дистиллированной водой и набрал её содержимое в шприц. Затем, продолжая действовать так же уверенно, он проткнул иглой резиновую крышечку бутылки с заветным антибиотиком и впрыснул туда содержимое шприца. Смешанный с водой порошок приобрёл цвет и консистенцию жирного молока. Затем Уксус выкачал густое содержимое обратно в шприц, и, подняв его, на уровень глаз стал щёлкать по игле.

— Надо выгнать весь воздух, — говорил он, сосредоточенно уставившись на иглу, из которой прыскали тонкие струйки жидкости. — Если хоть один пузырёк останется, он может попасть в сердце и тогда хана.

Пациента от этой информации, (которую он вовсе не просил ему сообщать), начала бить мелкая дрожь.

Далее последовала команда лечь на живот и приспустить штаны. Место укола требовалось обработать спиртом, но ничего спиртосодержащего, кроме огуречного лосьона в доме у Геракла не водилось. Уксус обильно полил из бутылка правую ягодицу пациента, от чего та стала источать аромат свежего огурца, и начал пристально всматриваться в бледный холмик, выискивая на нём место, куда можно воткнуть иглу.

— Готов? — спросил он, почти потерявшего сознание пациента.

— Готов... — промычал тот в подушку.

— Давай Вова, на раз два три. Р-раз.

Уксус решил обмануть Геракла и уже на первый счёт, коротко размахнувшись, будто нож, вогнал иглу в окаменевшую ягодицу.

— А-а-а бля-я-я-а-а! — завопил Геракл, тело которого изогнулось дугой. — Бо-ольно-о-

о!

— Терпи! — С хладнокровием мясника, Уксус начал давить на шток.

— А-а-а-а...не могу-у-у — скулил Геракл, кусая подушку.

Чем глубже вдавливал шток Уксус, тем протяжней и сильнее был его пациент. После того, как весь раствор был выдавлен из шприца, Уксус выдернул его из многострадальной задницы. Он полагал, что шприц нужно доставать именно так резко, как срывают лейкопластырь, но струйка крови брызнувшая из ягодицы, красноречиво показывала, что что-то новоиспечённый врач делает не так. Пациент же, с которого сошло семь потов, лежал и стонал, уткнувшись носом в подушку.

На следующий день, Геракл вошёл в класс, хромя на правую ногу. Проходя мимо парты Уксуса, он бросил на него полный укоризны взгляд. Вопрос о том, чтобы доверять ему своё здоровье был решён категорически и бесповоротно. Но лечение нужно было продолжать. Находясь в безвыходной ситуации, Геракл решил, что ничего не остаётся делать, как только ставить уколы самому себе.

— Дальше сам давай! — Буратина хлопает Геракла по плечу под аккомпанемент дружного хохота, солистом в котором выступает Светка.

— Ой не могу... — закатывается она, при этом зачем-то впиваясь когтями мне в ляжку. — это ж надо так. Почему я раньше этой истории не слышала? Просто умора...

— А это ещё не вся история. Финал тебе сам главный герой поведает. — Говорю я, в свою очередь, трепля Геракла за остатки шевелюры. — Расскажи про своё самолечение.

Смазав глотку, очередной дозой водки, Геракл, подпирает кулаком обросшую щеку и заканчивает начатый Буратиной рассказ.

— В общем, решил я так: никто кроме самого себя мне не поможет. Уж я-то по любому сделаю укол лучше, чем этот рукожоп. — Он машет рукой на возмущённого Уксуса, мол помолчи, ты и сам знаешь, кто ты. — В общем, закрылся я у себя в комнате (родители уже дома были), набрал лекарство в шприц. Щёлкнул по игле, как Уксус это делал, а она и улетела куда-то. Искал её битых полчаса, и обнаружил, знаете где? Она блин в ковёр воткнулась, который на стене висел. Ну, одел я её назад, лёг на кровать и...

— Учитывая то, что шприц использовался второй раз, а игла совершила межконтинентальный перелёт с приземлением на пыльном ковре, всё было идеально стерильно — смеётся Светка.

— Да я о стерильности и не думал. Ляжку огуречным лосьоном намазал и достаточно. Я кстати решил в ляжку укол поставить, подумал, что это самое безболезненное и доступное место. Короче прицелился я...хотя нет. Особо и не целился, всё равно не знал куда точно колоть. Просто собрался с духом и-и-и... — Геракл с силой лупит себя кулаком по бедру.

Наступает пауза, во время которой мы хихикаем, а Светка заинтригованно смотрит на рассказчика.

— В общем, вырубился я. Не знаю, сколько провёл в отключке, но очнулся от того, что мать стоит на пороге и отчаянно орёт «А-а-а наркома-ан». А что она могла подумать? Заходит в комнату, чтобы позвать сына ужинать, а там картина маслом. Лежит на кровати вырубленное тело, а из ляжки шприц торчит.

Светка падает головой мне на колени, захлёбываясь от хохота. Мы и сами дружно гогочем, хоть и слышим эту историю не в первый раз. А Геракл продолжает тоном дедушки подводящего мораль к рассказанной байке.

— В общем, пришлось родителям во всём признаться. У нас соседка была медичка, так мамка её попросила мне уколы ставить. Кстати, после этого курса, я совсем перестал уколов бояться, и даже кровь пару раз сдавал.

— Слушай, Вова, — спрашивает, разругавшаяся от бесконечного хохота Светка — Ну с твоей дамой всё понятно. Судя по преподнесённому тебе сюрпризу, она не чуралась мимолётных романов и с презрением относилась к средствам контрацепции. Но ты-то в свои годы уже должен был знать, что «изделие номер два» служит не только для того, чтобы наполнять его водой, и бросать из окна на прохожих.

— О, Герыч, а теперь двинь историю, про «изделие номер два»! — радостно ревет Поночка, вызывая одобрительные возгласы публики.

— А-а ну да...это отдельная тема. — Геракл прикуривает и смачно затягивается очередной сигаретой. Теперь он чувствует себя знаменитым артистом, который в свете софитов читает на сцене полюбившийся публике монолог. — Разумеется Светик, я знал, что такое контрацепция и даже очень этим заморачивался...

В момент, когда Геракл начинает очередную историю, я замечаю, что экран, лежащего на столе телефона загорается. Я беру трубку и вижу сообщение, которое мгновенно снимает с моего лица довольную улыбку.

«Она хочет идти со мной»

В ушах начинает звенеть, и за этим звоном слышится приглушённый голос Геракла.

— Ты же знаешь, какой проблемой было купить тогда презервативы, особенно такому сопляку, как я. Одна на весь район аптека и в ней очередь, больше чем в мавзолей. И мне предстояло на глазах этой праведной толпы попросить у аптекаря презервативы. Но делать было нечего, и однажды я всё-таки решился. Зашёл в аптеку за пять минут до закрытия, когда народу было меньше всего, и решительно направился к кассе. У меня было пять рублей, ровно столько стоила пачка индийских презервативов, которые, кстати, только появились в продаже. Я решил не жалеть денег, ведь начинать нужно с лучшего. Я заранее продумал, что буду говорить и каким тоном, чтобы было понятно аптекарю, но не очевидно для посторонних.

«Мало ли, что она хочет! Ты же видишь, в каком она состоянии. Она остаётся здесь и точка!» — Моё гневное сообщение в доли секунды долетает до часов Буратины.

— Подхожу к окошку, там тётка средних лет, в очках, в халате, в белом колпаке, в общем, всё как положено. Она на меня как зыркнет поверх очков, ну точь-в-точь, как наша Маргуша, когда домашнее задание спрашивала, я и потерялся. Чего, говорит, тебе, мальчик. Мальчик, блин! Она бы ещё малышом меня назвала, было бы в самый раз.

— Кондомы, — говорю я тихо-тихо.

— Чего?!

— Кондомы, — повторяю, а сам дрожащим пальчиком тычу в витрину, где лежит чёрная пачка с крупной надписью «Condoms».

Она ещё раз переспросила и снова не поняла, что я там бурчу. А может просто вид делала. Короче раза три она меня спрашивала, а потом как заорёт:

— Что ты мямлишь!?! Говори отчётливо, что тебе нужно, не задерживай очередь, мы закрываемся через минуту.

Ну я тоже из себя вышел и ору ей в ответ.

— Гандоны! Мне нужны гандоны!

И кидаю ей на прилавок мятый пятерик.

— Сколько? — орёт она, чтобы каждый находящийся в аптеке знал, какой товар покупает этот сопляк и в каком количестве.

— На все! — кричу, чувствуя, что терять больше нечего. Ещё думаю, что за вопрос тупой, если пачка стоит пять рублей.

Она залазит под прилавок и достаёт оттуда, что бы вы думали?

Вопрос адресован больше Светке, потому, что все остальные знают эту историю наизусть. Она же снова затаила дыхание, готовясь к очередному взрыву хохота.

— Она достаёт оттуда огромный ворох советских презервативов, то самое «изделие номер два», что-то там отсчитывает и суёт мне в руки эту пулемётную ленту. Совковые презики стоили двадцать копеек за штуку, так что на пять рублей мне полагалось, аж двадцать пять штук. Я больше не мог выдерживать это испытание. Схватил эту ленту, скрутил её в комок и пошёл к выходу под насмешки остальных покупателей.

И снова все смеются. Все, кроме меня, потому что с некоторых пор мне не до веселья.

— Ну а что же ты хотя бы одним из этих двадцати пяти не воспользовался? — спрашивает Светка.

— Пытался! Не получилось. Ты сама-то знаешь, что это? Небось сталкивалась?

— Ну да! — хохочет Светка, — без смазки не вариант, особенно, если залежалые.

— Это был как раз тот случай. Представляешь, у меня первый раз, а я трясущимися ручонками пытаюсь натянуть вот это. Потом плюнул и Э-эх! Была не была! А эта химичка недоделанная и не возражала. У меня же и с бате́й разговор был потом, после истории со шприцом. Он говорит, мол, Вовка, триппер, это ещё полбе́ды (я кстати впервые от него это слово услышал). А если, говорит, ты такой шалаве ребёночка заделал? Нет, говорю, батя, успокойся, я презервативами пользовался. «Этими что ли?» — спрашивает и достаёт мою пулемётную ленту. — «Мать у тебя в столе нашла. Но триппер то они тебе не помешали подхватить?». Ну я сделал вид, что озадачен, а он отрывает один от ленты, тычет мне в нос и говорит. — «Сынок, хочешь знать правду? Если бы не эта штука, ты бы и на свет не появился!».

7

Все снова ржут, а я замечаю, что очень давно не видел Геракла таким словоохотливым. Буратина заливается громче всех, при этом, не забывая поглядывать под стол, где он держит обе руки, судя по всему занятые набором очередного сообщения. Вот уж по кому не определишь, что он в очередной раз решил прогуляться по краю пропасти. Единственное, что его может выдать, это пятнышко на спине, которое, скорее всего, увеличилось в диаметре.

«Дзин-нь» — Я скашиваю глаза под стол, чтобы прочитать пришедшее от него сообщение.

«Поговори с ней сам. Вообще-то здесь есть здравый смысл. Она бы могла поддержать меня там, а ты — подстраховать нас здесь. Это было бы отличным решением».

Меня подбрасывает на стуле, и я скриплю зубами от негодования, в то время, как Поночка произносит очередной тост.

Я со скоростью пулемётчика, набираю ответ, который будет предназначаться им двоим, отправляю сообщение Буратине, а сам телефон с горящим экраном кладу Светке на колени.

«Вы чё, с ума посходили? Моё слово такое: либо мы действуем по старому плану, и

Светка остаётся здесь, либо я рассказываю всё пацанам!»

Напрасно я полагал, что этим ультиматумом смогу её напугать. Она наклоняется ко мне и будоражащий душу шёпот проникает прямо в мой многострадальный мозг.

«Хочу!»

Я реагирую автоматически, прижимаю её к себе, касаюсь губами шеи, глубоко вдыхаю аромат её кожи вперемешку с «пятой Шанелью» и шепчу в маленькое ушко. — Я боюсь тебя отпускать.

Она же по-кошачьи трётся об меня щекой и шепчет в ответ: «Не бойся, милый. Всё будет хорошо. Тем более ты будешь нас прикрывать».

Я ещё крепче вжимаюсь в её щеку, и уже готов прошептать новый аргумент, но Геракл, в очередной раз усмотревший в этих обнимашках нечто большее, орёт «Горько!».

Его крик подхватывают все сидящие за столом и даже подлец Буратина.

«Го-орька...го-орька...го-орька!»

«Да идёт всё к чертям!» Я беру Светку за щеки, притягиваю её к себе, прижимаюсь губами к ароматным мягким створкам. Она не отстраняется, её губы начинают танцевать и даже маленький язычок пробирается в рот и встречается с моим. Парни продолжают скандировать и бить в ладоши, пока мы, словно юные влюблённые, целуемся на виду у всех. Мы целуемся страстно, бесконечно долго, и наши прижатые друг к другу головы извиваются в самом приятном танце.

Где-то далеко, на заднем плане, Геракл, будто читающий молитву поп, провозглашает певучим баритоном:

— Вячесла-ав Иванович! Согласен ли ты-ы взять в жёны Све-етку...mmm...Светла-ану mmm...Ба-атьковну и бы-ыть с ней в горе и в ра-дости!

С трудом оторвавшись от вкуснейших губ, я вижу её счастливое лицо. Светка улыбается, и щеки её горят, как у восьмиклассницы.

— Согласен! — ору я, при этом глядя только на Буратину. — Жду дальнейших инструкций!

— Каких инструкций? — В недоумении пожимает плечами Геракл.

— Ой! — луплю себя ладошкой по лбу. Чё-то я совсем загнался. Я хотел сказать, что жду ответа второй стороны.

— Светла-ана Ба-атьковна согласна ли ты-ы... — Начал было Геракл, но Светка поспешила его прервать.

— Вообще-то я Алексеевна, и ты на попа не тянешь, чтобы перед тобой исповедоваться. А насчёт ответа — она поворачивается ко мне, прожигая хищным взглядом. — Я подумаю, тем более ночь ещё длинная.

Все, включая собирающегося было обидеться Геракла, оживляются.

— Ну вот и ладушки! — Потирает ладони Буратина. — Значит, к утру ждём интригующую развязку.

Развязка, так или иначе, будет и, может быть, не одна, только пока об этом знают не все присутствующие.

Опять брякаем стаканами, выпиваем, закусываем, закуриваем, и во время этого алкобрэйка Буратина успевает настрочить очередной меморандум.

Я быстро скольжу взглядом по сообщению, пытаюсь уловить в нём главную суть.

Всё проще пареной репы. Где-то там, в другой части этого здания, началось

долгожданное шоу. У нас есть час, а может полтора, пока они управятся и проводят девчушек. Как только два уставших, но довольных братика снова окажутся в комнате отдыха, там должны появиться Буратина и Светка. Всё, что они будут исполнять там — полная импровизация. Финал спектакля будет зависеть не только от мастерства актёров, но и от реакции зрителей. С удачным вариантом всё понятно. В случае неудачного, всё можно будет свести к банальной шутке и разойтись углами. По крайней мере, Буратина уверяет, что это самый неблагоприятный исход.

Братики, несмотря на то, что знатные воришки, не создают вид кровожадных монстров. Улыбчивые, пухлощёкие, толстогубые, они фотогеничны и медийны, они постоянно на виду. Они известные в нашем городе благотворители и меценаты, и уже ходят разговоры, что на братиков положили глаз в самой Москве. Ну а если так, у них великое будущее. Скоро они вовсе оторвутся от грешной земли, и будут полировать своими круглыми задницами кожу на министерских креслах. Нужны ли этим полубогам, мелкие проблемы, которые хоть и не разрушат карьеру, но грозят стать ложкой дёгтя в этой огромной бочке с ароматным, до приторности сладким, мёдом.

И всё же, кроме очевидного плана «А» и нежелательного плана «Б», у Буратины, хоть и мельком, но проскакивала мысль о плане «С», иначе он бы не стал страховаться. Ему бы не нужно было прикрытие в виде человека, который должен следить со стороны за развитием событий, и, в случае самого неблагоприятного исхода, действовать по третьему варианту. Этим человеком буду я. Я должен наблюдать за действием через волшебные часы, которые оставит мне Буратина, и, в случае тревоги, сделать несколько манипуляций.

В общем, сам план вполне убедителен, но только, сдаётся мне, что Буратина снова не учёл всех деталей. Ну, например, как мы объясним пацанам их со Светкой отсутствие. Этот проверочный вопрос приземляется на запястье Буратины, ровно в тот момент, когда он собирается выпить. Он разворачивает кисть, чтобы бросить взгляд на часы и рыжее пойло выливается из стакана в тарелку с мясом.

— Твою ж мать! — Сетует Поночка. — Ты чё сегодня, от своих курантов глаз не отводишь? Спешишь куда-то?

— Не-е...он опять какую-то тему кубатурит... — Криво ухмыляется Уксус.

— Зуб даю, чё то здесь не так! — рычит Геракл. — Сейчас окажется, что он этот клуб отжал у братков, или, того хуже, мы выйдем на улицу и поймём, что находимся на острове.

Опять дружный смех, и громче всех ржёт, ну конечно же, наш хитровыдуманный друг.

— Вовка, если этот остров окажется в тропических широтах, ты мне ещё спасибо скажешь.

Я смотрю на этот весёлый балаган и думаю, что пацаны даже не представляют, насколько они близки к истине.

— Нет, друзья! Сегодня никаких приключений! — Спешит успокоить всех Буратина, зачем то приподнимая свой зад от дивана. — Сегодня мы пьём, курим, целуемся, а главное поём. Я не просто так собрал вас именно в караоке. Где, как не здесь, можно максимально погрузиться в нашу молодость, скинуть с себя годков этак тридцать. Светик, тебя это не касается, хотя-я...ты осталась молода телом, но, наверное, не прочь помолодеть душой. Скажите, что может погрузить нас глубже в самые любимые моменты прошлого, как не старые добрые песни. Их ведь не так много, этих песен, и все мы их прекрасно знаем. С любой из этих песен связана масса воспоминаний и у каждого они разные. Хотя...есть такие, услышав которые мы все вспоминаем что-то одно. Ребята, я предлагаю вам сыграть в

одну игру...

8

Все недоумённо переглядываются.

«Это ещё что за детский сад?» — говорит сморщенный лик Геракла.

— Мы разбиваемся на три команды по два человека, — продолжает Буратина, и теперь в его голосе слышится задор пионервожатого. — Выбор партнёра будет случайным, путём жеребьёвки. Одна команда выходит на сцену. В её задачу входит выбрать песню и какую-то яркую запоминающуюся ситуацию, которая могла бы с ней ассоциироваться. Эту историю, они записывают на лист бумаги, который естественно никому не показывают. Во время исполнения песни, оставшиеся за столом команды, должны записать свою историю, которая, по их мнению, должна максимально соотноситься с этой композицией. Историй может быть несколько. Суть игры заключается в том, чтобы хотя бы одна, записанная за столом история совпала с версией команды на сцене. Если это происходит, поющая команда зарабатывает, скажем, два очка. Если совпадений нет, значит, команда не зарабатывает ничего и покидает сцену с позором. Потом тоже самое проделываем со второй командой и с третьей. Выигрывает тот, кто набирает большее количество очков, соответственно проигрывают те, кто не набирает ничего.

— Боже, как всё сложно! — Мычит Поночка, запуская пальцы в вихры. — Неужели нельзя просто петь...

— Всё просто, Ваня. Главный секрет здесь в том, чтобы записать историю, которая известна всем присутствующим, ну и соответственно ложилась на песню. Думаю, что это должно быть очень интересно.

— А чё, прикольно, я за! — кричит Уксус и как школяр тянет руку вверх.

— Я петь не буду! — рычит Геракл.

— Э-э не-ет, дружище! Тут поют все! — Категорически водит пальцем Буратина.

— Я буду только на гитаре...зря что ли я её сюда пёр?

— А почему бы и нет? Просто твоему партнёру придётся подстроиться под тебя. Думаю, что против никто не будет.

А никто и не против. Никто не против пения под гитару и даже этой странной игры, но у всех есть вопросы. Если с правилами, более-менее, понятно, то с техническими деталями не очень. Например, всех интересует, как будет производиться жеребьёвка, а главное, какой приз получит победитель.

— Вознаграждение — спорный стимул. — Буратина трёт свой мясистый подбородок. — Думаю, будет достаточно наказания для проигравшей команды.

— И какое же будет наказание? — Я тереблю подбородок, полностью копируя жест Буратины.

— Проигравшие отправятся за вином. У нашей Светы закончилось вино, и она вынуждена давиться вискарём.

— А в чём проблема! Вызови официанта и закажи! — Пожимает плечами Поночка.

— Никого уже нет, Ваня. Час ночи, официанты и вся обслуга разъехались по домам. Я просто договорился с хозяином, и мы здесь одни. Есть, конечно, охрана, но вряд ли она поможет нам в этом вопросе.

— Мы же в какой-то глуши, где здесь искать магазины? В город ехать? — Уныло спрашивает Уксус, будто он уже проиграл и теперь не знает, что делать.

— В город мотаться не вариант. Ты только тачку будешь час ждать. Здесь недалеко есть

хороший магазин. Это примерно пятнадцать минут ходьбы по прекрасной освещённой луной лесной дорожке. Кстати, в магазине есть именно тот Вермут, который предпочитает наш Светик.

— Сомнительный какой-то стимул! — Хмыкает Поночка. Лично меня это никак не пугает и не заводит...

— Ну хорошо! Можно усложнить задачу, — соглашается Буратина. — Проигравшие пойдут за вином гольшом и без денег. Всю дорогу туда и обратно они должны будут кукарекать хором.

Предложенный вариант, заставляет всех нас улыбнуться, но остановиться всё же решаем на предыдущем. К этому моменту мне становится ясно, чем закончится игра. Я знаю состав, как минимум одной из команд и то, что эта команда должна непременно проиграть. Пока мне не ясно только одно — каким образом Буратина проведёт жеребьёвку, чтобы оказаться в необходимой ему компании. Ещё через минуту мне становится понятно и это.

Он предлагает провести жеребьёвку старым проверенным способом — раскручиванием бутылки. На кого первым укажет горлышко, тот, соответственно первый участник команды, на кого вторым, тот второй и так далее.

Конечно же, все соглашаются, ведь быстрее и надёжней способа подбора случайной вероятности, чем игра в бутылочку, ещё не придумано. Только я, ну и, разумеется, мой хитрый носатый друг, знаем, что никакой случайной вероятности здесь не будет. Я знаю это точно, потому что был свидетелем, того, как Буратина играет в бутылочку, или в нарды.

Дело в том, что как бы быстро не крутилась бутылка, её горлышко всегда укажет туда, куда нужно Буратине; как бы ни плясали на доске, казалось бы, небрежно брошенные кубики, на их верхних сторонах будут те цифры, которые ему нужны. Горе тому, кто играет с Буратиной в эти игры. С помощью своего таланта, он мог раздеть любую девчонку, или десять раз подряд целовать понравившуюся ему подругу, так как на неё всё время падал случайный выбор сделанный горлышком бутылки.

Я уже не раз задумывался, почему мой друг награждён именно этими сомнительными талантами. Он талантливо придумывает коварные планы, талантливо врёт, талантливо втирается в доверие, даже мечтает он и то талантливо. Ну и к этим талантам естественно добавляются природная притягательность и умение крутить бутылочку. Почему бог вместо этого не наградил его талантом, скажем, забивать гвозди, чинить двигатели, изобретать полезные приспособления, проектировать дома, писать картины, или книги. Кем, кроме того, что он из себя представляет, он может стать, обладая этими сомнительными талантами?

Но мы имеем то, что имеем и это «что-то» уже снимает со стола испутивший последний дым кальян и на это место укладывает пустую бутылку из под Светкиного Вермута. Неуловимое движение правой руки и вот бутылка уже крутится волчком, издавая звук гудящего мотора. Глаза всех сидящих за столом невольно залипают на вращающемся предмете, который, будто закрепленный на невидимой оси, ни на сантиметр не отклонился от центра стола. Ещё до того, как бутылка замедлила движение, я бросил взгляд на Буратину. Судя по хитрой улыбке и моргнувшему глазу, я понимаю, что являюсь первой целью. Бутылка, сделав несколько ленивых оборотов, похожим на жерло пушки горлышком, целится чуть выше моего пупка. Как он это делает?

Моим партнёром Буратина решил назначить Геракла. Тот довольно кивает, указавшему

на него горлышку, но при этом, его лицо не покидает кривая ухмылка. Может быть, он догадывается об этом таланте Буратины, или давно о нём знал? Во всяком случае, он принимает эту игру, как возможно и то, что она срежиссирована заранее. Единственное, о чём он не может догадываться, это о том, что эта игра является частью более сложной и серьёзной.

Далее импровизированная рулетка выбирает сначала самого Буратину, а потом Светку. Для меня это вполне предсказуемо, впрочем, как и то, что два неразлучных шансонье Уксус и Поночка продолжают работать в дуэте.

Ещё два вращения волчка нужны для того, чтобы определить, какая команда будет выступать первой, а какая второй. Ну, конечно же, первым к барьеру идёт изрядно поднадоевший за вечер хор.

Изнывающие от творческого голода, Поночка и Уксус, опрокидывают в себя по рюмке допинга и спешат на сцену. Поночка обнимает тощие плечи товарища, и они отворачиваются к пульта, где что-то активно обсуждают, трясая головами и тыча друг в друга пальцами. Бумаги и ручек мы, понятное дело, не нашли, поэтому договорились записывать свои версии на телефон. А что, так даже удобней.

Жаркое обсуждение, которое уже несколько раз грозило превратиться в откровенный мордобой наконец-то закончилось. Раскалившийся докрасна, но, видимо, одержавший победу в споре, Поночка берёт микрофон, в то время как из колонок уже льётся сумбурный и пока не признанный мной мотив

— Я поняла, — кричит Светка, слышав первые аккорды.

«Что ты поняла? — адресуя я ей немой вопрос. — Какая звучит песня, или, что с ней связано?».

«Днём и ночью басмачи-и по пустыне шарят.

Осушили все колодцы с красными не ладят...»

Я узнаю эту песню, только благодаря словам, а не мелодии, и уж конечно не исполнительскому мастерству двух горлопанов, которые перекрикивая друг друга орут на разрыв глотки.

«...Зульфия иль Зарина-а,

Будет мне теперь жена, будет мне теперь жена. а-а-а»

У меня лишь одна прочная ассоциация с этой песней — это история, которая имеет отношение именно ко мне.

— Гюльчатаяй, открой личико! — Тычет меня в бок развеселившийся Геракл.

Буратина довольно кивает и направляет на меня оба указательных пальца, сопровождая этот жест громким щелчком; а Светка демонстрирует мне светящийся дисплей телефона, на котором крупным шрифтом напечатано: «ГЮЛЬЧАТАЙ».

«Ва-асток дело то-онкое Петруха-а-а,

Ва-асток как капризная старуха-а-а»

Безусловно, парни сделали правильный выбор, и раунд за ними, поскольку этот якорь может зацепиться лишь в одной точке океана нашего прошлого.

9

Я мгновенно окунаюсь в декабрьскую стужу. Мой зелёный пухан распахнут настезь, демонстрируя миру новенький (муха не сидела) свитер «Boys». Серые штаны неряшливо торчат из расстёгнутых полусапожек, пластмассовая подошва которых, скользит по льду не хуже тех лыж. По пути от дома Геракла до школы, я навернулся уже раза три, падая плашмя,

прямо на спину, и виноват в этом отнюдь не зимний лёд.

Сегодня в школе «Новогодний бал» и мы с Вовой решили прийти туда в приподнятом настроении. Настроение поднимали старым проверенным предками способом. Я раздобыл бутылку бормотухи с тёплым названием «Анапа», которая, как мне казалось, просто завалилась, каким-то образом попав в голенище, лежавшего в шкафу старого сапога. Я был ещё очень мал и не мог догадываться, что в то время, спиртное не могло где-то просто завалиться, или быть незаслуженно забытым. Позднее мне пришлось горько ответить за мою неверную догадку, но к истории это отношения не имеет.

Поднимали настроение дома у Геракла, естественно, в отсутствие его предков. Уже после первого стакана бурой приторно сладкой жидкости, градус нашего настроения стал просто зашкаливать. Мир вокруг заиграл всеми цветами, в голове появилась лёгкость и отрешённость. Всё: проблемы, неприятности, враги, учителя — всё это в один миг стало ничтожным и мелким. Я и не подозревал, что жизнь можно превратить в сказку, сделав несколько глотков этого волшебного эликсира. Это было лекарство от страха и неопределённости, это было лекарство от застенчивости и неуверенности, это было лекарство от слабости. В один миг мы с Гераклом очутились в Зазеркалье, в том измерении, где возможно просто всё. Каждый глоток добавлял силы и лёгкости, с каждым глотком становилось только лучше. Мне казалось, что ещё чуть-чуть, ещё буквально полстаканчика, и я смогу воспарить над ворсом, лежащего под ногами ковра. Почему... почему мы не открыли для себя этот волшебный нектар раньше, ведь рецепт счастья так очевиден. Но теперь всё. Долой невзгоды и печаль, долой тоску и скуку. Долой серость! Теперь мы знаем рецепт счастья, и будем следовать только за этим волшебным снадобьем.

Но уже к концу бутылки мы стали понимать, что всё не так однозначно и просто; что эликсир воздействует на всех по-разному; что в какой-то момент, вместо того, чтобы добавить сил, он начинает их забирать. Первым это ощутил Геракл, который очень спешил взлететь, а поэтому пил гораздо быстрее меня. Он и пришёл к финишу первым, блеванув на новый, добытый непомерными усилиями родителей, ковёр.

После первого приступа, следы которого частично удалось затереть, Геракл, стал неинтересным приземлённым и сонным. Он постоянно бегал в туалет, где отчаянно горланил в унитаза, будто вызывая кого-то, находящегося на противоположном конце канализационной трубы. В конце концов, он упал на кровать и мгновенно уснул.

Я же по-прежнему чувствовал себя новорожденным и счастливым.

«Этот эликсир не всем подходит, а значит я избранный» — только и мог подумать я, находясь в том волшебном состоянии. — Раз так, то пока его действие не закончилось, нужно быстрее лететь и спасти этот мир от серости и скуки».

Я попытался разбудить Геракла, но мои попытки его растормошить увенчались лишь смачным предложением прогуляться на три буквы. Вняв совету безвременно почившего друга, я оделся, покинул квартиру, и полетел вниз по лестнице, почти не касаясь ногами ступеней.

Заветный бал, куда я спешил подобно, обратившейся в принцессу, Золушке, уже стартовал. Помню, как я залетел в холл, словно барин на ходу скинул пуховик, пихнул его в руки обалдевшей техничке Фире, и взмыл на второй этаж, где находился актальный зал. Помню, что в узком, ведущем в зал коридоре, были какие-то ряженные, которых я бесцеремонно растолкал по стенкам. В этот момент мне казалось, что я могу порвать

любого человека на две части, как лист бумаги. Помню, как заходил в зал; помню мерцание огоньков на большой, стоящей по центру зала, ёлке; помню дружные крики «Дед мо-оро-оз...дед моро-оз...дед моро-оз!».

На этом мои воспоминания обрываются. Дальнейшие события были мной реконструированы, благодаря многочисленным рассказам присутствовавших на вечере очевидцев.

За минуту до моего появления, Сурепа (наш завуч), стоя под ёлкой, своим неповторимым каркающим басом провозгласила, что Дед Мороз со Снегурочкой уже пожаловали на новогодний бал, нужно их только позвать. Детишки переростки сидящие по периметру зала завизжали, затопали ногами, а кое-кто даже засвистел сунув пальцы в рот. Но, подобревшая в честь праздника, Сурепа, изобразив на лице, что-то вроде улыбки, сказала, что так не пойдёт. Дедушку Мороза нужно звать непременно по имени. Разгорячённые предвкушением праздника подростки тут же вспомнили детсадовские утренники из не успевшего далеко убежать, детства, и принялись дружно скандировать:

«Дед мо-оро-оз...дед моро-оз...дед моро-оз!»

Но вместо долгожданного дедушки, в дверном проёме появился знакомый всем присутствующим, персонаж, который поначалу вызвал дружный хохот, а потом настороженные взгляды и шепотки. Персонаж счастливо улыбался, его глаза подозрительно блестели, а походка была до невозможности развязной. Сделав несколько широких моряцких шагов, он остановился, окидывая зал туманным взором. Подумав, что дружный хохот и приветственные аплодисменты адресованы ему, как единственному долгожданному гостю, он троекратно раскланялся, чем ещё больше оживил зал. Среди восторженной публики в полумраке зала выделялся один длинный тип в белой рубахе, который активно размахивал руками, настойчиво приглашая долгожданного гостя пройти в конец зала и сесть рядом с ним. Персонаж откликнулся на призыв, но траектория его движения была очень странной и если выразаться математическими терминами, походила на синусоиду. Одна из вершин этой синусоиды пролегла возле самой ёлки, проходя мимо которой персонаж за что-то запнулся. Ёлка погасла, и весь зал тут же погрузился во тьму, которую пронизывал топот десятков ног и дружный свист.

Гость наклонился, а затем перешёл в портер, ковыряясь где-то в подножье ствола ели. Ёлка снова вспыхнула и толпа радостно загудела. Кудесник встал и опять троекратно поклонился, едва не вызвав у Сурепы сердечный приступ. Наконец-то достигнув конечной точки витиеватого маршрута, гость с размаху плюхнулся на стул. Обняв призывавшего его друга он, (о боже!), смачно поцеловал его в щёку. Но это было не всё. Повернувшись к соседке слева, гость тоже обнял её за плечо и засосал в напудренную щёчку. Соседка, коей оказалась староста класса Маринка Абросимова, чуть не сторела от стыда и едва не задохнулась от сивушного амбре, которым её щедро обдал новый кавалер.

Этот, выстреливший чёртиком из табакерки, тип, сфокусировал на себе всё внимание публики, которая даже не заметила, что в зале уже давно появились главные гости бала. Ситуацию спасло угрожающее карканье Сурепы, напомнившее присутствующим о том, что неплохо было бы поприветствовать Деда Мороза. На этот раз аплодисменты и возгласы были уже не такими дружными и восторженными, но шоу, тем не менее, началось.

Огромные колонки, стоящие по краям сцены издали громкий свист, а потом ужасно фоня, стали выплёвывать аккорды, уже набившей оскомину песни.

«Расскажи Снегурочка где была-а

Расскажи Снегурочка как дела-а...»

Дед Мороз и Снегурочка решили не заморачиваться приветствиями и стишками, а просто неуклюже кривлялись под фонограмму, изображая что-то вроде погони старого извращенца за малолеткой. Снегурочкой была бывшая пионервожатая Вера Иванова, а вот кто скрывался под ватной бородой, было пока не ясно.

— Ты где так накидался? — Буратина тыкал локтём сидящее рядом ватное тело, которое от резкого температурного перепада начало было таять и растекаться по стулу. — Щас торжественная часть кончится и мы тебя выведем.

— 3-зачем? — спросило тело.

— Ты же спалишься, идиот! Из школы вылететь захотел?

В ответ тело пробурчало что-то невнятное и смачно сплюнуло на пол через зубы.

Буратина повернулся к сидящему слева от него Поночке.

— Как только петь закончат, берём и тащим его к выходу. — Прошипел он, в ухо товарищу.

— А Дед Мороз нас-стоящий? — Жалобно спросило тело, которое привлёк нелепый танец под ёлкой.

— А то! — ухмыльнулся Буратина.

— Пиздишь! — Произнесло тело, неожиданно обозлившись.

— Да нет конечно... — решил сгладить углы собеседник.

— А кто т-там?

— Гулька! Гулька — Дед Мороз — злорадно выкрикнул Поночка, не осознавая последствий своей неудачной шутки.

— Гу-улька...Гюльчата-ай — Свекольно красное лицо растеклось в блаженной улыбке.

Гуля Садыкова была первой красоткой во всей параллели. Она обладала крупными внушительными формами, идеальным кукольным лицом и иссиня чёрными локонами. По привлекательности Гуля могла конкурировать, разве что с нашей Светкой, но она к этому времени уже перешла в другую школу.

Теперь всё внимание эпотажного субъекта было поглощено Дедом Морозом. Он тщетно пытался сфокусировать свой плавающий взгляд на красном тулупе, воображая находящиеся под ним аппетитные формы. Эх...будь он чуть трезвее и капельку внимательней, то наверное увидел бы, что та самая Гуля сидит как раз напротив него у противоположной стены и очень часто бросает полный укоризны взор в его сторону.

Тем временем песня уже закончилась, и Сурепа приглашала всех желающих поводить хоровод вокруг ёлки. После того, как желающих не оказалось, Сурепа одним своим угрожающим, цепким, как рыболовный крючок, взглядом, подняла с мест нескольких ботаников и отличниц.

Хоровод всё равно был ничтожно маленьким, чтобы замкнуться вокруг ёлки, и находчивая Снегурочка предложила станцевать Ломбаду. Из многострадальных колонок вперемешку с треском и пылью бахнула до тошноты заезженная мелодия, сопровождаемая грубым голосом латинской певички. Танцоры сбились в корявую разноцветную сороконожку, которая хромя, косолапя и раскачиваясь, поползла вокруг ёлки. Головой сороконожки была неуклюже ковыляющая высоченных каблуках, Сурепа. Было похоже на то, что она оседлала невидимую лошадь, которая время от времени взбрыкивала и вставала на дыбы. За Сурепой семенила Снегурочка, которая хоть и не в идеале, но всё же изображала что-то похожее на танец, стараясь плавно вилять бёдрами. Дальше была просто беда.

Туловище сороконожки то растягивалось, то сжималось, деревянные лапки тащили её в разные стороны. Хвостом бедного насекомого было суждено стать Деду Морозу, который тщетно пытаясь поймать ритм, постоянно сбивался и менял ногу. Бедный дедушка почему-то решил, что сороконожка, должна ходить именно в ногу, как взвод солдат.

Посчитав, что этот ужасный танец, лучшее время для того, чтобы убрать с глаз невменяемого друга, Буратина и Поночка схватили его под руки и, почти волоком, потащили к выходу. В какой-то момент пьяное тело выскользнуло из рук конвоиров и метнулось к танцующим. Ухватив Деда Мороза сзади за бёдра, оно стало изображать недвусмысленные движения, которые можно было расценить, как самый пошлый вариант ломбады. Дед Мороз тут же прекратил танец и развернулся лицом к телу. Дедушка был на полголовы выше, и тут бы пьяному дурню насторожиться. Он же, довольно улыбнувшись ухватил дедушку за бороду громко продекламировав, так, что услышал весь зал.

«Гюльчатай, открой л-личико!»

Ватная борода сползла вниз, обнаружив под собой чёрную щёточку усов физрука Нафани. Дед Мороз стряхнул с себя рукавицу и в мгновение прилепил широкую ладошку к уху неадекватного ублюдка.

«А-а-а!» — завизжал тот, распахнув рот, будто выброшенная на берег рыба.

Добрый дедушка, словно мешок с подарками, протащил негодяя за ухо через весь зал, потом через коридор, спустился с ним на первый этаж, вывел на крыльцо и только там отпустил многострадальное ухо. Потом он развернул негодяя лицом к крыльцу, спиной к любимой школе и дал ему увесистого пенделя подошвой огромного валенка. Тело, сделав пару кувырков через голову, скатилось с крыльца и застыло на заснеженном тротуаре. Тем временем, на крыльце появились провожатые негодяя, один из которых держал в руках пуховик.

— Быстро взяли его под мышки и домой! — Грозно сказал Дед Мороз, обращаясь к друзьям. — Только чтоб лично в руки родителям. Я проверю!

Душа и разум возвратились в тело, только утром, когда сквозь обрывки песен, фраз и криков, роящихся в моей голове, пробился грозный голос отца.

— А ну-ка подъём, пьянь!

Разлепив, будто залитые клеем веки, я увидел родителей, которые сидели на стульчиках возле моей кровати, как у гроба покойного. По крайней мере, на их лицах читалась скорбь утраты. Я хотел было поднять голову, но та, словно примагнитилась к подушке, поэтому длинную лекцию о вреде алкоголизма пришлось выслушивать лёжа, уныло глядя в потолок, и почёсывая распухшее ухо. Тогда ещё мои бедные родители не могли познать всю степень тяжести утраты, поэтому поучали меня относительно спокойно, не срываясь на мат и рукоприкладство. Если бы они знали, что наряду с моральным обликом их сын потерял совесть и опозорил себя, а соответственно их на всю школу. Если бы они знали, что припрятанная к Новому Году бутылочка вина, покинула своё уютное логово и больше никогда туда не вернётся, жуткой порки было бы не миновать. Со временем большая неприятность разбилась на части, а соответственно и наказания не были такими жестокими. Словом, мне повезло, а физрук ещё долго начинал свои уроки со слов «Восток дело тонкое, Петруха!».

Жуткая холодина. Сбивающий с ног ветер, с силой швыряет в лица холодный мокрый снег, норовя выхлестать глаза. Все те немногие, кто вынужден находиться в сером стакане двора, в такую непогоду, сжимаются и втягивают головы в плечи. В этот день все невзгоды мира решили обрушиться на стоящих небольшой кучкой людей. Ветер и снег прибивают их к мёрзлой земле, а чувство страха, вины и скорби, разрывают изнутри каждого. Только один из всех в этот момент абсолютно спокоен. Его совсем не трогает ветер. Снег, падающий на бледное лицо, не тает и остаётся лежать на нём крупинками. Муха лежит в гробу, будто живой, и мне кажется, что кончик его рта изогнулся в улыбке, будто он задумал очередную колкость, которую вот-вот выдаст. Мы все разбросаны по кругу среди немногочисленной толпы. Сегодня мы не держимся вместе, как обычно, а только кидаем друг на друга затравленные взгляды. В любой момент, на похороны могут нагрянуть люди Гармошки и тогда пиши пропало. Нет...с сегодняшнего дня Конторы больше не существует. Сегодня мы прощаемся с детством и с блатной романтикой. Теперь каждый из нас понимает, к чему могут привести эти опасные игры.

Закутанная в серый платок Светка, стоит в стороне, будто бабуля, и я изредка бросаю на неё взгляд, пытаюсь вселить поддержку в эти заплаканные красные глаза.

Геракл стоит ближе к изголовью, и, раз от раза, что-то смахивает с лица рукавичкой. Может быть это снег, а может скупые слёзы, которых у него никто не видел с первого класса. Буратина опустил голову и пританцовывает, топая задубевшими ногами по асфальту. Где-то на задах стоят Поночка и Уксус, я не вижу, но чувствую их присутствие. Скоро я не буду видеть никого из них, но чувство, что они рядом, останется навсегда.

Какие-то незнакомые мужики говорят навзрыд, воют незнакомые бабы. Кто-то говорит, что прощание закончено и спрашивает, кто понесёт гроб к катафалку. И тут в самый последний раз наша Контора объединяется. Сейчас все мы рядом, за исключением Светки, которая так и будет идти в стороне и больше не подойдёт ни к одному из нас.

В момент, когда мы поднимаем гроб, глухой колодец из домов внезапно сотрясается от громкого звука.

«Что такое осень это небо,
Плачущее небо под нога-ми...»

Хриплый голос солиста звучит, как страшный рок, ведь это была любимая песня Мухи. Признаюсь честно, в тот момент я чуть не уронил свой угол гроба, так как рука внезапно онемела. Это было необъяснимо. Какой-то придурок вытащил колонку в окно и врубил эту песню в этот самый момент. Я услышал, как застонала, а потом закричала в истерике Светка, видел синее лицо обалдевшего Поночки, который сам вот-вот готов был рухнуть замертво. Самое интересное, что потом мы ни разу не говорили об этом, словно хотели стереть из памяти всю эту историю.

«О-осень в не-ебе жгу-ут кара-абли-и,
О-осень мне-е бы-ы прочь а-ат земли-ии...»

Я присоединился к Гераклу, и теперь мы орём хором. Точнее, ору только я, но мой неумелый вокал, словно корсет держит баритон друга.

Как и предполагалось, в зале теперь одни хмурые лица. Я вижу налитые влагой глаза Светки и адресую свои отчаянные крики именно им.

Может быть, эти воспоминания заставят её протрезветь и одуматься. Может она поймёт, что все эти игры Буратины плохо для нас заканчиваются;

Может быть, он и сам сейчас откажется от своей идеи.

Звучат последние аккорды, и Геракл ставит жирную точку, несколько раз отчаянно лупанув по струнам.

В первый раз за вечер, я слышу, чтобы в зале стояла такая мёртвая тишина. Недолгое молчание прерывается аплодисментами. Хлопают все, кроме Буратины, который сидит с невозмутимым видом, сложив руки на груди.

— Ну что, есть версии? — спрашиваю я, подходя к столику.

— Это тот день? Связано с Мухой? — спрашивает Поночка.

— Ты показывай записи, а не мямли...

— Мы и писать ничего не стали, и так всё ясно... — Поночка машет рукой, будто отгоняет от себя дурные мысли. Его полный укоризны взгляд спрашивает «Ну зачем? Зачем сегодня про это?».

— У меня нет версий. — говорит Буратина, пожимая плечами.

— Я согласна с ребятами, — Светка вытирает салфеткой размазанную под глазом тушь.

Скомкав салфетку, она бросает её на стол и мгновенно меняется в лице. Она снова улыбается, в глазах вспыхивает хищный огонь.

— Ну что...наша очередь! — когтистая лапка ложится на плечо Буратины.

Они выходят на сцену, и так же как все мы, шушукаются у пульта, отвернувшись от нас. Задача у них проще пареной репы. Они должны проиграть, а для этого можно спеть любую подвернувшуюся песню. Ситуацию можно просто высосать из пальца, так, чтобы уж точно ни с кем не совпало.

Совещание длится недолго, исполнители готовы, звучит проигрыш.

Первые аккорды этой песни сразу же погружают меня в романтическую ностальгию. Это хорошая песня, одна из моих любимых;

Эта та песня, которую действительно нужно петь дуэтом;

Это та песня, которую я хотел бы спеть дуэтом именно с ней.

«Как жи-изнь без весны-ы, весна-а без грозы-ы,

Листва-а без росы-ы, а гроза-а без молнии-ий...».

Маслянистый голос Светки, проливается в меня, обдавая изнутри приятным теплом.

«Так го-оды скучны-ы...без права любви-и,

Лете-еть на призы-ыв, или сто-он безмолвный тво-ой...»

Искрящийся от отражающихся в зрачках неоновых огоньков, взгляд, направлен на меня.

Я таю, растворяясь в этом голосе, меня подбрасывает на стуле, мне хочется спеть следующий кусок, но его подхватывает Буратина.

«Увы-ы не предска-ажешь беду-у,

Зови-и, я уда-ар отведу-у...»

Он снова хорош, гад. Поёт чисто протяжно, как Фрэнки Сенатра.

«Пусть голову са-ам, за это отда-ам...»

А вот эти слова тебе совсем не подходят, дружище. Ты в жизни своей никого не любил, а уж голову отдавать.

— Может это Светкин выпускной, куда мы с канистрой пива припёрлись? Ты ещё цветов на клумбе прямо там нарвал, помнишь? — тычет меня локтём в бок Геракл.

Я пожимаю плечами. Вряд ли тогда кто-нибудь мог завести такое на дискотеке. Такого диджея тут же порвали бы на ремешки.

Сейчас я не хочу вспоминать какой-то конкретный случай, я пытаюсь вспомнить всё.

Эта песня появилась, когда мы были ещё малышами. Сколько лет прошло с тех пор? А песня вот она играет и, по-прежнему, так же берёт за душу. Сколько лет прошло, а мы всё вместе. Что нас держит, что тянет друг к другу. Какая неведомая сила собирает нас в кучу, какая воронка затягивает нас в очередные неприятности? Как бы мы не пытались разбежаться, всё равно, сбиваемся воедино, как стёклышки в калейдоскопе. Мы уходили в армию, мы уезжали в другие города, мы женились, выходили замуж, кто-то даже в тюрьме отсидел и всё равно снова вместе. Что это за рок такой?

— А может мы её в хоре пели? Я тогда ещё Таньке Бочкиной шмеля за шиворот кинул. Помнишь, как она визжала? А Баян потом меня на уроки не хотел пускать.

Я снова пожимаю плечами и глупо улыбаюсь, не отводя глаз от поющих.

Нет, Вова, там была другая песня. Тогда мы пели, «Широка страна моя родная», или что-то в этом роде. Баян, при всём своём желании, не смог бы разучивать с нами такое.

Сейчас мне не до этого, дружище, да это и не важно. Сейчас я думаю.

Я думаю, что всё это не просто так. Это наша судьба. Все мы, проходим красными нитями сквозь жизни друг друга. Как бы мы не хотели забыть, расстаться, разбежаться, мы будем вместе до конца. Но вся беда в том, что нам нельзя быть вместе. Мы как компоненты взрывоопасной смеси, каждый из которых по отдельности не представляет опасности, пока их не смешаешь. Это парадокс: мы не можем друг без друга, но нам нельзя быть вместе.

— А может быть на яхте? На яхте эту песню включали? — не унимается Геракл.

Я в очередной раз пожимаю плечами.

Нет, Вова, и на яхте её не включали, и вообще, ты зря стараешься.

Вот так же и мы со Светкой. Все эти годы что-то тянет нас друг к другу, но это же «что-то» не даёт сблизиться.

— Чё с тобой, Сява? Ты будешь думать, или нет? Соберись давай!

Ну вот вам и оно, это «что-то».

— Я не знаю, Вова. Может это как-то связано с Ритой? Он же на Харатьяна был похож. Родинка у него точно такая же...

— А причём здесь Харатьян?

— Ну это же он в оригинале поёт эту песню.

— А-а... Тогда точно Рита. Только какая история, их много! — Геракл чешет затылок.

— Не знаю, давай наугад любую возьмём, ну хотя бы про Моцик. Вообще-то, им нужно было нормальную историю загадывать и песню подбирать. Если проиграют, значит так им и надо.

Светка тем временем уже вытягивает финальную ноту, которая, как я надеюсь, обращена ко мне.

«...люби-и-и-мый мо-о-ой!»

— Бра-аво!

Я аплодирую неистово, вскидывая руки от бёдер и смыкая их над головой.

11

Историю, разумеется, никто не угадал. Наша история с Моциком, равно как и версия Поночки и Уксуса с какой-то дискотекой, потерпели ожидаемое фиаско.

— Ну...значит придётся даме самой чапать за своим винишком... — не скрывает радости разводящий руками Геракл.

— Ну а что...уговор, есть уговор. — соглашается Светка.

— Как-то это не по-джентльменски. Может быть, кавалер один сходит, а то дама в вечернем платье и на каблуках будет нелепо выглядеть на лесной тропинке. — Моё обращение с затаённой в нём последней надеждой, адресовано Буратине.

— Я могу и один. Даме самой решать! — говорит он, невозмутимо разливая виски по стаканам.

— Игра есть игра, и проигрывать надо достойно. Я иду, — утвердительно говорит Светка. А на счёт каблуков, не беспокойся, мы ещё потом рок-н-ролл с тобой станцуем. — Её тёплая ладонь ложится на моё запястье.

— Замётано! — отвечаю я на тяжёлом выдохе.

А Буратина не торопится уходить. Видимо картинка на его часах говорит о том, что клиенты ещё не дошли до требуемой кондиции, а точнее, не проводили гостей.

— Ребята, у меня тост! — он нависает над столом с наполненным стаканом. — Давайте выпьем за нашу дружбу. Пусть мы с вами разные и часто не сходимся во взглядах, пусть неоднократно попадали в неприятности, но всё же, я не представляю свою жизнь без вас. Каждый из вас будто частичка меня, ну как пальцы. — Буратина поднимает раскрытую пятерню, с оттопыренным, облачённым в перстень, мизинцем и озадаченно её разглядывает. — Хотя нет...сравнение с пальцами не подходит. Без пальцев можно жить. Можно жить без рук, без ног, без зубов, без волос... — Он морщит лоб, вспоминая оставшиеся части тела, без которых он может протянуть... — Без глаз без...

Наступает пауза, во время которой Буратина мучительно ищет путь из тупика, куда сам себя загнал.

— О! — Он поднимает вверх палец, демонстрируя озарение. — Вы как мои сосочки. Ну куда же я без вас.

Поночка громко хрюкает носом, а глаза Светки вот-вот вылезут из орбит.

— Так они у тебя до сих пор остались? — спрашивает Геракл.

— А куда ж они денутся! — Буратина нервными движениями расстегивает пуговицы и распахивает рубаху, демонстрируя заросшую волосами грудь и покаты́й живот.

Все, включая меня, вытягивают шеи и вглядываются в эти заросли. Светка даже привстаёт со стула, она знает, о чём идёт речь; мы, разумеется, тоже.

Аккурат под пухлыми розовыми сосочками находятся две коричневые точки, больше похожие на родинки. Под ними ещё две, точно такие же. Родинки расположены ровно друг под другом так, что если провести линию, от соска, до самой нижней — получится прямая. Эти еле заметные точки, Буратина не стесняясь продемонстрировал нам и не только, утверждая, что это недоразвитые соски. Он был горд этим атрибутом атавизма, который скорее всего, являлся плодом фантазии его матери. Когда-то пухлому малышу внушили, что он исключительный и носит на себе, божественный знак. Уже тогда мы смотрели на это, как на бзик, но никто из нас не думал, что Буратина до сих пор верит в эту легенду.

— Точно, вон они! — тычет пальцем Поночка.

— Вымя на месте! — утвердительно качает головой Геракл. — Только молока так и нет...

— Ага...все шесть. Убедил, теперь можешь запахнутья. — говорю я.

— Ну так вот... — продолжает свою мысль Буратина. — Вы же знаете, как дороги мне мои сосочки. Точно так же мне дороги все вы, каждый из вас. Я поднимаю бокал за то, что вы у меня есть!

«Ура-а!»

Снова бряканье стаканов и хлюпанье, проливаемой внутрь жидкости. Осушив свой стакан, Буратина закидывает в рот ветку кинзы, на пару секунд задерживает взгляд на часах, затем поворачивается к Светке.

— Ну что? Пора!

Светка кивает и охотно встаёт из за стола.

— Куда же вы так спешите! — я всё ещё надеюсь, что они передумают. — Классный был тост, дружище. Особенно лестным было сравнение нас с сосочками. Слушайте...а может ну его это вино? Ночь и так короткая, а нам будет скучно без вас. Света и виски неплохо пьёт. Может ещё один тур игры?

— Вы и соскучиться не успеете — улыбается Светка, поправляя платье на бёдрах. — Мы же недолго. Правда, Серёж?

— Двадцать минут, полчаса самое большее. — С готовностью отвечает Буратина, вставая из за стола. — Вы пока пейте, закусывайте, пойте. Как вернёмся, ещё покурим и станцуем. Кто сказал, что ночь короткая? — Он обводит рукой зал, с наглухо завешанными окнами. — Наша ночь может длиться сколько угодно.

— Я провожу! — поднимаюсь, иду вслед за ними.

У двери, Буратина снимает часы, пихает мне в ладошку.

— На...будешь кино смотреть. Вот ещё это. — Он роется в кармане, а потом что-то достаёт и тоже вкладывает в мою ладонь поверх часов. — Это наушник. Будешь слышать всё лучше, чем в реале.

Положив часы в карман, я кручу в руках, похожую на большую чёрную горошину приспособу.

— Главное не забывай про инструкции.

— Ты тоже кое-что помни. — Я хватаю его крупную голову, притягиваю к себе, шепчу в огромное, словно лопух ухо. — Если с ней что-нибудь случится, я тебя убью.

— Понял! — отвечает он с весёлой улыбкой, будто услышал доброе напутствие.

Я беру Светку за плечи, оттаскиваю в сторону, прижимаю к стене, жадно и долго целую в губы. С трудом отлипнув от вожаденной, пахнувшей свежей клубникой, мякоти, шепчу:

— Света, я тебя прошу, оставайся. У меня дурное предчувствие. Ну разве тебе плохо здесь, со мной?

— Дело не в тебе, Слава. — на её раскрасневшемся лице грустная улыбка. — и не в Серёге, и не в том, что я вышила. Просто я на грани. — Фраза «На грани» звучит как шипение змеи. — Это нужно для меня, Слава. В последнее время, я совсем потерялась. Раньше держала семья, работа. Сейчас, семьи нет, а в работе ничего, кроме рутины...Ты знаешь, я всю жизнь о чём-то мечтала. Всё время надеялась на какое-то чудо. Всё говорила, что завтра будет лучше, чем сегодня, что вот-вот случится что-то, что вырвет меня из рутины и серости. В последнее время, я уже не мечтаю. Я перестала верить, Слава. Наверное старость наступает тогда, когда ты перестаёшь мечтать. Я не хочу стареть, Слава, поэтому я иду с ним. — Она крепко прижимается ко мне губами, потом отталкивает и идёт к двери.

Буратина прикладывает пластиковую карточку к серой коробке на стене, тяжёлая дверь плавно открывается наружу, и они пропадают во мгле коридора. Я пытаюсь потянуть дверь на себя, но она сама медленно плывёт навстречу до тех пор, пока не лязгает замок.

12

Какое-то время я стою, уставившись на серое полотно. Мне нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью, что необратимый шаг сделан, дверь закрыта и с этого момента всё

должно приобрести другой смысл. Операция началась, и я отвечаю за прикрытые. Я отвечаю за её безопасность.

«Сява, ты чё там застыл. Втыкаешь что ли?» — кричат из-за стола.

Я накидываю часы, магнитный браслет защёлкивается на запястье правой руки. Вставляю в ухо наушник, разворачиваюсь и иду к столу.

«Цок-цок-цок» — громко стучит в правом ухе. Это Светкины каблуки.

«Цокцок-цокцок-цокцок» — они спускаются с лестницы.

Весёлая компания, что-то активно обсуждает. Геракл, тряся кулаком с зажатым в нём куском мяса, рассказывает какую-то историю, Поночка хохочет, тыкая в бок Уксеуса. Тот покраснел и что-то бормочет, будто оправдываясь, потом машет рукой и начинает смеяться вслед за друзьями. Я смотрю на всё это как на немое кино, фоном к которому выступают шелест платья, стук каблуков и поскрипывание резиновой подошвы.

Они идут молча, не произнося ни единого слова, будто спецгруппа выдвинувшаяся к месту важной операции.

Комната, в которой мы находимся, расположена на втором этаже, в правом крыле здания. Этот огромный выложенный из красного кирпича особняк, больше походит на те сараи, которые любят себе отстраивать состоятельные миряне. Одна его часть похожа на жилое помещение с покатой крышей, а вторая, которая соединена с первой тёплым переходом напоминает сторожевую башню. В этой самой башне и находится тайная резиденция братьев, включающая в себя комнату отдыха (огромный зал), биллиардную и сауну. Здесь, по словам Буратины, братья любят проводить свой небезобидный досуг.

Гномики — такое прозвище они получили в народе за свой мелкий рост. Если один из братьев едва дотягивает до ста шестидесяти сантиметров, то второй ниже собрата аж на полголовы.

Всем: мелкокостным телосложением, непропорционально крупными головами, кривыми ножками и тонкими, будто поставленными на быструю перемотку голосами, братья напоминают цирковых карликов. Но масштабам деятельности этих лилипутов, может позавидовать любой Гулливер, а те финансовые чудеса, которые они вытворяют, достойны отдельного номера в цирке Дю Солей.

Появившись пять лет назад, они упали на город, как снег на голову, накрыв своим тёплым покрывалом большую часть успешных и не очень предприятий. Прекрасная комбинация из бизнесмена и банкира, позволяла им влазить в доли успешных компаний и за бесценок скупать активы обанкротившихся предприятий.

Если старший брат был гением финансовым, то младший обладал незаурядными коммуникативными навыками. Ян (его имя было таким же коротким, как и рост), быстро нашёл общий язык с городской элитой и, подобно саморезу, ввинтился во все властные структуры. Он быстро понял, что тотальный контроль над изменяющимися обстоятельствами, может дать только власть и публичная известность, поэтому из бизнесменов переквалифицировался в политики. Сейчас предприимчивый братец занимает пост заместителя председателя областной думы, входит в добрый десяток общественных организаций и советов и вообще является одной из самых известных личностей нашего города.

Улыбчивый лик Яна, можно встретить на сотнях огромных баннеров, увидеть на обложках журналов и на главных страницах городских интернет-сайтов. Общественность

знает Яна, как большого мецената. Ян строит спортивные площадки; Ян возводит храмы; Ян финансирует частные клиники; Ян помогает детским домам и школам.

Бизнесмены знают брата с несколько другой стороны. Они знают, что Ян владеет центральным рынком, находится в долях пяти торговых центров. Щупальца Яна запущены в крупные автосалоны, строительные компании и даже частные заправки. На первый взгляд всё выглядит понятно и вполне логично. Ну откуда возьмутся деньги у мецената, если он не будет пощипывать бизнес. Такое робингудство и влюбило в Яна большую часть нашего города.

На первый взгляд, задуманный Буратиной план, выглядит вполне убедительно. Он хочет немного приспустить на землю этого ангелочка с пушистыми крыльями. Хочет посетовать на то, что подсмотренные им поступки, кажутся ему далеко не ангельскими. Хочет припугнуть тем, что заляпанные грязью белоснежные перья будет очень трудно отмыть. Для известного человека сейчас нет ничего страшнее, чем потерять доверие, и лишиться части своих «подписчиков». На это и хочет надавить мой хитромудрый друг. По его мнению, для такого человека, как Гном, отстегнуть несколько миллионов, всё равно, что достать сигарету из пачки и небрежно протянуть её стреляющему. Вопрос только в одном. Захочет ли он давать кому то эту сигарету.

«Цок-цок...» Шаги замерли. «Бэ-эп» басистое пищание электронного замка, щелчок, шорох, издаваемый открывающейся дверью. И снова цоканье каблуков.

Они преодолели очередную дверь. По словам Буратины, их должно быть пять. Одна в пролёте первого этажа, отсекает холл от нашего крыла; вторая — это входная дверь, но она нам не нужна, так как мы уже внутри. Третья в противоположной стороне холла, и она ведёт в переход между крыльями. Четвёртая в конце этого перехода. Эти четыре шлюза наглухо отсекают резиденцию от остальных помещений здания. Пятая дверь — это вход непосредственно в логово братьев. В сказочную пещеру Гномиков. У каждой из этих дверей индивидуальный замок, к которому полагается отдельный электронный ключ в виде пластиковой карточки. У Буратины целая колода этих карт и он имеет отмычки от всех этих дверей. Наш друг уже несколько месяцев готовился к этой операции. Он изучил рабочий график Гномиков, план помещения, и установил дополнительное скрытое видеонаблюдение.

«Как это возможно?» Этот вопрос первым возник в моей голове, когда Буратина озвучивал мне свой план в туалете. «Как возможно подобраться к самому ложу целого олигарха, подобрать ключи и даже установить камеры. Куда должна смотреть служба безопасности, а она у Гномиков явно не с кукурузных полей набрана.

Но Буратина быстро остудил мой скептицизм по этому поводу. Оказывается, у него имеется сообщник, который вхож в этот дом. Это одна из бальзаковских дам, на охмурении которых и специализируется мой хитрый друг. Эта дама оказалась одной из нескольких работающих в доме прислужниц. Находясь в любовном экстазе, которые, как никто, умеет доставлять мой друг, дама поведала о своей нелёгкой работе. Порочный мозг Буратины обработал полученную информацию в свойственном ему ключе. Он отсек ненужные факты, как-то тяжёлый нрав хозяев и бытовые тяжести, связанные с уборкой помещений и чисткой бассейна, выделив главное. Есть всем известные братья Гномики и есть человек, вхожий в их обитель. Почему бы этому человеку не обеспечить ему доступ к телам лилипутов. Что с этим делать он придумает позже, но что-нибудь по любому придумается.

Для вербовки потенциального агента, Буратине понадобился всего один час.

Убалтывать — это ещё один из его немногочисленных талантов.

К приятному удивлению моего друга, всё оказалось проще, чем он ожидал. Пассия один за одним приносила ему ключи, программу которых он копировал у одного специалиста, которого вообще не трогают морально этические принципы. Ему приносят ключи, он их подделывает и получает за это деньги. Что здесь аморального?

Купленные в Алиэкспрессе камеры, Буратина устанавливал сам. В один из дней подружка провела его в заветную комнату, где он понатыкал крошечных глазков, предварительно поинтересовавшись, не машет ли в этом месте тряпками прислуга. Казалось, что больше его должно было беспокоить, не проверяет ли охрана прислугу и помещения на предмет шпионажа и прослушки, но этот вопрос не очень-то волновал Буратину.

Гномики как-то очень халатно относились к своей безопасности. На людях, каждый из них появлялся без охраны, по крайней мере, их не сопровождали амбалы в костюмах. Охрана, безусловно, была. Были личные водители, были бородатые монстры на Гелендвагенах, которые периодически появлялись в зоне пребывания братьев. Но всё же Гномики значительно проигрывали своим братьям толстосумам, по количеству, а может быть и качеству той самой охраны. Складывалось ощущение, что Гномики так вжились в роли полубогов, что не допускали даже мысли о том, что кто-то из смертных людишек может посягнуть на их святые лики.

Рано, или поздно такой смертный бы всё равно сыскался, но первым суждено было стать Буратине. Пользуясь беспечностью братьев, он подготовил для них сюрприз, который собирается предъявить им уже сегодня.

Вся уникальность плана Буратины, (по мнению самого разработчика), заключается во внезапности. Этот, казалось бы, банальный шантаж должен больше походить на Гоп-Стоп. Шантажист оказывается тет-а-тет с объектом шантажа сразу же, после получения компрометирующего материала. Что это даёт?

Во-первых у объекта не будет времени на размышления, ему сразу же придётся ответить на поставленный вопрос «Да», или «Нет».

Во-вторых, объекта ловят практически за руку, у не успевшей остыть постели, и это поможет избежать лишних разговоров, что материал сфабрикован.

В-третьих, объекта берут врасплох в самый разгар отдыха, который сопровождается непременно расслабляющими атрибутами, и его взгляд на мир, должен быть гораздо проще и радужней.

Четвёртым пунктом следует тот факт, что Гномики любят отдыхать совершенно без охраны. Они приезжают в резиденцию и остаются практически одни посреди дремучего леса, не боясь быть сожранными диким зверьём. Может быть, они надеются на толстые стены и систему безопасности своей крепости, и это снова очень опрометчиво. Злоумышленники уже внутри. Бесшабашные братья сделали в одной части своего сарая караоке-клуб. Так они надеялись закамouflировать истинное предназначение своей резиденции. Этот факт и явился самой большой брешью в крепостной стене.

13

Знакомый треск электронного замка. Значит, они пересекли холл и теперь заходят в переход, соединяющий крылья. Звук цокающих каблуков изменился, стал более мягким. Скорее всего, идут по линолеуму.

— Иду я, короче, голову вниз опустил, думаю о вселенских проблемах. Впереди кто-то тащится. Я само собой думаю, что это Поночка. Ну а чё...те же треники, Аляска с

накинутым капюшоном, не отличишь.

«Ха-ха-ха» — Веселятся Поночка и Геракл, над историей, которую так любит рассказывать Уксус. Эту историю все в Конторе знают наизусть и слышали её уже десятки раз, но всё равно каждый раз, она вызывает у нас смех. Я улыбаюсь вместе со всеми, пытаюсь сосредоточиться на звуке в наушнике, но меня сильно сбивает захлёбывающийся голос Уксуса.

Это случилось одним из далёких зимних вечеров. Всё началось в подъезде, где мы поднимали настроение перед походом на дискотеку. Средством подъёма тонуса явилась папироска с начинкой, которую подогнал Буратине, знакомый цыган, живший с ним по соседству в общежитии. Вместо ожидаемого веселья, дым от папироски вселил во всех тяжёлые мысли и апатию. Какое-то время мы ещё вели вялые разговоры за жизнь, а потом каждый углубился в свои мысли. Не помню, какие мысли одолели меня тогда, но весь путь от подъезда до танцзала я о чём-то напряжённо думал, не замечая вокруг ничего. Тоже самое было и с остальными.

Выходивший из подъезда последним, Уксус, на одну минуту задержался у сугроба, чтобы справить малую нужду. Сделав свои дела и подтянув треники, он примкнул к отряду, который вялой вереницей брёл по заснеженной тропинке. Фокус заключался в том, что отряд-то был уже другой. Мрачные и задумчивые, мы хрумкали по снегу в одну сторону, в то время, как потерянный боец, присоединившись к другой стае, удалялся в противоположном направлении.

— Иду я, короче, в капюшон зарылся, в морду снег летит...ну вы же помните, какая пурга тогда была. Дальше своего носа ничего не вижу, только эта чёртова тропинка и мелькающие подошвы впереди идущего. Я почему-то был уверен, что это Поночка. Мелькнула одна мысль, откуда у него новые коры, почему я их раньше не заметил; но эта мыслишка тут же потонула в море вселенских проблем, которые нужно было немедленно решить. Не помню, сколько я так шёл, пока не почувствовал что-то неладное, а когда сообразил что к чему было уже поздно. Короче, очнулся я внезапно, когда понял, что идущий передо мной пацан, вовсе не Поночка...

— Ха-ха-ха...сколько бы это не слушал, каждый раз ржу не могу... — Хохочет Поночка, обнимая друга. — Ну как тебя могло так угораздить.

В ухе снова звенит. Это открывается очередная дверь. «Цок-цок...ритм стука каблучков замедлился, значит они поднимаются по лестнице.

— Поднимаю я голову и вижу, что плетусь в хвосте какой-то бесконечной вереницы. Все как один в «Алясках» с накинутыми капюшонами, трениках и кроссах. Мне бы развернуться и тикать. Гляжу, а сзади ещё человек пять таких же пристроилось. Те меня тоже за своего приняли. А чё все в капюшонах и снежище этот. Ну что, думаю, остаётся с этой братвой чапать до конечной точки маршрута. А она была уже не за горами. Дошли мы почти до самого Привоза, там свернули к гаражам. Гляжу, вереница притормозила и движется медленно, ну как очередь за портвейном. Я поглубже в капюшон зарылся, чтобы не опознали; отдулился, что братва левая и похоже с «Пентагона». А очередь тем временем движется. Гляжу, все у одного открытого гаража притормаживают на пару секунд и идут дальше уже отоваренные. Только отоваривались они не портвейном и не молоком, а шпакетником, дубьём всяким и ломом. Ну, думаю, приехал ты братец...

Треск замка, щелчок. Это четвёртая дверь, а значит они на подходе. Моё сердце

начинает усиленно колотиться, ударяя в кадлык.

— Подошла моя очередь отовариваться. Подхожу к воротам, а там стоит огромный буцефал, со страшной рожей, хватает наваленные в кучу палки и раздаёт пацанам. Взглядом меня смерил, говорит «На дрищ...главное не забзди..» и протягивает обрезок ржавого железного уголка. Потом обращается уже ко всем, кто рядом. «Вы обходите «Привоз» сзади, когда пацаны их выгонят, встречаете там».

Кто эти они и как их нужно встретить я не понимал, но догадывался, что это не будет похоже на свидание пионерских хоров.

«Ты нормально?» — шелестит в ухе шёпот Буратины. Я не слышу, что отвечает Светка, но представляю, как она уверенно кивает. Они уже у заветной двери.

— Вооружённая братва заметно ускорялась, а потом вовсе перешла на бег. Я бежал всё за тем же пацаном, которого изначально принял за Поночку. Когда обогнули «Привоз», я улучил момент, когда задний хорошо отстал и рванул в кусты. Чигирями пробрался до Геологов, а потом так и чесал до дома с этим уголком в руках. По дороге наткнулся на нашу классную, Маргушу. Ты куда, говорит, Игорёк, железяку тащишь? А я говорю ей, мол, с пацанами в городки играть спешу, ну она и поверила. Отошёл от неё на пару шагов и только тогда уголок этот в снег зашвырнул.

— Дезертир бля! — смеётся Геракл.

— Вот и набирай таких в рекруты! — вторит ему Поночка.

Я фиксирую на лице идиотскую улыбку, пытаюсь сосредоточить внимание на звуке в правом ухе.

14

Короткий треск, щелчок отскакивающих ригелей, шелест, издаваемый открывающейся дверью, шорох. Внезапно всё затихает. Пауза длится слишком долго, и я подношу палец к уху, чтобы постучать по заглохшему наушнику.

«Доброй ночи господа!»

Ухо взрывается от громкого, принадлежащего Буратине голоса, так что я непроизвольно вздрагиваю.

И снова пауза. Но теперь я уже знаю, что она не связана с поломкой наушника. Где-то там, на другом конце здания разыгрывается немая сцена.

Затянувшееся молчание нарушает чей-то голос. Голос звучит слишком тихо, и я не могу отчётливо услышать произнесенную фразу, но понимаю, что это вопрос типа «Кто вы такие, и как вы сюда попали».

— Можете считать, что это налёт! — Я снова вздрагиваю, на этот раз не от громкости голоса, а от нелепости произнесённой Буратиной фразы.

— Налёт? — Удивлённо произносят в ответ.

— Именно! — звенит беспечно весёлый голос. — Только мы налётчики двадцать первого века, и оружие у нас тоже современное. Я советую не торопиться жать на всякие тайные кнопки и вызывать охрану, потому что наше оружие мощнее любой бомбы.

— Мы и не собирались. Видите мои руки...Герман покажи. Это даже интересно! Налётчики с телефоном в руках. Бонни и Клайд нашего времени. — По тону заметно, что владелец голоса не теряет самообладания.

— Ну вот и отлично! Предлагаю не тянуть кота за яйца, и сразу перейти к делу. У нас есть кино, которое мы хотели бы продать.

— А-а... — так я и думал — Чему-то веселится голос. — И что за фильм, можнс

посмотреть?

— Могу показать только некоторые фрагменты, ну как бы трейлер к фильму. Уверен, что участие таких актёров как вы, принесёт фильму большую славу и обеспечит нам кассовый сбор.

— Ну показывайте, что там у вас...

Наушник снова замолчал.

«Часы блин!» — Вдруг озаряет меня. — «Я же могу за всем наблюдать.»

Я тычу пальцем в дисплей, и тот мгновенно вспыхивает, являя множество крошечных, выстроенных каскадом картинок. Из этих картинок нужно выбрать ту, которая мне нужна.

— Ну что, братцы, давайте ещё намахнём, а потом споём. — Звучит за кадром голос Поночки.

«Нет...если я буду постоянно отвлекаться, могу упустить важный момент».

— Вова, а может сбациаешь, что-нибудь? — Спрашиваю у Геракла.

Ну конечно он сбациает, а пацаны с удовольствием послушают, в то время, как я смогу спокойно посмотреть кино. Подбадриваемый одобрительным гулом пацанов, Геракл, опрокидывает свой стакан и хватает гитару. Пока исполнитель, будет упиваться собственным талантом, а слушатели с наслаждением ему внимать, у меня будет время сосредоточиться на главном.

Я тычу пальцем в одну из картинок, и она увеличивается, расползаясь на весь циферблат.

На миниатюрной картинке овальный как фасолина стол, по обеим сторонам которого находятся крохотные пятнышки. Два находящиеся рядом пятнышка белые, одно чёрное и ещё одно красное. Большой интерес для меня представляют белые пятна, поэтому я раздвигаю пальцами ту часть миниатюры, где расположены именно они.

Я сразу же узнаю Яна. На нём расстёгнутая белая сорочка, обнажающая белёсую грудь, с большим золотым крестом. Гномик, чуть вытянув тоненькую шейку, подслеповато шурится, видимо просматривая кино, которое демонстрирует Буратина, держа телефон у себя в руках. Второй братец сидит рядом. Он тоже в белой сорочке и она тоже расстёгнута, как и у первого. На груди точно такой же крестик. Они будто куклы, отштампованные на одном станке. Братья есть братья. Но всё же есть между ними кое-какие различия. Этот второй носит очки, выглядит более упитанным, и маленькое губастое лицо его, кажется мне более озадаченным.

Ян первым прекращает просмотр, откидывается на большое, похожее на трон, кресло и закладывает короткие руки за голову.

— Молодой человек, а с чего вы взяли, что меня может заинтересовать такое кино? Я вроде бы уже не в том возрасте, чтобы восторгаться порнушкой. Тем более качество не ахти, актёров почти не видно и не факт, что они известные.

— Ещё какие известные. — Задорно звенит голос Буратины, который ничуть не утратил самообладания. — Можете даже не сомневаться. Мы приготовили хорошую рекламу и даже взяли интервью у некоторых актёров второго плана. Они тоже хотят быть звёздами, а для такой цели любые методы хороши. Вся пикантность этого фильма состоит в том, что некоторые актёры, ещё не достигли соответствующего возраста, чтобы сниматься в подобном кино.

— Да вы что? — Ян потягивается, разбрасывая руки в стороны, а затем смыкает их на уровне лица, скрещивая пальцы. — А мне показалось, что актёры на видео вполне взрослые.

Так что зрители даже и не поймут. Сейчас молодёжь ест пищу перенасыщенную гормонами, и развивается настолько быстро, что порой непонятно, кто перед тобой сорокалетняя женщина, или девочка подросток. Мне кажется, здесь имеет место ошибка режиссёра. Он не учёл тот факт, что если уж ты анонсируешь фильм, как порно с малолетними, то в самой картине должны присутствовать именно крошечные малолетки, а не бабищи, которых можно определить в малолетки только по паспорту. В чём интрига фильма, если актёр ни сном ни духом не полагает, что под него подложили запрещённый товар?

— Интрига заключается в том, что актёр этот выступает в несколько непривычном для него амплуа. — звонкий голос Светки неожиданно врывается в разговор. — Этого актёра привыкли видеть в ролях суперменов и спасителей мира. Участие в подобном фильме, может отвернуть от него всех поклонников. А уж если те узнают, что в фильме с его участием, совращают малолетних, то его рейтинг уж точно будет стремиться к нулю. По крайней мере, этот актёр должен осознавать, что хорошую роль ему уже вряд ли предложат.

— Хм-м...да-а. — На большелобом лице Яна возникает еле заметная улыбка. — Красиво! Красиво сделано, и продумано хорошо! А вы я вижу умная женщина!

Эти его слова, заставляют меня водить пальцами по циферблату, увеличивая его лицо. Мне хочется видеть мимику, хочется видеть эти глаза.

— Вы знаете...умные женщины сейчас большая редкость. — В пухлых губах появляется сигарета. Звякает бензиновая зажигалка и я слышу, как шипит запалённый табак. —

Ян глубоко затягивается, делает губы трубочкой, выпуская плотную струю дыма.

— И во сколько же вы оцениваете данное произведение искусства?

— Семьдесят! — раздаётся в ухе уверенный голос Буратины.

— Рублей? — удивлённо спрашивает Гномик.

— Если в рублях, то миллионов, если в долларах, то всего один миллион.

— О как! — Вместе с фразой изо рта Яна вылетает огромное дымное кольцо. — Немного за любительское видео?

— Хотите поторговаться?

— А почему бы и нет! — пожимает плечами Ян. Глядя на его невозмутимый вид, можно подумать, что он выторговывает на рынке ведро картошки.

Его брат напротив, недовольно мотает головой и начинает нервно ёрзать на кресле.

— Хорошо. Мы готовы выслушать ваши предложения. — говорит Буратина.

— Ну-у я думаю...такое кино больше, чем на миллион не тянет.

— Тогда не смеем вас задерживать. — Буратина поднимается с кресла, вслед за ним встаёт Светка. — Мы люди не жадные, просто думали, что творчество должно оцениваться по достоинству. Если так, завтра можете посмотреть кино бесплатно, в общем доступе. Уверен, что вам даже утруждаться не нужно будет его поисками. Оно будет в топе.

«Повр-р-р-ремени-и, повр-р-ремени-и, утр-ро мудр-р-ренее!» — протяжно рычит Геракл.

— Ну что ж вы так сразу на дыбы встаёте, молодые люди! — Улыбается Ян, — Разве так торгуются? Присядьте, расслабьтесь. — Маленькая ручка с зажатой между пальцев дымящейся сигаретой, делает плавные движения. Таким жестом, хозяин собаки сопровождает команду «Сидеть!».

Буратина и Светка присаживаются в такт этому жесту.

— Может что-нибудь выпьете? Есть даже кое-что освежающее. — Гномик тычет сигаретой в небольшую коробочку в центре стола.

— Спасибо, мы воздержимся. На работе «ни-ни», — отвечает Буратина.

— Ну, как знаете. Хотя, мне кажется, вы несколько напряжены, и расслабиться бы вам не помешало. Торговля это такое же творчество, оно требует полёта души. Я просто обожаю торговаться. Это то, из-за чего я полюбил бизнес. Ни один человек, не умеющий и не любящий этого делать, бизнесменом не станет. По крайней мере, бизнесменом с большой буквы.

Тон Карлика становится мягким, убаюкивающим. Его скошенная на одну сторону лица, улыбка, обладает непонятным для меня магнетизмом.

— Я постиг это искусство, будучи ещё малышом. Если вы не спешите, могу рассказать.

— Вообще-то время поджимает, ну если не долго. — Буратина зачем то бросает взгляд на запястье, где уже нет часов.

«Идиот! Зачем он соглашается слушать эти байки? Нужно быстро решать вопрос и сваливать.» — Мой полный отчаянья внутренний голос сливается с заунывным пением Геракла.

«Эх-х ра-а...да ещё ра-а-а, да ещё много много много много ра-а-аз...»

— Наш с Германом отец был дипломатом и служил в диппредставительстве Ирака. Однажды мне довелось пойти с ним на большой Багдадский рынок, где он намеревался купить халат в подарок матери на день рождения. Мы долго бродили сряди тесных рядов по сорокоградусной жаре, пока отец не нашёл то, что искал. Среди тысячи халатов, разных мастей, цветов и тканей, он выбрал самый лучший. Отец всегда выбирал только самое лучшее. Вопрос цены для него был на втором плане, и эту черту характера мы с братом тоже переняли у него. Это был тёмно синий шёлковый халат расшитый золотыми нитями под звёздное небо. Отец спросил продавца, худого косоглазого мужичка в белом тюрбане, сколько он просит за халат.

«Двести долларов» — ответил тот.

«Я куплю это за десять долларов» — твёрдо сказал отец, продолжая гладить расшитую ткань. В этот момент, мне показалось, что эти слова больше обращены ко мне, чем к восточному барыге. Тот, конечно рассмеялся и сказал, что за десять долларов, он здесь не купит даже ветхого рванья.

Отец будто бы отступился от заветной вещи, и мы прошли с ним в другой конец ряда. Но через несколько минут мы вернулись к тому халату. Теперь отец торговался с косоглазым в тюрбане так, будто забыл о первоначально брошенных словах. Они начали с двухсот долларов, постепенно спускаясь вниз, пока цена не дошла до ста пятидесяти. В этот момент мне показалось, что отец сдался и уже готов купить халат за эту сумму. Видимо так же подумал продавец, который уже было стал заворачивать покупку. Тогда отец подошёл к соседней лавке и стал рассматривать халаты, которые были там. Его внимание сразу же привлёк халат схожий по цвету. Тот был, разумеется, не такого качества и звёзды на нём были не вышитые, а будто наклеенные. Но отцу, как будто, этот халат вполне понравился, и он стал интересоваться уже его ценой. Услышав, что за этот халат просят всего пятьдесят долларов, отец развёл руками, сказав, «Вот точно такой же стоит пятьдесят...». Тут включился косоглазый, который кричал, что у него настоящий иранский шёлк, а не китайская подделка, как у соседа. Сосед, разумеется, начал вступаться за свой товар. Он орал на весь рынок, принижая не только качество товара своего коллеги, но и его человеческие достоинства.

Благодаря этой перепалке, возле двух лавок собралась куча народа. Помню, что в этом балагане я чуть не потерял сознание, и от падения на раскалённый песок меня удерживала только твёрдая рука отца. Не знаю, сколько продолжался этот сыр бор, но уж точно больше часа. Отец давил на то, что качество товара у соседей абсолютно одинаковое, только более жадный сосед, почему то дерёт гораздо больше. В какой-то момент, он махнул рукой и пошёл прочь, волоча меня за собой. Когда мы были уже в конце длиннющего ряда, косоглазый нас догнал. На ломаном английском (я его, кстати, уже понимал), он кричал отцу, что тот его незаслуженно опозорил, что качество его товара намного лучше и здесь все это знают, что товар его соседа не чета его. Отец пожал плечами и сказал, что да, возможно он ошибается и приносит ему свои извинения. Да, пожалуй, его товар лучше. Тогда барыга стал упрашивать, чтобы отец наконец-то купил у него этот халат.

«Я куплю это за десять долларов» — повторил отец.

Косоглазый в отчаянье махнул рукой, прокричал на своём какое-то проклятье и скрылся в толпе. Через полчаса, когда мы были уже на другом конце рынка, косоглазый появился снова.

«Забирай за сто!» — кричал он в отчаянье.

Отец, ничего не отвечал, и делал вид, что вообще его не замечает и не слышит.

Тогда косоглазый вырос прямо перед нами и сказал: «Хорошо, бери за десять. Только приди ко мне в лавку, возьми его там и подтверди, что взял за сто пятьдесят долларов».

— Это был первый урок от отца, который крепко застрял у меня в голове. А вывод из этого урока я сделал такой: искусство торга состоит в том, чтобы не только до минимума опустить цену, но ещё и в том, чтобы продавец бежал за тобой следом, умоляя купить его товар за эту минимальную стоимость.

15

Карлик давит окуроч в переполненной пепельнице, давая понять, что рассказ закончен.

— История конечно интересная, но может, к делу перейдём? Уверю вас, что мы не будем за вами бегать, уговаривая купить этот фильм за десять долларов.

Я замечаю, что в тоне Буратины уже нет былой уверенности.

— Ну уж конечно! — Карлик снова демонстрирует свою кривую, но очень обаятельную улыбку. — Я рассказал эту историю, чтобы показать вам всю красоту и прелесть настоящего торга. Мой ход сделан. Я хоть и не предлагаю десять долларов, но оцениваю вещь в миллион (что само по себе не мало). Сейчас ваш ход.

«Да-а и в це-еркви всё-ё не та-ак, че-ерти ку-урят ла-а-адан...»

— Я, кажется, уже обозначил нашу цену...

— Вы знаете, молодой человек, у вас не очень получается. — вежливо перебивает Буратину собеседник. — Мне кажется, вашей девушке удастся сторговаться лучше.

— Ну, как знаете! — Даже по голосу Буратины я чувствую, что в этот момент он снисходительно улыбнулся. — Светик, скажи ты.

«Не-ет ребя-ята-а всё-ё не та-ак, всё не так ребя-а-а-та!»

— На сколько я поняла, правила этой игры обязывают нас доказать, что это...эта вещь стоит таких денег. — Голос Светки льётся плавно, словно сметана, наполняющая глубокий графин. Наверное, сейчас она представляет, что просто общается с одним из своих клиентов.

— А во сколько бы вы оценили свою репутацию? Даже не всю репутацию, а какую-то её часть, которая будет безвозмездно утрачена с выпуском в прокат этого фильма? Уверена, что даже малая частичка такого товара для вас гораздо ценнее миллиона долларов.

Ну если вам так нравится торговаться, хорошо. Скинем стоимость миллионов на десять деревянных, но не более того. Согласитесь, что это выглядело бы просто нелепо, если бы мы пришли к таким уважаемым людям из-за какого-то миллиона. Мы с возлюбленным, хотим уехать отсюда, поэтому поставили на кон всё. Сейчас на одной чаше весов находятся наши судьбы, а на другой кусочек вашей репутации. Предлагаю просто уравновесить эти чаши, чтобы весы не перевернулись. По сути это будет ещё одним Вашим меценатским поступком в числе прочих. Просто вместо очередного храма, вы построите новую счастливую ячейку общества, пусть даже не нашего. Мы же по приезду обязательно обзаведёмся детишками. У нас будет два мальчика (не сможем родить, возьмём в детдоме). Одного назовём Ян, а другого Герман. Вы будете крестными отцами наших детей. Поверьте, мы все будем вспоминать о вас только с теплотой, и слать вам открытки на каждый праздник.

— Bravo! — Карлик три раза хлопает в ладоши. — блистательная речь. Вам молодой человек следовало бы поучиться. — Униженный перстнем со сверкающим камнем пальчик тычет в Буратину. — Мне даже возразить нечего. Вы совершенно правильно отметили: репутация это то, что стоит больших денег. Будем считать, что я проиграл.

«Что-о?! Неужели получилось?»

«О-ох какая же ты близкая и лас-с-сковая,
А-альпинистка моя скал-лолазка моя...»

— Предлагаю сойтись на пятидесяти. Это достойная цена за кусочек репутации. — Ян поворачивается к брату. — Ну как сказала а?! — Он задорно хлопает Германа по плечу. Угрюмый брат недовольно морщится и нервно трясёт головой. Что-то есть в этом жесте от строгого, но очень любящего родителя. Он словно говорит: «Ну вот, опять ты за своё, неугомонный...».

«Пять-де-сят!»

Я вскакиваю со стула и пускаюсь в пляс, под весёлое бряканье гитары Геракла.

«А-а потом на каждом нашем вос-с-схождении,
н-ну поч-чему ты ка мне такая л-л-лас-с-сковая...»

Я раскручиваюсь вокруг своей оси, неистово размахивая руками; задираю ноги и луплю ладонями по резиновым подошвам; изогнувшись дугой, пытаюсь по-цыгански потряхnutь грудь.

«Э-э-х!»

«А-а-альпинистка м-м-моя ска-ла-л-л-лазка м-моя!»

Поночка и Уксус настороженно смотрят на мои выкрутасы, удивляясь этому внезапному преображению. А я уже отбиваю чечётку, и временами пытаюсь изобразить что-то вроде танца вприсядку.

«Давай, Вова, жги!»

— И каким же образом вы изволите получить такую немаленькую сумму?

— А здесь всё продумано, чтобы оперативно и без подвоха... — обомлевшим от шока голосом молвит Буратина. — Сумму нужно разбить на четыре части и перевести по указанным счетам на фирмы...

Дальше можно не слушать. По части получения незаконной прибыли, мой друг асс. Деньги переведут на счета каких-нибудь помоек, с тех помоек ещё на одни помойки, которые смогут их успешно обналичить. Остаётся один вопрос. Продумал ли мой друг

вопросы безопасности? Есть ли какие-то гарантии, что Гномики не наедут на него после завершения операции.

Под восторженные крики и свист зрителей, измотанным и мокрым от пота, я бухаюсь на стул. Эх, пацаны, знали бы вы, какая масштабная финансовая операция проводится буквально в ста метрах от этого места. Очень скоро в одном из хранилищ откроются шлюзы, откуда в нескольких направлениях хлынет золотой поток. Ещё буквально несколько секунд, и кто-то из нас обзаведётся состоянием. Вы тоже не останетесь в обиде. Я думаю, пара миллионов, это неплохой бонус за поход в караоке.

Миниатюрная картинка на часах теперь кажется невероятно красивой, а лицо Яна таким милым и почти родным.

— Скажи, когда будешь готов, — обращается он к братцу, который сосредоточенно щёлкает клавишами, в появившемся на столе ноутбуке. — Сейчас он забьёт все необходимые реквизиты, согласует суммы транзакций, и дело останется только за электронной подписью. — Ян виновато улыбается, будто банкир, расстилающийся перед важными клиентами.

— Да...по поводу фильма... — говорит Буратина. — Мы хотим, чтобы всё прошло без сюрпризов, поэтому обязуемся уничтожить все записи ровно через двое суток. Думаю, вы должны понять, что это гарантия нашей безопасности.

Ай молодец! Это как раз то о чём я беспокоился. Но и этот вопрос учёл мой предприимчивый и наконец-то начинающий приносить удачу друг.

— Я всё прекрасно понимаю. — Улыбается Ян, в очередной раз запаливая зажигалкой сигарету. — Разумеется, вы всё уничтожите, и не только то, что сейчас при вас. Конечно же вы запаслись копиями, которые сейчас у ваших друзей. Я даже не удивлюсь, если эти друзья где-то неподалёку, скажем в нашем караоке-клубе.

Эти слова заставляют меня насторожиться и вытянуть голову.

— Но это неважно. Мы же с вами договорились, а деловые люди должны друг другу доверять. Я уверен, что ваши друзья, так же, как и вы забудут про этот инцидент. Кстати, я уже почти про него забыл. Давайте лучше выпьем.

Квадратная бутылка виски смотрится нелепо в этой маленькой ручке. Кажется будто ребёнок, вместо бутылочки с молоком схватил со стола папин напиток и, если взрослые вовремя не хватятся, норовит разлить всё по столу. Но эта детская ручонка оказывается на редкость твёрдой. Она уверенно и быстро расплёскивает бурую жидкость по стаканам.

— Ну, давайте за знакомство! — он смачно и долго пьёт, медленно запрокидывая голову и оттопыривая крошечный мизинец.

Я не успеваю удивиться этому странному тосту, так как меня отвлекает громкое бульканье, раздающееся в ухе. Это пьёт Буратина.

— Кштати, у меня к вам предложение! — говорит Ян пережёвывая что-то схваченное со стола. — А давайте ко мне. Девушку возьму к себе в пресс-секретари, а вас начальником охраны. А что? Я всегда знал, что лучший охранник это матерый вор. А у меня одни менты бывшие. Что с них толку? Я даже не спрашиваю, как вы это сделали, но явно здесь есть прокол службы безопасности. Как можно было допустить всё это. Ещё ведь и камер успели понатыкать...

— Вы уж извините, но мы вынуждены отказаться. Мы же озвучили наши планы...

— Нет...вся предыдущая договоренность в силе, просто идите ко мне. С окладом не обижу и будете, как у Христа за пазухой. Кстати, мы ведь так и не познакомились...

— Думаю, что это будет лишним. Достаточно того, что мы знаем ваши имена. — дерзит осмелевший Буратина.

— Хах...ну что же...хозяин-барин. Герман, ты закончил? — Ян поворачивается к брату.

Тот очень медленно кивает, опуская голову к груди, как внезапно закемаривший человек. На его серьёзном лице я усматриваю странное выражение. Это похоже на удовлетворение от удачно сделанной работы. Стёкла очков Германа горят, отражая голубое мерцание экрана.

«Я закрою глаза, я обиды забуду, я прощу даже то, что не вправе прощать» — Затянул, вышедший на сцену знакомый дуэт.

Мне хочется выбежать к ним, обнять за плечи и заунывно и в тоже время весело заголосить.

«Приходите в мо-ой до-ом мои двери откры-ыты,

Буду пе-сни вам пе-еть и вином угоща-ать...».

Но это чуть позже. Сначала нужно убедиться, что сделка состоялась.

— Ну вот и всё. Осталось только сыграть, и я переведу вам деньги.

— С-сыграть? — Спрашивает удивлённый Буратина.

— Не беспокойтесь, это займёт совсем немного времени. — Ян поднимает вверх ладонь, в очередной раз демонстрируя свою притягательную улыбку. — Дело в том, что мы с братом собираемся здесь всего раз в месяц. Ну вы то, наверное знаете... подробно изучили наш график. Так вот в каждый наш подобный уикенд, я стараюсь получить максимум удовольствий от этой жизни, она ведь такая короткая. В эти дни мы с братом ни в чём себе не отказываем, как вы уже успели убедиться. С некоторых пор, в конце каждого такого праздника, я стал проводить небольшой ритуал. Это такая игра, в которую мне приходится играть в одиночку. Просто Герману нельзя, да он её, признаться и недолюбливает. Вы знаете, я даже рад, что вы здесь. В кои-то веки, мне будет с кем сыграть.

16

Ян встаёт с кресла, подходит к небольшому шкафчику, похожему на бар, открывает стеклянную дверцу. Белая висящая на нём балахоном рубаха, делает его похожим на привидение из мультика.

— Ян, вы конечно извините, но у нас не было уговора играть в какие-то игры. — В голосе Буратины слышны нотки настороженности.

— Но я настаиваю. — Карлик разворачивается, и я вижу в его руке небольшой отдающий металлическим блеском предмет. — Вы сядьте...сядьте. — говорит он начавшему было привставать Буратине, ничуть не изменившимся спокойным голосом. — Это и есть та самая игра. Тот её атрибут, без которого она невозможна.

Теперь я понимаю, что рука Карлика сжимает небольшой короткоствольный револьвер.

— Это «Смитт и Вессон», моя самая любимая игрушка.

«Буду пе-сни вам пе-еть про судьбу и разлуку,

Про весё-ёлую жи-изнь и нелепую смерть.»

— Красивая штука, правда? — Он крутит пистолет в руке, подняв его на уровень глаз, будто любуется драгоценным камнем. — Калибр тридцать восемь, шестизарядный. Рукоять небольшая под женскую ручку. Но мне в самый раз. — Качает на ладони, будто взвешивая. — Всего триста с небольшим грамм, а какая сила, какая мощь. Сколько скрытой глубины в этом кусочке металла. Ведь с помощью него, можно легко отнять жизнь. Это уникальная модель девяносто восьмого года выпуска. Корпус выполнен из титанового

сплава, поэтому он такой лёгкий. Мне подарил его на юбилей очень хороший и не последний в этом мире человек. Вот, тут даже гравировка есть. Хотите посмотреть? Хотя-я она вам ничего не скажет...

Карлик медленно прохаживается вдоль комнаты, не сводя зачарованных глаз с пистолета.

— Я влюбился в него с первого взгляда, сразу же, как только он попал мне в руки. С тех пор он стал самой любимой моей игрушкой. С ней не сравнится ничто: ни эксклюзивный итальянский спорт кар, ни яхта, ни мисс Лосс-Анжелес две тысячи двадцать один. Всё это мелкая пыль по сравнению с этой вещью. В ней заложена великая мудрость и сама по себе она для меня является философским камнем. Я могу любоваться им часами. Но с некоторых пор, одного созерцания мне стало не хватать. Мне стало хотеться, чтобы он заговорил, раскрыл свою истинную суть, свою глубину.

Переполюнявившие меня позитивные эмоции, мгновенно покидают тело на одном тяжёлом выдохе. На смену им с глубоким вздохом я запускаю в себя панику.

«Дружище, это провал! Ты видишь, что перед тобой психопат? У тебя только один выход. Пока он не наставил эту дуру на вас, выдерни её из его ручонки и дай ему по башке рукояткой. А потом хватай Светку и чешите оттуда!»

— У Чехова есть, что-то о ружье, которое, должно рано или поздно выстрелить. Вот так же и с ним. Я страстно хотел общаться со своей любимой игрушкой, и однажды нашёл способ. Поначалу это было примитивно, что-то вроде...

«Бах-бах...бах-бах...бах»

Грохочущие звуки заставляют мою голову уйти в плечи. Циферблат взрывается искрами.

«Нет!»

Мои глаза готовы выпасть из орбит.

— Братан ты в порядке? — Где-то очень далеко слышится голос Геракла.

— Чё то живот прихватило, я в туалет.

Встаю на ватные ноги и плетусь в направлении туалета, не отрывая глаз от часов.

Слава богу, они живы! Ещё живы! Сидят вжавшись друг в дружку. Напротив, заткнув уши пальцами и зажмурившись сидит Герман.

— Не правда ли впечатляет. — громко словно с театральной сцены провозглашает Карлик, продолжая ходить перед столом с дымящимся пистолетом. Стены этого помещения проложены полиуретаном. Пули входят в него, как в тесто, что совершенно исключает риск словить рикошет. Взгляните на стены. Вы что думали, это мухи насрали, или декор такой?

Я не могу разглядеть, то, что демонстрирует Карлик, но уверен, что стены в этой комнате равномерно перфорированы сотнями маленьких отверстий.

«Ребята, ну что же вы застыли? Он же разрядил барабан, бегите быстрее!» — Шепчу я стиснув зубы.

— Я оставил в барабане один целый патрон. Он то и нужен нам для игры. — Карлик ловко чиркает револьвером по тыльной стороне запястья. Барабан начинает быстро вращаться издавая характерный металлический шелест. — Обожаю этот звук. Он красивее и упоительней, чем тиканье швейцарских часов. — он подносит вращающийся барабан к самому уху и блаженно зажмуривается.

Всё это время Буратина и Светка сидят недвижимо, словно загипнотизированные.

— Наверное, вы уже догадались, о какой игре идёт речь. Это самая великая игра, в которую мне приходилось когда либо играть. Поверьте, что стоит вам раз попробовать, то

вас уже за уши от неё не оттащишь. (Если выиграете, разумеется). Вся её прелесть в том и состоит, что истинный кайф может познать только победитель. А поскольку проигравших в ней не бывает, (то есть проигравшему уже не суждено узнать, что он проиграл), то кайф получает каждый, кто в неё когда-нибудь сыграл...

Едва не падая, я заваливаюсь в одну из кабинок, закрываю дверь, запираю её на щеколду.

— Примечательно, что это именно наше изобретение. Ну скажите, где ещё, как не в России могли такое придумать. Это всё наша глубокая натура, безразмерная русская душа. Все кто говорит, что вся эта затея ради бравады перед красотками, или крупного выигрыша, ошибаются. Все кто говорит, что эта игра для отчаявшихся самоубийц, ошибаются вдвойне. Как раз таки эта самая игра возвращает тебя к жизни, заставляет её засиять новыми красками. Поверьте, что сыграв один лишь раз, вы посмотрите на эту жизнь другим взглядом. Есть одно но. Сыграв один раз, ты будешь хотеть ещё. Это тот наркотик, к которому привыкаешь с одной дозы.

Я закрываю крышку, тяжёлым мешком опускаюсь на унитаз.

— Я не буду... я отказываюсь в это играть. — Звучит в ухе загробный голос Буратины.

— Ммм...очень жаль, — вздыхает Карлик, садясь в кресло. — В таком случае, я буду вынужден принудить вас играть, и поверьте, сделаю я это ради вашего же блага. Вы мне ещё спасибо скажете. А если не скажете, то всё равно не останетесь обиженными и недовольными. Даю гарантию.

17

«План «С»! — Яркая вспышка пронзает мою голову. — Нужно переходить к плану «С»!».

Мы договорились, что в случае форс-мажора, Буратина должен произнести слово, означающее переход к экстренному плану. Это слово «ошибка», и оно может быть произнесено в любом контексте. Но Буратина, какого-то чёрта, молчит. Скорее всего, он просто парализован страхом. А если так...

— Вижу вы насторожились. — теперь эта кривая улыбка видится мне совсем в ином свете. — Вы хотите улучшить момент, чтобы выхватить у меня револьвер, но это совсем зря. Я скоро сам вложу его в вашу руку. Думаете, что я использую его как средство принуждения? Вовсе нет. Как я и сказал ранее это всего лишь атрибут игры. В нашем мире, где человек абсолютно незащищен от информационных технологий, есть вещи пострашней, чем наведённый на тебя ствол. Герман, что там у тебя? — Карлик поворачивает голову к брату.

— Бондарь Сергей Юрьевич, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения, холост, ныне безработный, прописан по адресу: город Туманск, улица Флотская, дом два, под литерой «Б» — Герман читает информацию с экрана ноутбука, монотонным, абсолютно лишённым эмоций голосом. — Из близких родственников имеется мать: Бондарь Раиса Ивановна сорок третьего года рождения, проживает...

Кафельный пол под моими ногами начинает плыть и вздыматься волнами. Мне кажется, что ещё немного, и я провалюсь куда-то в преисподнюю прямо так, сидя верхом на унитазе.

— Это всё по нему... — говорит Герман.

— Хм-м...не густо. Но это и не столь важно. Меня больше интересует эта прекрасная незнакомка. Уверен, что её досье выглядит куда богаче. — Хищно скалитесь Карлик.

— Борисова Светлана Викторовна, семьдесят восьмого года рождения, разведена, имеет

двух детей, ныне проживающих отдельно. Старший сын Семин Евгений Борисович, в данный момент учится в городе Екатеринбурге в Уральском университете. Проживает там же, снимает квартиру по адресу: город Екатеринбург, улица Фрезеровщиков, дом...

Монотонный голос Германа звучит сухо и холодно, будто зачитываемый судьёй приговор. После идентификации детей Светки, он переходит к её родителям, дальше к сестре, потом к лучшей подруге, и, наконец, к коллегам по работе.

— Думаю, этого пока достаточно... — Карлик делает жест, приказывающий брату остановиться. — Да-а, до чего же дошёл прогресс. Герману понадобилось каких то пятнадцать минут, пока мы с вами трепались, чтобы нарыть всю необходимую информацию. Нужно было только сделать фото камерой ноутбука и поместить это фото в программу. Вуаля. Социальные сети и базы слитой конфиденциальной информации, это бич современного общества. Нет уже никаких секретов, приватной информации. Любого человека можно при желании разобрать по косточкам. У каждого из нас есть крючки, за которые можно дёргать. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Вот у вас их немного — Карлик тычет стволом в направлении Буратины. — Зато их предостаточно у вашей очаровательной спутницы. А поскольку, она вам дорога (я на это надеюсь), то и вы на крючке.

Карлик замолкает, и его волчий взгляд медленно переползает с Буратины на Светку, а затем обратно. Он с удовольствием наблюдает за эффектом, который произвела на них его речь. Я же по-прежнему не могу видеть этих лиц. Мне остаётся прислушиваться к порывистому дыханию Буратины.

— Ну так что? Играем? — Карлик поднимает револьвер стволом вверх.

— Мне кажется, вы допускаете ОШИБКУ.

— Играем?!

— Вы ОШИБАЕТЕСЬ...

— Играем?!!

— Да!

18

Я вскакиваю, но тут же заваливаюсь назад, на унитазный бачок. Ватные ноги отказываются служить в самый необходимый момент. «Нет уж, сейчас вы не только пойдёте, вы побежите! Только куда бежать? Что делать?»

План «С» подразумевает то, что я срочно извещаю пацанов, и мы, пользуясь, некоторыми техническими моментами, пытаемся вытащить их из западни. Только есть здесь одна неувязка. План «С», равно, как и планы «А» и «Б» совершенно не учитывал такого развития событий. Теперь не Буратина шантажирует Карлика, а Карлик Буратину. Хищник и добыча внезапно поменялись местами.

Но всё же, план «С», это хоть какие-то действия, которые мы можем предпринять сейчас.

— Ну вот и отлично! Это уже слова не мальчика, но мужа! — шипит в ухе голос Карлика.

Я выползаю из кабинки и открываю дверь. Вдобавок ко всем напастям, на голову обрушиваются орудия наперебой срывающиеся голоса.

«Пуля и ство-ол, нажал и разошли-ись,

Где добро где зло-о, попробуй разбери-ись»

— А теперь к правилам. Играем, как вы поняли, по очереди. Боюсь показаться вам

бестактным, но на правах хозяина, я хочу играть первым.

«Ну вот и отлично — бубню я про себя пересекая зал, — есть шанс, что ты вынесешь себе мозги раньше, чем мы до тебя доберёмся».

— Всё элементарно. Играющий раскручивает барабан и спускает курок. В случае, если ставка не сыграла (вы понимаете, о чём я), ход переходит к следующему игроку, то есть к вам. После вас (если ставка опять не сыграет), ход перейдёт к даме.

— Ян, давай только не будем втягивать её. Она здесь случайно...

Я застреваю возле сцены, не сводя безумных глаз с часов.

— Она будет играть! — Произносит Карлик, и на этот раз на его лице нет и намёка на улыбку. — Я не могу лишиться её этого удовольствия, тем более, призовой фонд никто не отменял. Выигравшие, а их останется двое, поделят сумму пополам.

Я подлетаю к поющим, отдираю от микрофона Поночку, притягиваю его голову к себе и шепчу, (нет ору), прямо в ухо.

— Ваня, слушай сюда. Только ничего не спрашивай, а быстро делай, что я говорю. Сейчас берёшь Уксуса и садитесь за стол. Музыка врубите на полную катушку. Только делайте всё естественно, нас могут пасти на камеры.

— А чё происх...

Мой полный отчаянья взгляд, заставляет застрять во рту, вырвавшийся было вопрос.

От поющих, я быстро перемещаюсь за стол, где в компании бутылок и стаканов скушает, подпирающий голову рукой Геракл.

— Братан, ну ты как, просрался?

Я поднимаю вверх указательный палец, всем своим видом показывая, чтобы он заткнулся. Геракл схватывает всё на лету. Мы знаем друг друга не первый день, и он может читать выражение моего лица. Сейчас оно красноречиво вещает: «Тревога, брат!».

Я достаю телефон и, тыча пальцем, в дисплей, чётко, выделяя артикуляцией каждое слово, произношу: — Со мной не разговаривай! Всё что нужно я напишу! Веди себя естественно!

Задача передо мной стоит сложнейшая и в спокойных мирных условиях невыполнимая. Мне нужно быстро напечатать сообщение пацанам, при этом слушая и наблюдая всё, что происходит там. Сообщение должно быть максимально коротким, и понятным, а соответственно требует приложения ума. Ситуация, которая происходит там, тоже требует высокой концентрации внимания. Я никогда не славился умением концентрироваться и справляться с многозадачностью, но, в критических ситуациях, мои мозги начинают работать как швейцарские часы.

— Пейте, жрите, обнимайтесь, как ни в чём не бывало. — Я широко улыбаюсь появившимся за столом друзьям. — Ведите себя естественно, нас могут пасти. Всё, что вам нужно знать я напечатаю. Пацаны... только не отвлекайте меня, времени в обрез.

Намертво приклеив к лицу идиотскую улыбку, я быстро набиваю текст. Подушечки больших пальцев с проворством роящихся блох бегают по дисплею телефона, в то время, как глаза косятся на маленький экран часов, где Карлик продолжает объяснять правила своей безумной игры.

— Барабан будет крутить каждый из играющих, это несколько уравнивает шансы. В стандартных правилах, барабан раскручивают всего один раз, затем игроки по очереди спускают курок. Таким образом, шансы каждого последующего игрока на проигрыш кратно увеличиваются. Здесь же будет обратная ситуация. Каждый последующий игрок, будет иметь

больше шансов на выигрыш, чем предыдущий. К примеру, если пуля разнесёт мне череп, то вам и играть не придётся. Так что в самой выгодной ситуации, находится наша прекрасная леди, которая будет играть последней. По правилам вроде всё. Вопросы есть, молодые люди?

Садистский взгляд Карлика снова ползает по бледным лицам своих жертв.

— Ну если нет...предлагаю выпить для куража и приступать.

Не выпуская пистолет из правой руки, он берёт бутылку левой, и разливает виски по стаканам. Я замечаю, что в этой хоть и маленькой, но твёрдо держащей бутылку руке, нет и малейшего намёка на нервный тремор. Есть ещё надежда, что Карлик блефует, если же нет — он конченный псих.

Он снова медленно и смачно выпивает почти полный стакан, при этом противно причмокивая. Буратина, тоже выпил, но, судя по оставшейся на дне жидкости, сделал несколько глотков. Светка к своему стакану даже не притронулась.

— А вы что же, мадам? — Улыбается Карлик, закидывая в рот пластик лимона. — Заметьте, там пятнадцатилетний скотч. Кто знает, может это последнее, что доведётся выпить кому-нибудь из нас.

— Я не пью под утро, потом весь день голова болит. — Спокойный и такой родной голос, заставляет мои глаза набухнуть от влаги.

— Bravo ха-ха bravo... — хохочет Карлик. — Восхищён вашим хладнокровием. Кстати, про утро вы верно заметили. Я люблю играть на рассвете. Как там у классика: «Ах, как скоро ночь минула...». Ну что же, самое время приступить.

Я пихаю локтём в бок Геракла и передаю ему под столом телефон с напечатанным манифестом. В этом коротком сообщении я не вдавался в подробности, причины и суть операции. Я не стал объяснять, каким образом Буратина и Светка оказались в компании отмороженных извращенцев. Я просто констатировал факт. «Ребята в опасности». Дальше я коротко изложил суть этой опасности. Есть заряженный боевой пистолет, и есть психопат, который предлагает сыграть в русскую рулетку. Ещё этот псих угрожает их близким, и сами они вряд ли найдут моральные силы, чтобы вырваться. Помочь должны мы. Сначала нужно отбить ребят, а потом решать все остальные проблемы. Как мы это сделаем? Дальше идут короткие инструкции. Сообщение заканчивается словами: «Все объяснения потом».

Геракл прочитывает сообщение за пару секунд и тут же передаёт телефон Поночке. По скорости чтения и усвоения материала, он может сравниться разве, что с псом, который на лету хватает кусок мяса. Вова уже в первом классе продемонстрировал свои незаурядные способности к чтению. В скорости чтения, которую наша классная Валентина Артамоновна, измеряла при помощи песочных часов, он мог дать фору любому пятикласснику. Пока мы осваивали букварь, наш Вова уже читал серьёзную литературу, типа «Графа Монте-Кристо» и «Острова сокровищ». Да-да это был именно тот человек, который сейчас месяцами не бреется и уже с десяток лет ходит в одном и том же тельнике. К сожалению это был единственный его талант, и он, ни коим образом, не помог ему, не то, что в учёбе, но и в дальнейшей жизни. В этом мире, чтобы хоть чего-то добиться, нужно в первую очередь уметь считать. Наш Вова оказался холоден к точным наукам, да в принципе и к неточным тоже. Его ничего не интересовало, кроме романтических приключений, которые он глотал со страниц книг. Это и был его главный порок, серьёзно повлиявший на дальнейшую судьбу.

Сейчас я вижу, как заблестели его глаза, и ожило лицо. Кажется, волоски на бороде и те приподнялись в возбуждении. Это то, что он по-настоящему любит и ждёт. Это настоящие приключения, которые в изобилии доставляет нам общий знакомый.

Геракл хитро щурится и показывает мне под столом, сомкнутые в колечко пальцы, что означает «Всё будет в ажуре, братан!».

— Обожаю эту прелюдию перед игрой. Ничего не может быть слаще последнего бокала вина и последней сигареты. — Карлик блаженно затягивается, выпуская изо рта плотное дымное облако. — Кстати, нужно побеспокоиться, чтобы во время игры нам никто не помешал. Герман, ребята кажется здесь с компанией?

— Да...но все в зале...сидят пьют... — Бурчит Герман озадаченно уставившись в ноутбук.

Я вскакиваю, хватаю бутылку, трясущейся рукой расплёскиваю по стаканам виски.

— Пацаны, — улыбаюсь на разрыв губ — предлагаю выпить за эту прекрасную вечеринку!

Парни мгновенно рубят фишку, хватают стаканы, изображая на лицах неопиcуемый восторг.

— Не замирайте, и делайте морды попроще. На нас смотрят... — цежу, сквозь улыбку, а затем опрокидываю в себя стакан.

— Но всё-таки, не мешало бы подстраховаться, трещит в голове противный голос Карлика.

— Уже... — отвечает ему брат.

— Вот и чудненько. Нам хотелось бы верить, что ваши друзья не в курсе этого визита, но всё же, чтобы исключить их празднoшатания по зданию, а так же дабы не соблазнять вас возможностью сбежать отсюда при помощи подделанного ключа, мы перепрограммировали замки. Теперь старые ключи не работают. Если желаете, можете убедиться.

Эта фраза Карлика убивает во мне надежду на счастливый исход. План «С» теперь не работает.

19

Я скашиваю глаза на запястье руки, где с некоторых пор поселился этот страшный монстр. Он ни на секунду не позволяет отвести взгляда от своей безобразной рожи, которая растёт, будто бы увеличиваемая зумом, пока не заполняет всё поле моего зрения.

— Знаете, зачем в зоопарке запирают клетку с тигром? Эта предосторожность связана не с опасением, что кто-то украдёт этого тигра, или позарится на его кусок мяса. Смотрители зоопарка опасаются двух вещей: чтобы тигр, не дай Бог, не покинул клетку, или какой-нибудь идиот случайно не забрёл в его логово. Добро пожаловать в клетку, господа!

Я вижу каждую оспину на этом вздёрнутом картофельном носу, вижу трещины на пухлых сжимающих мундштук сигареты губах, слышу шипение тлеющего табака, чувствую едкий, выедающий глаза запах дыма.

— М-м-м...последняя затяжка самая сладкая. — Струя дыма бьёт из сложенных в трубочку губ, и мне кажется, что этому белому потоку не будет конца. — Итак, приступим...

Карлик нещадно давит окурок в пепельнице, долго крутит его, будто желая убедиться, что бычок испустил последний дух, затем снова раскручивает барабан, чиркая им по локтю.

Я не обладаю зоркостью ястреба, но именно сейчас, в этой миниатюрной картинке, я чётко вижу мелькающие каморы бешено вращающегося барабана; расширяющиеся серые зрачки Карлика; белые как мел лица, отражающиеся в стёклах очков Германа. Я чётко слышу шелест храповика, становящийся тише с каждой секундой. Барабан останавливается. Большой палец Карлика взводит курок, и я слышу, как скрипит сжимающаяся пружина. Щелчок. Пистолет готов к стрельбе.

Карлик медленно поднимает руку, подносит ствол к голове, вдавливая его в череп, чуть выше правого уха.

— Я привык делать это ровно в шесть утра. — Он сгибает в локте левую руку, на запястье которой сверкают золотом часы. — Как раз, без одной минуты... — говорит он холодным тоном хирурга, готового приступить к важной операции.

Я смотрю на эту согнутую руку и не вижу в ней ни малейшего подрагивания.

«Он псих!»

— Осталось двадцать секунд. Вы даже не представляете, как мне не терпится это сделать.

«Тик...тик...тик...тик» — я слышу тиканье, вижу как подрагивая бежит позолоченная стрелка. Она приближается к финишу, отмеченному жирной золотой полоской.

«Десять...девять...восемь...»

«Пу-уля и ство-ол нажал и разошли-ись...» — Эта строчка из песни какого-то чёрта начинает крутиться в голове.

«Пять...четыре...три...»

«...нажал и разошли-ись...»

«Два...один...».

Громкий щелчок отзывается вспышкой в моей голове, будто туда только что забили гвоздь.

— Фуф... — Карлик улыбается, выдыхает, блаженно отваливается на спинку кресла. — Это кайф! Ребята, вы даже не представляете, какой это кайф. Поверьте, что это ощущение по остроте несравнимо даже с самым глубоким оргазмом. Да что там говорить, сейчас сами попробуете.

20

— Ваша очередь, молодой человек. — Карлик, держа револьвер за ствол, протягивает его Буратине.

Бескровные белые пальцы медленно обхватывают небольшую изогнутую рукоятку с деревянными накладками. Буратина смотрит на пистолет безумными глазами, словно ребёнок, которому сунули в руку карбюратор от машины.

— Ну как вам игрушка? Не правда ли впечатляет? — шепчет Карлик.

Буратина молча крутит пистолет в руках. Он думает. В данный момент его мозги мобилизованы и работают на полную катушку. Вся их деятельность, сопряжённая с упорядоченным движением нейронов, направлена на то, чтобы остаться в этой черепной коробке, а не покинуть её через рваную дыру, образованную пулей тридцать восьмого калибра. Что-то сложилось, сконструировалось, сплелось в этой голове. Это что-то зажгло в его голубых глазах искорки надежды. Он твёрдо берёт револьвер за рукоять и неистово раскручивает барабан, нещадно елозя им по рукаву своей красной рубахи.

— А если вылечу я? — спрашивает он, не переставая раскручивать барабан.

— Тогда мы поделим выигрыш с вашей дамой. Двадцать пять ей, двадцать пять останутся у меня. Всё по-честному.

— Не обманешь? Как я могу быть уверен, что ты её не кинешь, или не убьешь, если... если я.

— Как Вы думаете, человек, который только что приставлял пистолет к своей голове и спускал курок, способен обмануть? — Улыбается Карлик, раскуривая очередную сигарету. — Нет, обмануть я конечно способен, и делаю это виртуозно, но только здесь,

сейчас, в этой комнате, я этого делать не буду. Это как храм для меня, а в ваших руках сейчас находится Бог.

— Хм...я даже не знал, что Бога можно вот так, держать в руке. — Стекланные глаза Буратины прилипли к вращающемуся барабану.

— Когда подставите это к голове, вы поймёте, что это именно он. Уверен, что вы даже молитву прочитаете.

— Я их не знаю... — голос Буратины срывается, и эта фраза из его уст звучит как-то жалостливо. Барабан тем временем прекращает своё вращение.

Буратина медленно взводит курок и подносит ствол к виску. Сидящая рядом Светка, закрывает руками глаза и громко шепчет: «Не-т...не-ет...Серёжа не делай этого».

— Ну что... чувствуете? Вы чувствуете эту энергию, слышите этот звук? — Карлик с любопытством психиатра, заглядывает ему в глаза. — Это как в детстве, когда подносишь к уху ракушку, тебе кажется, что ты слышишь шум моря. Здесь ощущение гораздо сильнее, ты слышишь дрожь земли, ты чувствуешь, что за тобой уже отправились...

— Слушай, заткнись а? Дай мне сосредоточиться — недовольно бурчит Буратина. Карлик делает жест пальцами, будто застёгивает рот на замок.

— Всё всё не буду мешать — шепчет он, складывая ладони лодочкой, будто мамаша, заглянувшая в спальню, чтобы пожелать своему чаду спокойной ночи.

Снова наступает тишина, нарушаемая, только лёгким шумом. Глубокое дыхание Буратины похоже на удары, бьющего в окно порывистого ветра.

«Пум-пум-пурум...пум-пум-пурурум...пум-пум-пурум-пу-у-ум»

Звук телефонного рингтона, заставляет сидящих в комнате встрепенуться. Он весело летает по комнате, отражаясь от покрытых полиуретаном стен, будто звон будильника, возвещающего о завершении ночного кошмара. Звонок настойчиво долбит по ушам, многократно повторяясь, и его громкость с каждым таким повтором повышается, так, что очень скоро грозит вынести сидящим перепонки. Но никто даже не шевелится. Все, будто играют в «Замри отомри» и никто не хочет проигрывать.

21

Чуть склонив большелобую голову набок, с дымящейся сигаретой между пальцев замер Карлик. Рядом вытянув тонкую шейку, замер его брат, и блики в его очках застыли, будто замороженные льдинки. Светка чуть припустила закрывающие лицо ладони, и теперь в её полных отчаянья глазах, вспыхнули искорки надежды. Наибольшее впечатление в этой экспозиции из застывших фигур, производит та, что сидит, приставив пистолет к своей крупной бычьей голове.

Длещаеся больше минуты и сопровождаемое непрекращающимся назойливым звуком, оцепенение решает прервать Карлик.

— По-моему это у вас... — Тихо произносит он, обращаясь к Буратине. — Может возьмёте трубку, а то как-то невежливо получается. Тем более, что перезвонить может уже и не получится.

Буратина с трудом отдирает ствол от виска, и медленно кладёт его на стол, неестественно скрюченной рукой со сведёнными мышцами. Он долго копошится в кармане, пока не извлекает оттуда не желающий униматься телефон.

— Алло — произносит он ватным голосом.

— Алё, братан, ты чё там совсем сбрендил? Тебе мозги жмут или чё? — зло кричу я в трубку. — Давай уже будем завершать этот балаган.

— Так надо, Слава... просто я ошибся. — говорит он, лишённым эмоций загробным голосом.

— Слушай Серёга, вруби громкую связь. Я хочу поговорить с этим злобным лилипутом.

— Это бесполез...

— Включи громкую связь!!! — что есть силы ору я в трубку, пытаюсь разбудить друга от летаргического сна.

Услышав в трубке характерный шум, возвещающий о том, что теперь мы в прямом эфире, я громко и отчаянно артикулируя, произношу.

— Доброй ночи...ммм...С добрым утром! Извините, господин...как я могу к вам обращаться?

— Насколько я понимаю, этот юный голос в трубке, сейчас обращён ко мне? — спрашивает Карлик.

— Совершенно верно!

— Мне очень неловко напоминать вам правила делового этикета, но первым вообще-то должен представляться звонящий.

— О-о! Я премного извиняюсь! Меня зовут Вячеслав Иванович Кузьмин, и я друг ваших случайных гостей.

— Ха-ха...«Случайных гостей», как хорошо сказано. — оживляется Карлик. — Я могу даже предположить, где вы сейчас находитесь, милый друг. Сдаётся мне, что недалеко, буквально метрах в пятидесяти, в закрытой комнате, в компании ещё двух нежных и юных друзей.

— Эх ничего от вас не скроешь! — Я стараюсь улыбаться, чтобы снять первоначальный накал. — Так...как мне к вам всё-таки обращаться?

— Я не люблю панибратства, но друзья моих друзей — мои друзья, поэтому можно просто Ян.

— Ян! Времени мало, поэтому я без прелюдий сразу же перейду к делу. Мои друзья немного погорячились. Признаюсь, что я тоже являюсь участником этой глупой, шуточной затеи. Сейчас мы понимаем, что допустили ошибку. Ян... я прошу, пока не случилось большой беды и все мы не наломали дров, отпустите их...

— Конечно же я их отпущу... — небрежно машет рукой Карлик. — Мы вот только игру затеяли, осталось буквально один-два хода, и все могут быть свободны.

— Нет, вы не поняли. Они не будут...не должны в это играть. Это моя настоятельная просьба.

— А вы имеете, какие-то основания, чтобы настаивать? — тон Карлика становится жёстче, улыбка сходит с его рта и тот становится маленьким и тонким, как у грустного эмоджи. — По-моему, вы все находитесь у меня в гостях, и вам ничего не остаётся, кроме того, как играть в игры, предложенные хозяином этого дома.

— Ну...раз уж разговор пошёл об играх, то конкретно эта, вряд ли пойдёт кому-то на пользу. В этой игре не будет победителей, одни только проигравшие. Вы сами рассудите, Ян. Копия фильма находится у нас, ещё одна копия уже отправлена человеку, который находится далеко за пределами этих стен. В случае, если хоть с кем-то из нас случится несчастье, этот фильм незамедлительно выйдет в эфир. Поверьте, что получивший его человек хорошо знает свою работу и видео будет в топе ровно столько, сколько понадобится для того, чтобы о ваших похождениях узнали все заинтересованные лица. Мы, так же, как и вы не хотим такого исхода, поэтому предлагаем, расценить всё произошедшее, как досадное

недоразумение. Просто отпустите нас. Взамен мы готовы дать клятвенное обещание, что эта история не получит огласку ни в каком виде.

Я останавливаюсь только тогда, когда понимаю, что сказать больше нечего. Я выдал всё, что мог, причём постарался сделать это мягким дружелюбным тоном. Теперь слово за Карликом, и я с надеждой смотрю в эти глаза, которые вижу так же отчётливо, будто они в пяти сантиметрах от меня, не смотря на то, что смотрятся маленькими точками на циферблате.

Карлик не спешит с ответом. Он открывает стоящую на столе небольшую коробочку, словно в варенье обмакивает указательный палец в белую пудру, засовывает палец в рот и водит им под верхней губой. Откинувшись на спинку кресла, он какое-то время водит кончиком языка по десне, будто прочищая рот от остатков пищи. Смачно потянувшись, так что суставы пальцев и рук щёлкают на всю комнату, он соизволяет открыть рот.

— Вся ваша речь похожа на то, что вы пытаетесь со мной поторговаться. Сегодня это уже делали ваши друзья, и я их даже кое-чему научил. В этом деле мне мало равных, и мало кто любит торговаться, как это люблю я. Кстати, я рассказал вашим друзьям поучительную историю...

— Я слышал...

— Даже не сомневаюсь. Если вы внимательно слушали, в конце этой истории, продавец бежал за покупателем, умоляя его купить за бесценок вещь, за которую часом ранее просил двести долларов. Ваш друг любезно заметил, что он не будет бежать за мной подобно тупому иранцу с десятидолларовой монетой. Ну вот, проходит час, и теперь уже вы просите меня взять товар бесплатно. Теперь вы поняли, в чём искусство настоящей торговли? — Щёки Карлика зарделись красным, зрачки выросли до невероятных размеров, он в очередном экстазе.

— В этом деле, нам вас никогда не переплюнуть. — Я пытаюсь вложить в эти слова максимум лизоблюдства. — Ну так что, мы сторговались?

— Нет! — Рот Карлика злобно оскаливается, в глазах сверкают хищные огоньки. — Пока что вы бежите за мной по переполненному душному базару и умоляете взять у вас товар. Я иду и не оборачиваюсь на ваши вопиющие стоны. Под моими до блеска начищенными остроносими ботинками хрустит песок, а рука сжимает ручонку маленького мальчика, которого я тащу за собой по этой страшной жаре. Вы будете бежать за мной, сколько бы ни понадобилось, даже если мне вздумается пересечь Сирийскую пустыню. Вы будете бежать за мной весь день и всю ночь, будете бежать месяц, до тех пор, пока я не соизволю обернуться и взять у вас эту вещь. Всё дело в том, что предлагаемая вами вещь, не имеет для меня ценности. Почему? Потому что вы не сможете использовать её по назначению.

— Почему? — хриплю я в трубку в мгновение севшим голосом.

— Потому что у меня есть несколько козырных карт, увидев которые, вы откажетесь от идеи как бы то ни было применить эту вещь. Вы будете просто мечтать, чтобы избавиться от неё поскорее и забыть как страшный сон, тот день, когда вы придумали эту затею. Я буду демонстрировать вам эти карты по очереди. Возможно, все показывать даже и не понадобится, потому что эти козыри выглядят очень убедительно.

22

— Итак, первый козырь! — Карлик улыбаясь демонстрирует открытые ладони, будто

иллюзионист, анонсирующий фокус. — Герман, покажи ребятам, что происходит вокруг дома.

Герман проворно щёлкает по клавишам, затем, разворачивает ноутбук от себя.

— Вам всё видно, молодой человек? — заботливо интересуется карлик.

Видно конечно отвратительно, можно сказать не видно ничего. Я раздвигаю пальцами миниатюрную картинку, увеличивая её до тех пор, пока мерцающий экран ноутбука не занимает всё пространство циферблата. Картинка больше похожа на рентгеновский снимок, а я на дилетанта, который пытается его разглядеть. Но сегодня моё осязание творит чудеса. Я если и не вижу, то чувствую, что там должно быть и даже в точности могу воспроизвести детали, в отличие от Геракла, который тяжело сопит, положив подбородок на моё плечо.

На освещённой асфальтированной площадке перед фасадом здания, стоят три чёрных внедорожника. Возле одного из них находятся какие-то люди.

— Это передняя часть здания. — Комментирует Карлик, нажимая на клавишу. — А это то, что происходит сзади.

На заднем плане, тоже несколько внедорожников, металлический глянец которых подсвечивается синими бликами. Присмотревшись, я понимаю, что это проблесковый маячок.

Демонстрируемые Карликом картинки, ясно дают понять, что мы в окружении, шансы прорвать которое равны нулю.

— Это моя служба безопасности. Знаете, я сам в первый раз вижу их в полном составе. Обычно они работают сменами, но сегодня, как видите, у них субботник. Знаете, для каких целей предусмотрена эта площадка за домом? Это вертолётная площадка. При желании, я могу посадить сюда вертолёт, просто сейчас не вижу в этом необходимости. Всё же, вы должны быть польщены, что в честь вас я поднял по тревоге почти всю свою армию. Сейчас ребята просто отдыхают. Им дана команда ждать и не входить во внутрь до особых распоряжений. Вот как-то так! — Карлик звонко хлопает в ладоши, подчёркивая эффект продемонстрированного козыря. — Теперь вы понимаете, что вы не просто в клетке, а в хорошо охраняемой клетке. Чтобы у вас не было иллюзий на счёт побега, покажу вам ещё кое-что. В крепости наших дверей и надёжности замков вы уже убедились, но возможно у вас возникнет идея сбежать через окно.

Карлик встаёт, направляется к завешанному бархатными красными шторами окну, тянет за верёвку сбоку гардины. Шторы разъезжаются, демонстрируя огромное панорамное окно. В идеально прозрачном стекле видно ночное звёздное небо с мерцающей полной луной.

— Хм-м... — Уже семь часов утра, а на улице всё темно. — Карлик озабоченно смотрит на часы. — Герман, это беспорядок сделай нам утро.

В мгновение картинка в окне меняется. Теперь там чуть подёрнутый туманом хвойный лес.

— М-м-м...нет... — недовольно морщится Карлик. — Хочется солнца, сделай нам весёлый восход.

Картинка снова меняется, являя раскинувшийся под окном, залитый солнцем ярко зелёный луг.

— Отлично! — Карлик, улыбаясь, щурится на восходящее солнце. — Реальность часто неприглядна и не такая, какой бы мы хотели её видеть. Здесь я могу хоть немного, да изменять эту реальность. Когда мне грустно я включаю туман, дождь, заснеженный лес, когда весело, (как сейчас) — я предпочитаю яркие краски. Если захочу, могу оказаться на

берегу океана. Ну разве это не прекрасно? Да...к чему это я? — Он прикусывает указательный палец... — Ах да...это я к тому, что уникальность этого здания состоит в том, что в нём совсем нет окон. Ни одного. Всё что есть, это бутафория. В вашей комнате тоже самое...можете убедиться. И снаружи точно так же. Когда вы сюда приехали, вы видели обыкновенное здание с кучей больших окон, многие из которых даже светились, гостеприимно маня вас лететь на этот тёплый свет. Но по факту, это не простое жилое здание, а крепость, построенная по проекту одного не совсем адекватного человека. — При этих словах Карлик кладёт пятерню себе на грудь. — Итак, вы в клетке, господа, прочность запоров и надёжную охрану которой я продемонстрировал. У вас ещё осталось желание на чём-то настаивать и диктовать свои условия?

После недолгого молчания, собравшись с силами, я решаюсь ответить.

— Да-а...всё это впечатляет. Замок, охрана, запоры. Только есть один неучтённый факт. Мы в двадцать первом веке, и какими бы не были надёжными запоры и толстыми стены, через них легко может просочиться информация...

— А-а ну да...я понимаю о чём вы, — чему-то веселится Карлик. — Безусловно, вы прямо находясь здесь, сможете опубликовать необходимую информацию, но это станет самоубийством для всей вашей компании. Если вы сомневаетесь, что я могу пойти на крайние меры, то это напрасно. Вы очень плохо меня знаете, тем более вы не в курсе всех обстоятельств, ведь я ещё не открыл вам всех козырей. Может быть вы хотите обратиться к кому-нибудь за помощью, так я вам скажу, что в этом городе вам не поможет никто, пусть даже сам губернатор является кому-нибудь из вас двоюродным дядюшкой. Остаются более масштабные варианты, обращаться сразу же к генеральному прокурору, или к министру внутренних дел, а лучше уж напрямую в Гаагский трибунал. Но это варианты как минимум не скорые, а ваши судьбы уже сейчас висят на очень тонком волоске. Этот козырь больше относится к тому, чтобы вы любезно пользовались моим гостеприимством и бросили мысли о том, чтобы уйти отсюда по-английски. Теперь перейдём к тем козырям, которые побудили ваших друзей со мной играть.

— Я уже в курсе... — говорю я обречённо.

— И всё-таки я хочу акцентировать ваше внимание на главном козыре. — Карлик прохаживается за спинками кресел, где сидят Буратина и Светка, и я слышу, как скрипят его ботинки. — Этим козырем является милая дама, по имени Светлана Викторовна ммм...кажется Борисова. — Подкравшись сзади, он кладёт руки на открытые плечи Светки и она вздрагивает. Я вместе с ней чувствую ледяной холод от прикосновения мерзких липких ладоней и у меня, так же, непроизвольно поднимаются плечи и бегут по спине мурашки. — Вы уж простите, что я оказался не столь политкорректен и выбрал ключевую фигуру по гендерному признаку. Да...я мог выбрать любого из вас, но выбор пал на неё. Зачем запугивать всех, если достаточно одной ключевой фигуры. Это экономит нам массу времени. — Карлик хлопает в ладоши и уверенно направляется к своему креслу. — Ну что, молодые люди, я полагаю, что этих козырей более, чем достаточно, чтобы продолжить игру, тем более, что первый ход уже сделан. А вы можете просто расслабиться и посмотреть всё в прямом эфире... — обращается он уже ко мне.

— Мы не будем...

— Не надо, Слава, он прав... — перебивает меня Буратина. — Нужно закончить эту игру.

Он берёт со столика револьвер и медленно поднимает его к голове.

— Нет! — кричу я в трубку. — Брат, очнись! Ты не понимаешь, что делаешь.

— Он всё прекрасно понимает. — Карлик качает своей треугольной башкой. — Он понимает, что это какой никакой шанс и его нужно использовать. Ну где и когда ещё он сможет заработать такие деньги. Я мог запросто принудить его играть на интерес, а вместо этого ставлю на кон такой приз. Глупо было бы отказываться....

— Глупо! — произносит Буратина, и его лицо мгновенно меняет цвет, становясь серым. Он взводит курок и подносит ствол к виску.

— Серёга, не делай этого! — кричу я.

— Всё как-то глупо, Слава. Похоже, я снова ошибся.

23

На секунду воцаряется гробовая тишина. Она всасывает в себя все лишние звуки, оставляя только один. Монотонный звон заполняет комнату, передаваясь по частотам связи, проникает в мой телефон, откуда разносится по залу, где мы находимся. Все мы, содрогаемся и морщимся, будто от звука зубной бор-машинки. Мы понимаем, что сейчас произойдёт то, что никто из нас не в силах предотвратить. Я зажмуриваюсь.

Сухой щелчок заставляет меня подпрыгнуть на стуле, а потом уже растечься по нему бесформенным тестом. Первое, что я вижу, разлепив глаза, лицо друга, которое стремительно наполняется краской. Он держит револьвер стволом вверх и на его губах спокойная и даже чуть надменная улыбка. Но именно сейчас меня начинает интересовать совсем другое лицо. Я смещаю фокус на сидящую рядом Светку и увеличиваю её изображение. Не смотря на смертельно бледное лицо, она сохраняет отчаянный блеск в глазах и горделивую осанку. «Она у меня молодец. Чёрт!» — я сжимаю челюсти так, что начинают хрустеть зубы. — «Ведь сейчас её очередь! Ну уж нет ребята!».

— Предлагаю не мучить даму! — произносит вдруг Буратина и снова подносит пистолет к голове. Никто не успевает ничего сообразить, как...

«Щёлк-щёлк-щёлк-щёлк...»

Я вижу, как после каждого щелчка дёргается правый глаз Буратины, чувствую, отдающийся в голове стук бойка. А может я не вижу, я ведь не должен видеть таких мелочей. Значит всё это просто моё воображение, или дурной сон.

Буратина убирает револьвер от головы и небрежно бросает его на зеркальную поверхность стола.

— Наш дорогой Ян оказался большим шутником! — улыбается он, и в его голосе уже нет той обречённости, как прежде.

Карлик, криво улыбаясь, прищуривает глаза и склоняет голову набок, будто психиатр, изучающий сложного пациента.

«Ты это о чём?» — говорит его, в мгновение переродившийся из волчьего в лисий, взгляд.

— Я почувствовал, что что-то здесь нечисто, ещё когда вы соизволили сыграть первым. «Ну надо же, — сперва подумал я, — какой жест отчаянья и храбрости, от человека, у которого есть всё. Это же уму непостижимо, чтобы самый известный в нашем городе человек, находящийся на пике популярности, любимец публики так наплевательски относился к своей жизни. Ну ладно, если бы он был таким же неудачником как я. Это мне дураку нечего терять, а я всё равно сижу и трясусь как осиновый лист. И тут такой образец пренебрежения к самому святому, что у него вообще может быть». И я уже готов был во всё это поверить, если бы случайно не бросил взгляд на вашего брата.

— На брата? А причём здесь брат? — Пожимает плечами Карлик, переводя взгляд на Германа. Тот отзеркаливает его жест, не понимая, о чём идёт речь.

— Дело в том, что когда вы устроили эту страшную пальбу, демонстрируя мощь своего «Смитт и Вессона», Герман зажмурился и втянул голову в плечи. Так ведут себя люди, которые боятся громких звуков и вообще всего, что связано с опасностью. Но в момент, когда вы поднесли ствол к голове, Герман вёл себя абсолютно хладнокровно. И ещё одна деталь, опять же связанная с Германом, бросилась мне в глаза. Вы сидели так же как и сейчас, параллельно друг другу. Направленный в вашу голову ствол, по сути, целился и в вашего брата, то бишь, он находился на линии огня. Но ни с его, ни с вашей стороны не было никаких опасений, что если ставка сыграет — пуля, выпущенная из вашей любимой игрушки, может разнести сразу две головы. Вы слукавили, когда сказали, что в револьвере осталась одна пуля. В барабане не шесть, а пять патронов, и выстрелов было пять — Буратина улыбается и разводит руками.

— Bravo! — Карлик демонстративно лупит в ладоши. — А я и не думал, что вы такой наблюдательный. Обычно в такие моменты всё внимание человека уходит куда-то внутрь. Он на всякий случай прокручивает в голове кадры минувшей жизни, оценивает бывшие поступки, думает о том, всё ли он сделал на этой земле, что планировал. А вы оказались не промах. Вместо того, чтобы готовиться к возможному отходу в мир иной, вы внимательно наблюдали, и это многое о вас говорит.

— Фуф...ха-ха-ха-ха... — я стараюсь как можно заливистей хохотать в трубку. — Вот это шутка! Если мой друг и не наделал в штаны, то я, как зритель, был уже на грани. Это ж надо...ха-ха-ха. Будьте уверены, что мы усвоим этот горький урок и будем сто раз думать перед тем, как незвано появляться в гостях у таких серьёзных людей. Надеюсь, что сейчас, вы сможете отпустить наших друзей, ну и нас заодно. Нам всем нужно просушить штанишки...

Карлик никак не реагирует на мой весёлый тон. Его лицо остаётся предельно серьёзным.

— Это была не шутка, а просто проверка. — холодно произносит он. — Мне нужно было убедиться, что ваш друг, овладев заряженным пистолетом, не вздумает нарушить правила.

— Убедились? — зло спрашивает Буратина, понимая, что этим всё не закончится.

— Нет! Вы же сами признались, что раскусили мой блеф, а это значит, вы знали, что пистолет разряжен. Так что мой эксперимент не удался. Второго эксперимента не будет.

— Ну вот и славно! — я выпускаю облегчённый вздох.

— Теперь будет настоящая игра!

24

Карлик берёт со стола револьвер и нажимает на какой-то рычажок, после чего барабан с щелчком отходит в бок, обнажая пять забитых гильзами камер. Он не спеша достаёт гильзы одну за одной и небрежно бросает их на стол. Цилиндры из жёлтого металла звенят и весело пританцовывают среди закусок, после чего безжизненно замирают на стеклянной столешнице. Ян бодро встаёт с кресла; держа на весу револьвер со свороченным набок барабаном, направляется к шкафу и открывает дверцу.

— Слава богу, патронов у меня полно, — он роется в шкафу. — Когда серьёзные игроки садятся играть в карты, они достают новую колоду. Чтобы у вас не было сомнений, я тоже возьму запечатанную колоду. Он демонстрирует небольшую синюю коробку, после чего

большим пальцем скovyривает с неё картонную крышку. — Из неё достану первую попавшуюся карту, — он вынимает из коробки патрон, демонстрируя его на камеры, после чего вставляет его в одну из камер барабана. — Вуаля! — он ловко дёргает рукой с револьвером, после чего барабан с щелчком становится на своё место. — Теперь мы сыграем по серьёзному!

Хищный взгляд Карлика скользит по всем присутствующим в комнате, его рот кривится в садистской улыбке. Он снова оценивает произведённый на публику эффект. Ему нужно видеть, как эти глаза наполняются отчаяньем, он хочет чувствовать заполняющий комнату запах адреналина. Ледяные волны, исходящие из серых глаз добираются даже до меня, заставляя стучать зубами в ознобе. Этот взгляд уверяет, что мы не отделаемся лёгким испугом, что этот клещ не отцепится от нас, пока не отведаёт живой крови. Ему нужна жертва, и он её получит.

Нет ничего страшнее, чем просто сидеть и ждать, когда нарастающее напряжение разрешится громким хлопком и стены комнаты окропятся красным цветом. Но он не оставляет нам выбора. В этой казни будем участвовать все мы, и каждый из нас вне зависимости от исхода игры будет казнён, только кто-то умрёт сразу, остальные же, будут умирать постепенно, но будут это делать каждый оставшийся день своей жизни.

— Ян! — сиплю я в трубку. (В экстренных ситуациях мой голос всегда первым даёт дёру). — Я тоже хочу играть. Позволь...позвольте мне играть вместо девушки.

— Это исключено! — Карлик берёт со стола оливку, подбрасывает её над головой, ловит открытым ртом. — Дама является украшением этой игры. — он чуть мямлит, держа оливку под нёбом словно леденец. — Вы можете себе представить накрытый праздничный стол без бутылки? Нет нет и нет. Она будет играть. — Язык перемещает оливку, под острый клык, который тут же протыкает её, разбрызгивая бесцветную солоноватую жидкость.

— Хорошо...я просто хочу играть, — голос неожиданно вернулся. — Хочу играть с вами.

— Я тоже! — раздаётся над моим плечом громовой рёв Геракла.

Карлик, криво морщась, чешет стволом револьвера за ухом.

— Слишком много желающих. Ещё одного я бы взял, так будет даже интересней. Только кто будет этим счастливым, я хотел бы сам выбрать. Герман покажи мне их. — Он наклоняется к ноутбуку, шурясь смотрит в экран. — Ну, кто эти два смельчака.

Мы с Гераклом, наверное, в первый раз со школы поднимаем вверх правые руки.

— Ага, вы, по-видимому, тот молодой человек, который изволил со мной общаться. Ну что же, вы мне нравитесь, пожалуй, вас я и возьму. — Бурчит Карлик, будто подбирая себе галстук на выход.

— А меня, чё? Возьми и меня! — обиженно хрипит Геракл.

— А вам, юноша, придётся остаться в зрительном зале. Кстати, что это у вас рядом со стулом. Гитара?

— Ну да...

— А кто играет? — Настороженно спрашивает Карлик.

— Я и играю... — Геракл пожимает, плечами не понимая, к чему эти вопросы.

— А вы можете спеть что-нибудь, прямо сейчас?

— Хм...да пожалуйста. — Геракл берёт гитару за гриф, кладёт её на колени, начинает пощипывать струны, соображая, чего бы такого спеть. Пару секунд потренировавшись струнами, он довольно кивает сам себе, вспомнив что-то подходящее. Правая рука хлётко долбит по

струнам, высекая мелодию, которую я узнаю первого аккорда, и удручённый тишиной зал, взрывается весёлой песней, безусловно исполняемой хриплым голосом маэстро.

«А хуй тебе-е...не принимай ты за баранов на-а-ас,
Ведь все мы знаем, что ты пидара-а-ас.
А у нашей мамы голосо-о-ок,
тоньше чем на жопе волосо-ок...»

Эту, некогда любимую в нашей конторе песенку, мы называли «Сказочкой про семерых козлят». Эта похабная, подслушанная Гераклом у отца, частушка, является как бы диалогом козлят и пытающегося забраться в их дом, волка. В первом куплете, самый наглый из семерых козлят в недвусмысленных выражениях, объясняет волку, который подделал голос матери, что тот разоблачён. Во втором куплете, уже сам волк плачется, рассказывая о своей нелёгкой судьбе.

«Положил хуй на диплома-а-атию,
Всех послал к ебё-ёной ма-а-атери-и,
Отворите двери мне-е сынки-и,
Я принёс блатные пе-сенки...»

Конец песни в точности совпадает с финалом сказки. Доверчивые козлята всё-таки открывают двери хищнику. На то они и козлята.

«Тут ворвался в се-ени во-о-олк хитрее-ец,
И козлятушкам пришёл пиздец!»
Геракл, отбивает финальную дробь.

— Bravo! — восторженно кричит карлик. — Здорово...очень здорово. Песенка хоть и матерная, но с большим смыслом. Прямо про нас с вами, козлятушки вы мои. Голос и исполнение, просто превосходны.

— Ну так чё, берёшь? — в голосе Геракла слышится затаённая надежда, будто он находится на кастинге конкурса «Евровидение».

— Беру! — Карлик машет рукой, с зажатым в ней револьвером. — Только гитару с собой захвати.

— Обязательно! — обрадованный исполнитель вскакивает со стула, потрясая гитарой, будто выигранным кубком.

«Поздравляю, дружище! Мы с тобой прошли кастинг на очень увлекательную игру, которая называется «Вышиби себе мозги!»» — думаю я, обводя всё это сумасшествие безумным взором.

— Герман, Напиши Диме, чтобы поставили замки на предыдущую программу...это буквально на пять минут. — распоряжается Карлик, затем тут же обращается к нам. — Я ведь не ошибусь, если предположу, что у вас есть все дубликаты ключей?

— Есть! — решительно киваю я.

— В таком случае, у вас есть пять минут, чтобы оказаться в нашей компании. Надеюсь, дорогу найдёте?

— Найдём! А как же они? — я указываю на оставшихся друзей, растерянный вид которых показывает, что они не знают, что им то делать.

— А эти два юноши, останутся. Нас уже итак слишком много, для такого маленького помещения, а я не переношу тесноты. А вашим друзьям остаётся только ждать и бояться. Почему бояться? Просто ждать неинтересно и скучно. Ждать чего-то страшного гораздо интересней. Итак...ваше время пошло.

Я наспех обнимаю Уксуса, тычу в бок Поночку, на секунду прижимаясь лбом к его лбу. Стараюсь сделать наши объятия обыденными.

— Не переживайте пацаны, мы всё решим! — Поднимаю сжатую в кулак руку.

— Мы не сомневаемся, брат! До встречи! — говорит Уксус и глаза его блестят.

— Ну всё, Вова пошли, время!

Я окликаю застрявшего в объятиях Поночки, Геракла, и подхожу к двери. Все карточки Буратина предусмотрительно пронумеровал маркером, согласно порядка прохождения дверей. Я прикладываю карточку с криво намалеванной чёрным цифрой «один» к пластиковой панели возле двери. Маленькая лампочка меняет цвет с красного на зелёный, и в замке раздаётся характерное жужжание.

Я открываю дверь, выходя стучу по косяку (дурацкая примета), и ещё раз машу пацанам напоследок. Квест стартовал. Мы оказываемся в узком коридоре, с глянцевым как зеркало полом, который быстро заканчивается упираясь в лестничный пролёт. Свистя резиновыми подошвами, уныло шагаю по ступенькам, чувствуя позади тяжёлое дыхание Геракла.

— Чё, Славка, страшно? — Он нарушает молчание, видимо думая подбодрить меня этим неуместным вопросом. Страшно ли мне?

— Нет, Вова!

Да, Вова! Мне страшно...ещё как страшно. Моя сжимающая карточки ладошка, мокрая от пота, а в горле пересохло, будто я глотнул вязкого клея. Я трус, Вова, но никогда тебе в этом не признаюсь. Почему? Потому что я иду в авангарде, а ты за мной наблюдаешь. Точно так же было, когда мы шли на разборки с зареченскими. Мне было страшно, потому что я знал, что они сильнее, и мы крепко получим по щам. Но я шёл, потому что сам был инициатором стрелки, и сливаться было поздно. Я шёл на ватных ногах, которые порывались унести меня прочь. Но сзади шли вы, и мне приходилось уверенно шагать, стискивая стучащие зубы. Даже когда мы на спор снимали девчонок, за своей напускной бравадой, я прятал страх. Меня трясло от мысли, что я могу потерпеть публичное унижение (что чаще всего и случалось), но всё равно приходилось с глупой улыбкой подкатывать к расфуфыренной красотке, которой такой оборванец и малолетка и в подмётки не годится. Я был вынужден казаться храбрым, из-за того, что вы за мной наблюдали. Но ты, Вова не такой. Я знаю, что ты храбрый по-настоящему. Ты настоящий, но я никогда тебе этого не скажу, так же как и того, что я трус.

Перед нами очередная дверь, я нахожу карточку с номером «два» и открываю замок. Скрипя подошвами, пересекаем большой холл.

— У тебя есть план? — спрашивает Геракл.

— Весь мой план, сделать всё, чтобы до неё не дошёл ход.

— Хм-м...да-а...план так себе. Неконкретный и туповатый. — Я чувствую спиной его кривую улыбку.

— У тебя есть что-то умнее?

Очередная дверь. Карточка номер три. Мы оказываемся в переходе, соединяющем крылья здания.

— Пока нет...просто это как-то тупо, плясать под дудочку этого недомерка.

— Под дудочку этого недомерка, Вова, пляшет весь город, криминал, банкиры, бизнесмены, депутаты и даже сам мэр. Почему ты думаешь, что он не заставит плясать нас, тем более нам есть за что. Ты уж меня прости. Я должен был остановить Буратину, или по

крайней мере поставить в известность вас, — говорю я, продолжая скрипеть подошвами по глянцево-му полу.

— Сейчас-то чего...дело прошлое. Нужно думать, как выкарабкаться из этой жопы, а извиняться будете потом.

— Давай решать по обстановке, дружище!

По мере продвижения по коридору, ватные ноги замедляют ход. Чем ближе мы приближаемся к этой проклятой двери, тем больше нарастает тревога, а инстинкт самосохранения, парализует разум, но какая-то его частичка ещё жива, и только она мобилизует меня прибавить шаг и поднять голову. Я знаю, для чего туда иду. Моя задача сделать всё, чтобы в Светкины руки не попал атрибут этой дьявольской рулетки.

За спиной неожиданно раздаётся весёлое брэнчание гитары.

«Вместе ве-есело шага-ать по просто-орам,

По просто-орам, по просто-орам...»

Бодрый баритон Геракла разливается по коридору, отражаясь от мрачных синих стен.

«...и конечно при-ипевать лучше хо-ором,

Лучше хо-ором...лучше хо-ором...».

На моем лице непроизвольно возникает широкая улыбка. Тревогу снимает как рукой, и я переносусь в безоблачное детство.

Я марширую в центре раскачивающейся и горланящей кучки, одетой преимущественно в синие и коричневые цвета. Это наш класс, который участвует в смотре строя и песни. Мы с Вовиком, как всегда плечом к плечу, вышагиваем в середине строя. В отличие от класса, где нашим излюбленным местом является задняя парта, в строю мы предпочитаем находиться посередине. Передние, задние и боковые ряды всегда на виду, и это обязывает неистово маршировать и горланить песню на разрыв глотки. Посередине же, можно чутка расслабиться, шагать не в ногу и не петь. Передо мной кудрявая шевелюра Лысого, который распевая писклявым голоском, так трясёт башкой, что с волос, подобно снегопаду сыпется перхоть, накрывая белой позёмкой синюю ткань. Кличка «Лысый» образована от фамилии и несколько диссонирует с образом патлатого паренька.

Вовик, как обычно криво ухмыляется и держит руки в карманах. На нём синий костюм с затёртой эмблемой на рукаве пиджака и лоснящиеся вытертые штаны. Галстук на тонкой шее повязан криво, а по центру красного узла темнеет пятно, образованное упавшей на него кашей, либо соплями, так как Вова обычно пользуется этим аксессуаром как носовым платком. Перед его носом хаотично болтается огромная, толстая в кулак, коса Надьки Евграфовой.

«Спой нам песню перепёлка перепёлочка-а...»

На последнем протяжном звуке, Геракл дёргает за косичку, будто за верёвку на унита-зном бачке, от чего рот у Надьки открывается шире и протяжная «а-а-а» в конце фразы звучит очень убедительно.

«Раз иголка два иголка будет ё-ёлочка-а-а...»

И снова ручонка Геракла дёргает заветную верёвочку, после чего тут же прячется в карман.

Надька не оборачивается, и лишь по малиновому цвету мочек ушей видно, насколько она зла. Но она знает, кто это делает, а главное за что, поэтому по окончанию смотра не отхлещет негодяя по морде мешком со сменной обувью. Сама виновата.

Надька сдала нас пионервожатой, что явилось следствием жуткого скандала с вызовом родителей и угрозами завуча поставить маленьких мерзавцев на учёт в комнату милиции. А дело то было дрянь. Просто Вовик, уже с детства имевший тягу к музыке и всяческим музыкальным инструментам, вздумал создать рок-группу. Вдохновившись примером таких восходящих звёзд отечественного рока, как «Кино», «Наутилус Помпилиус», «ДДТ» и «Аквариум», Вова однажды произнёс: «Они могут, а мы, что рыжие?». Репертуар можно было пока заимствовать у известных групп, благо, главный солист тоже имеется и поёт ничем не хуже.

Остальные члены группы подбирались не по музыкальным навыкам, а по единственному принципу. Все они, то есть мы, были друзьями Вовика. Дело оставалось за малым, за инструментами. В наличии была гитара отца Вовика и домбра, стянутая Уксусом с кружка, который он посетил всего один раз. Хоть все мы и были начинающими музыкантами, но подозревали, что этих инструментов недостаточно для полноценного звучания. Нужны были как минимум барабаны. Где же их взять? Ну, разумеется, в пионерской комнате. Там их столько, что можно смастерить из них целую барабанную установку не хуже, чем у «Наутилусов». Ещё там есть горн, который тоже пригодится, хотя пока не понятно как. Оставалось только придумать, как всё это позаимствовать. Собственно, там и думать было нечего. Замочек, на который запиралась комната, с ценным инвентарём, был простейшим. Такие замки вешали на почтовые ящики и открывались они, любым попавшимся под руку острым предметом. Наша пионервожатая Тамарка, либо не знала об этом факте, либо не могла предположить, что кто-то может позариться на пионерский инвентарь, но на любое плохо лежащее имущество в то время всегда находились охотники.

Всё шло, как по маслу. После уроков мы с Вовиком зашкерились в предбаннике, находящегося в подвале тира, где часа два сидели на ступеньках, дожидаясь вечера. Под покровом сумерек, стараясь быть незамеченными техничкой, мы выбрались из подвала и порскнули на запасную лестницу, которая находилась рядом. Запасной выход не закрывался, и в дневное время там просто ставили двух дежурных, до сих пор не понимаю зачем. Мы беспрепятственно зашли в дверь, от которой было буквально два шага до заветного кабинета. Дежурное освещение ещё не включили, поэтому всё вокруг было окутано голубыми сумерками. В этих сумерках мы и наткнулись на Надьку, которая как раз направлялась из коридора к лестнице. Непонятно, что она там делала, а мы и не интересовались, лишь обменялись при встрече глупыми улыбками. Мы и предположить не могли, какую опасность таит за собой это случайное столкновение, и продолжили путь.

Вова за секунду вскрыл замок, дверь со скрипом отворилась и мы оказались внутри. В маленьком кабинете было уже темно, так как узкое слепое окно находилось под самым потолком. Мы примерно знали обстановку пионерской комнаты, поэтому двигались почти на ощупь. Нашей задачей было захватить трофеи в виде трёх барабанов и горна. Одолженное без спросу имущество планировалось протащить через узкий коридор, который заканчивался холлом. Затем оставалось открыть окно, шпингалеты и рамы которого, были предусмотрительно очищены от краски, и выбросить всю музыку на улицу, где должны находиться Уксус и Поночка. Вот и вся недолга.

Первым делом мы обнаружили барабаны. Они стояли двумя небольшими стопками, возле письменного стола, заваленного рулонами ватмана. Вовик с видом знатока, перетасовал обе стопки, выбирая подходящие барабаны. Он подымал каждый на уровень уха и постукивал пальцем по белой пластиковой перепонке, походя в этот момент, то ли на

шамана, то ли на азиата, выбирающего подходящий арбуз. Отобранные инструменты Вовик укладывал на заботливо подставленные мной руки. Отобрав три штуки и выровняв, стопки, чтобы не было заметно пропажи, Вовик на секунду остановился в замешательстве.

— Чё? — шепнул я.

— Я хотел ещё горн, а чё то не вижу. — прошипел он в ответ.

— Трубы там, наверху. — я ткнул пальцем в направлении деревянной антресоли, располагавшейся вдоль стены. Мерцающие в темноте горны стояли вертикально на высоте двух метров от пола. Вовик попытался дотянуться до одного, но не достал в виду мелкого росточка. Окинув взглядом заваленное рулонами стенгазет и подшивок с журналами, помещение, Вова не нашёл лучшей подставки, чем используемый для игры на пианино, стул с регулируемой стойкой. Он подтащил тяжёлый стул к антресолям и взобрался ногами на круглую сидушку. Всё бы было прекрасно, если бы он решил взять ближайший к нему горн, но наш музыкальный эстет зачем-то потянулся за самым дальним. Нетвёрдая нога крутанула сидушку, которая, сделав оборот вокруг своей оси, сбросила с себя ненужный груз. Вовик жалобно пискнув, плашмя полетел вниз, зацепив вожделенную трубу, которая в свою очередь увлекла за собой остальные. Грохот падающего тельца ознаменовался фанфарами осыпающихся на пол труб. И это было ещё не всё. Пытаясь встать на ноги, оглушённый Вовик схватился за первый попавшийся под руку рычаг, коим оказалось древко Знамени пионерской дружины. Древко поползло вниз и Вову, как одеялом накрыло красным кумачом. Он издал страшный визг, и силуэт его бьющегося в истерике тельца ярко вырисовывался на фоне накрывшего его красного савана. Только в этот момент я отошёл от шока, выпустил из рук барабаны и, бросившись на помощь другу, сорвал с него кумачовое полотно. Он лежал, сбившись в комочек, как упавший с дерева майский жук и не сразу смог распрямить сведённые судорогой конечности. Теперь ни о какой краже не могло быть и речи, так как шум падающих труб, наверняка поднял на уши техничек и сторожа. Нужно было срочно рвать когти, и мы, не сговариваясь, вылетели из кабинета, оставив дверь открытой нараспашку. Не смотря на то, что путей отхода было несколько, покинуть школу можно было только через центральный вход, который наверняка был заблокирован. Оставался экстренный вариант — выйти тем путём, которым мы собирались отправить инструменты — через окно. Сигануть со второго этажа для такой мелочи, как мы было сродни прыжку с небоскрёба — результат был бы тем же, а именно мокрой лепёшкой на асфальте. Но сбоку от окна была крыша кирпичной пристройки, и эта конструкция могла поделить один большой полёт на два маленьких.

Каково же было удивление наших друзей, когда вместо барабанов, из окна вылетели мы с Вовиком. Он десантировался первым, сделав два последовательных техничных прыжка, которые неотрывно следовали один за другим, будто часть натренированной физкультурной дисциплины. Я же застрял на пристройке и мой второй прыжок на асфальт получился неуклюжим и корявым. Результатом неудачного трюка явилась подвёрнутая нога и ушибленные колени. Эта жертва была напрасной, так как уже на следующее утро, благодаря Надьке, сначала пионервожатая, а потом уже и завуч узнали, что за мрачные тени вскрыли пионерскую комнату и устроили там переполох. На первом же допросе в присутствии завуча, директора и Маргуши, мы клятвенно заявили, что это проникновение было не больше, чем хулиганская выходка. Мы, мол, просто залезли в пионерскую комнату, чтобы там побеситься и перевернуть всё вверх дном. Они конечно же поверили и всё поняли. Да и что там понимать: дебилы, они и есть дебилы. Понять поняли, но простить. На всё можно

закрывать глаза, но не на надругательство над знаменем, которое было повержено на пол. Мало того на святой алой материи были обнаружены следы от кед, а это уже не хулиганство а самое что ни на есть вопиющее святотатство. Нашим вызванным в школу матерям тоже пришлось нелегко. Они узнали, что их дети встали на скользкую дорожку, ведущую к предательству. Да да, их отпрыски не смотря на то, что носят на груди пионерские галстуки, глумились над самым дорогим, что может быть у пионера — над знаменем дружины. Что дальше? Доносы? Измена? Шпионаж? Как так получается, что в таких приличных семьях растут дети с червоточиной. Теперь дело за родителями. Только они могут с корнем вырвать эту червоточину, и для этого есть один проверенный способ. Отходить жопы своих чад ремнём так, чтобы кожа с них слезла. Такой кровавый вердикт вынесла в конце своей речи директриса. Она, кстати, начинала свой карьерный путь воспитателем в колонии для несовершеннолетних, и большинство педагогических методов вынесла именно оттуда.

Пороть нас, конечно, не пороли, но запрет на совместные прогулки и встречи вне стен школы действовал достаточно долго, аж три дня.

Во всей произошедшей истории мне оставалась непонятной лишь одна деталь. Какого чёрта Вовик так перебздел, когда на него упало знамя. В первую же встречу без свидетелей он развеял моё любопытство, которое тут же сменилось жутким, долгим и изнурительным до тошноты хохотом.

Всё дело было в том, что наш Вовик с некоторых пор стал жутко бояться темноты. Это не было врождённым фактором, или следствием ночных кошмаров. Да, кошмары присутствовали, но они были вычитаны нашим Гераклом из книжек, которые ему в этом возрасте ещё не следовало бы читать. Один корявый пересказ новелл Эдгара По уже наводил на меня ужас, а о том, чтобы читать эту жуть во всех подробностях, я в то время не мог и помыслить. А Вова читал. Он прочитал все зловещие истории этого писателя, но одна из них больше всех засела в этой мелкой голове. Рассказ назывался «Заживо погребённые». В нём во всех мельчайших подробностях приводились муки людей однажды проснувшихся и с ужасом обнаруживших себя в гробу под толщей земли. С момента прочтения рассказа Вову стали посещать кошмары и с некоторых пор он предпочитал спать с включённым ночником. И надо же было этой истории случиться в столь сложный для психики маленького Геракла период. Когда его накрыло кумачом, он остро ощутил все прелести описанные По в его страшилке. Ты в крошечной темноте, которая начинает постепенно надвигаться, облипая всё твоё тельце и спирая дыхание. И ладно бы это была просто тьма. Там было ещё что-то. Лицо! Огромное жёлтое лицо лысого бородатого человека. Смятая физиономия Ленина очерилась в гневной улыбке и уже норовила вцепиться зубами в плотку маленького контрреволюционера, но я вовремя подоспел.

Тогда же испускающему от смеха дух, мне, Геракл сделал ещё одно шокирующее и самое сокровенное признание. «Я даже ськнул в штаны и если бы ты не сдёрнул этот флаг, вообще бы мог обоссаться». Получается, что тогда я спас моего друга от самого неприятного ощущения, которое только может испытать пацан. Да, и ещё, после этого случая, ночные кошмары больше не доставали Вовика.

26

Мы пришли. Я останавливаюсь перед одинокой серой дверью в конце подсвеченного голубым неона коридора. Мне жутко не хочется туда входить, но идти надо и сделать это нужно без промедления. Я знаю, зачем туда иду. Тяжёлая рука с карточкой медленно поднимается к панели.

— Не ссы, братиш! — Тёплый баритон Геракла накрывает меня со спины подобно одеялу. — В конце концов, всё будет хорошо. А если нет...то это ещё не конец.

«Бззз...» На этот раз электронный запор звенит долго, громко и протяжно. Может быть потому, что я забываю взяться за ручку и потянуть дверь на себя? Ну да...

Неимоверно тяжёлая, как люк в танке, дверь медленно отползает, являя нашим взорам, уже знакомую, сидящую за столом компанию.

— А-а вот и они! — радостно машет рукой Карлик. — Мы вас прямо заждались. Да вы проходите, проходите. Пододвиньте к столу этот диван и садитесь. Вы у нас прямо как цыгане, даже в пути петь умудряетесь. Нет нет...здесь отличная шумоизоляция, так что мы ничего не слышали. Это всё охрана. Осторожнее, говорят, Ян Викторович, присмотритесь к тому бородатому, он очень опасен. А я вот нахожу этого молодого человека весьма симпатичным и абсолютно безопасным. Я ведь прав?

Глазки Карлика, комариными хоботками впиваются в усаживающегося на диван Геракла, который предпочитает не отвечать на вопрос.

Сейчас, когда я оказался внутри, всё это: помещение, стол, сидящие за ним люди, видятся совсем в ином свете, чем то, что я наблюдал в циферблате часов. Я будто «чокнутый профессор», следивший за заражённой клеткой в микроскоп, внезапно сам оказался внутри этой клетки. Микробы выросли до невообразимых размеров, а самые опасные из них сидят на расстоянии вытянутой руки.

Мы оказались в торце овального заставленного закусками и выпивкой стола. Первым делом, я нахожу взглядом своих. Они сидят справа, Буратина, а за ней Светка. Она молодец, ни капли не раскисла. Чёрные зрачки по-прежнему вызывающе блестят, в уголках полных подведённых губ добрая улыбка. «Спасибо, что пришёл — глаза пускают искорки, а потом виновато опускаются к столу. — Прости...ты был прав!».

Буратина не улыбается, но в его глазах тоже горят лучики надежды. Эти рыжие лисьи зрачки не знают чувства вины. Да какая разница, может быть это и к лучшему.

На противоположном конце, уткнувшись в раскрытый ноутбук, сидит Герман, который будто и не заметил нашего прихода. Стёкла его очков отражают голубые блики от экрана и не понятно, пялится ли он в компьютер, или внимательно изучает вновь прибывших. Слева, в центре стола, развалился на кресле Карлик. Одну ногу он закинул на подлокотник, и она висит, демонстрируя бледную куриную голень и сверкающий похожий на детский ботинок. Левая рука Яна закинута за голову, а в правой он продолжает держать револьвер, ствол которого ходит туда сюда вместе с танцующей в такт речи кистью.

— Э-эх, если бы вы знали, как я обожаю живые звуки музыки. Я ведь в детстве тоже играл на струнных. На виолончели музицировал. И знаете, мне даже доводилось играть на органе.

Даже этот подростковый голос кажется здесь совсем другим, а глаза. Эти маленькие хищные глазки, как два стальных крючка, если зацепился, уже не соскочишь.

— Мы какое-то время жили в старушке Европе. Там я посещал множество кружков. Учился играть на инструментах, рисовать, петь. Я изучил три языка, и одно время пел в церковном хоре. Мои родители прививали мне любовь к возвышенному...к искусству. Но, похоже, они перегнули палку. Как известно, всё то, что навязывается, отталкивает, а запретное, как раз таки начинает вызывать интерес. Меня, как и множество мальчиков из приличных семей стали одолевать пороки, как то вожделение к распутным женщинам, выпивка, лёгкие (ещё тогда) наркотики, курево. Одним из таких пороков была страсть к

русским блатным песням. В них было всё: острота слов, жаргон, смелые мысли. Они нравились мне за то, что в них не было фальши, в которой, как в болоте тонула вся моя юность. Дерзкие парни из России пели о налётах, красивых женщинах и шальных деньгах. Одним из полюбившихся мне тогда бардов, был Высоцкий. Вы, кстати, чем-то на него похожи. Можете гордиться. — Ствол пистолета задерживается на груди Геракла.

— Вообще-то, я похож на своего отца. — Геракл берёт стоящий перед ним стакан, рассматривает на свет, плещущуюся на дне рыжую жидкость. — Земля ему пухом. — выливает в открытую пасть виски, бесцеремонно хватая яблоко, смачно откусывает от него добрую половину. — Мне интересно... — говорит набитым ртом, — а ваш папа тоже был... — поднимает ладошку чуть выше стола, держа её параллельно полу.

— Нет...отец был нормального среднего роста, как собственно и мама. — Ничуть не обидевшийся Ян пожимает плечами. — Мы с братом однойцевые близнецы. Видимо что-то пошло не так. Генетический брак, а может наоборот...Словом после десяти лет мы внезапно перестали расти. Но вы, наверное, знаете, что физический недостаток всегда хочется чем-то компенсировать. Рост физический, мы заменили на рост моральный и финансовый. Теперь мы с братом чувствуем себя лучше, чем любой атлет и записной красавец, так что я даже благодарен маме с папой за этот небольшой дефект, которым нас наградили.

Карлик берёт бутылку и разливает оставшийся на дне напитков по четырём стаканам.

— Давайте выпьем за нашу незабываемую встречу, за эту бесконечную ночь и за предстоящую игру. — Он поднимает свой стакан.

— Нас вроде шестеро — недовольно рявкает Геракл, тем не менее, поднимая свой стакан.

— Девушка отказывается пить, Герман тоже с утра ни-ни, он у меня правильный.

Перед тем как выпить снова смотрю на Светку. Она улыбается, будто от попавшего на лицо луча солнца. Я подмигиваю и проглатываю тёплую маслянистую жидкость, которая тут же приятно согревает пищевод.

Выпив, Карлик втыкает свой тонкий как клюв воробья нос в дольку лимона, глубоко вдыхает, после чего, кидает её обратно на тарелку.

— Нуте-с приступим молодые люди, — говорит он, полоснув всех по очереди бритвой стального взгляда. — Теперь ещё раз вернёмся к правилам. Как я уже сказал, сейчас играем без шуток, в самую что ни на есть настоящую «Русскую рулетку». Барабан раскручивается всего один раз, первым игроком. Если ставка не сыграла, игрок передаёт пистолет другому. Важный момент: он может передать ход любому из игроков, лю-бо-му. — Последнюю фразу Карлик произносит по слогам, акцентируя на ней наше внимание. — Ход передаётся до тех пор, пока ставка не сыграет. Нас пятеро, камер в барабане тоже пять, так что ставка сыграет в любом случае. Теперь о самой ставке. Если проигрываю я, (вы понимаете, что я имею ввиду, под словом «проигрыш»), вы уходите отсюда с суммой, которую мы обсудили ранее. В случае проигрыша любого из вас, вам придётся уйти отсюда ни с чем, лишившись одного приятеля, или приятельницы. — Произнося последнее слово, Карлик, невинно улыбаясь, поворачивается к Светке.

— А где гарантии, что ты нас не кинешь? — злобно рявкает Геракл.

— Мы уже, кажется, говорили о гарантиях, но если вы не слышали, могу повторить. Вам остаётся верить мне на слово, но поверьте, слово человека, который садится играть в эту игру, дорогого стоит. Если я вылечу, слово, данное мной, переходит к брату.

— Транзакции готовы к отправлению на указанные вами счета. — В слепых очках

Германа по-прежнему мерцает синева, тонкие губы скошены в точно такой же, как у брата улыбке. — В случае вашего выигрыша, мне останется вбить код электронной подписи и деньги уйдут.

— А почему бы твоему братцу не сыграть вместе с нами. Всяко веселее будет... — Геракл бесцеремонно указывает большим пальцем себе за спину, даже не глядя на Германа.

— Мой брат играть не будет, и это не обсуждается. Если бы он даже и захотел, я бы ему запретил. Сейчас его жизнь для меня гораздо важнее, чем моя собственная, поэтому предлагаю к этому вопросу не возвращаться. Вы и так находитесь в наиболее преимущественном положении, нежели моё, молодые люди. — Пытливые глазки Карлика изучают наши недоумённые лица. — Если я играю просто на интерес, то вы играете на деньги. Сумма для вас более чем внушительная, это то, ради чего можно рискнуть жизнью. Разве я не прав?

— Мы бы предпочли остаться совсем без денег, чем рисковать жизнью, но вы ведь не оставляете нам выбора. — Произносит Светка по-прежнему невозмутимым голосом.

— Вы как всегда правы, леди. — Карлик вождельно трясёт подбородком. — Э-эх встретиться бы нам с вами при других обстоятельствах, хотя-я...чем чёрт не шутит...

При виде этих заигрываний я мгновенно закипаю.

— Давайте уже к игре!

— Хорошо! Кто желает быть первым? — Карлик снова обводит всех взглядом, но видимо не видит в наших обликах ярко выраженного желания. — У первого игрока есть некоторое преимущество. Во-первых, он раскручивает барабан, чем определяет ход всей последующей игры, а во-вторых, по теории вероятности получить пулю у него наименьшие шансы. Хотя это всё математика, не имеющая отношение к реалиям жизни.

— Я буду первым! — Буратина поднимает вверх белую как мел ладонь.

— Вот это слова не мальчика, но мужа! — вопит взбодрившийся карлик. — А я вижу, вы вошли во вкус, юноша! Ну что ж, как говорится, вам и карты в руки. — Он перехватывает пистолет за ствол и протягивает его Буратине.

27

Бескровные пальцы медленно сгибаются, обхватывая фигурную рукоятку. Буратина смотрит на пистолет, будто видит его в первый раз, крутит его в руке, поднимает вертикально на уровень глаз. Он внимательно изучает детали этой конструкции, как инженер, в руки которого попало новейшее изобретение.

До меня сразу же дошло, почему он вызвался играть первым. По сути, мой друг и является инженером, только свой латентный скрытый талант он применял не по назначению. Его дар помогал ему в таких несерьёзных вещах, как игра в бутылочку, или кости. Он может за доли секунды оценить вес, особенности конструкции, динамические свойства предмета и рассчитать необходимую нагрузку, которую надо приложить, чтобы передать этому предмету соответствующую инерцию. Более того, он умеет филигранно приложить эту нагрузку еле заметным движением пальцев, так, что предмет будет двигаться, будто заколдованный и остановится в необходимый момент. Он мог стать величайшим конструктором, не хуже Королёва, или Калашникова и даже работать в компании Илона Маска, но все свои таланты разменял на дешёвые игры. Сейчас настала пора продемонстрировать своё умение в условиях приближённых к экстремальным.

Он продолжает крутить в руке пистолет, и я вижу, как в расширенных рыжих зрачках мелькают цифры знаки и формулы, которых он никогда не знал и не учил, но каким-то

образом может применить на практике. Барабан револьвера плотно прилегает к корпусу, так что разглядеть, где находится патрон невозможно, но Буратина, скорее всего, зафиксировал в памяти момент, когда Карлик заряжал пистолет. Он мог запомнить расположение патрона в барабане, и это единственное условие задачи, которое может быть ему известно.

Приготовления закончены, и рыжие зрачки быстро сжимаются до точек, демонстрируя решимость действовать. Интуиция очень тонкая штука, её можно сбить долгими раздумьями и настройками. Большой палец ложится на выемку в барабане, чуть двигает его туда и обратно, оценивая плавность хода. Неуловимое движение и цилиндр приходит в бешенное вращение, сопровождаемое мерным шелестом храповика. Взгляды всех сидящих за столом прилипают к мерцающему в свете лампы стальному цилиндру, к серой полосе по его центру, которая с замедлением движения барабана превращается в бегущие друг за другом продольные пазы. Шёпот храповика сходит на нет. Барабан останавливается, делая финальный щелчок, который ставит одну из камер на огневую позицию. Очень хочется думать, что она пустая.

— Ну что, я вижу, вы готовы! — звонкий голос Карлика ломает хрустальную тишину.

Буратина кивает молча, но в движении его подбородка читается уверенность. По крайней мере, один ход он себе обеспечил.

— А может, вы нам сыграете, пока не началось? А то потом будет неловко, да и руки у вас могут быть другим заняты. — Карлик делает умоляющий жест, обращаясь к Гераклу.

— Что сыграть?

— Сыграйте «Коней» Высоцкого. Можете?

— А чего не мочь?

Геракл вскидывает гитару, ловким перебором отбрыкивает проигрыш, вступает резко, громко, так, что в ушах звенит.

«Вдол-ль обр-рыва, да над пр-ропастью, по сам-мому по кр-раю-ю,
Я коне-ей с-своих-х нага-айкою с-с-тегаю-ю, погон-няю...»

Карлик, закатив глаза, откидывает лягушачью голову на спинку кресла, начинает плавно раскачиваться в такт музыке.

Геракл поёт, будто в последний раз, отчаянно лупя по струнам и горланя на разрыв, так, что жилы на покрасневшей шее вздуваются до невероятных размеров. Это его любимая песня, точнее просто его песня; песня, которая впиталась в него с молоком матери.

«Чу-уть пом-м-м-медленнее кон-ни, чу-у-уть пом-м-м-медленнее...»

Карлик не открывая глаз, лупит себя по ляжкам. Он подпевает, или просто раскрывает рот, но это неважно, так как его комариный писк всё равно утонет в мощном баритоне.

Глаза маэстро азартно блестя, всё тело, руки ноги, ходящая ходуном крупная голова работают на эту песню, движутся в такт, вибрируют от переполняющей его энергии. Это его лучшее исполнение, но это уж точно не лебединая песня. Он, так же, как и я, знает, что Буратина сделал всё как надо. Он всё рассчитал, и уж как минимум, не собирается продырявить свою, хоть и пустую, но единственную башку. А может быть всё это дурацкий розыгрыш? Ну конечно! Как же я сразу не догадался! Будет олигарх так рисковать своей жизнью, которая, между прочим, сама по себе является активом и принадлежит не ему одному. Будет ли он совершать такой глупый поступок прямо на глазах у брата, с его молчаливого согласия. Всё это часть игры, урок, который Карлик намерен нам преподать. Ну и пусть, мы усвоим материал занятия, и уже через несколько часов будем с хохотом вспоминать, как едва не наделали в штаны. Ну конечно же это поняли все, и Буратина, лицо

которого выражает безмятежное спокойствие и, хитро прищурившая глаза, Светка. Это всего лишь спектакль, но мы как настоящие актёры доиграем свои роли по Станиславскому.

28

Ближе к концу песни Геракл раскаляется так, что, того гляди, взорвётся и разнесёт всё вокруг. Исходящая от него энергетика, заставляет вибрировать внутренности и подрагивать непослушные конечности.

Впавший в экстаз Карлик, пьяно размахивает ручонками и даже сметает со стола бутылку, которая с грохотом катится по полу.

«Хо-о-оть нем-м-много ещё пос-стою на кр-раю-ю!».

Финальный перебор, фирменная дробь и точка.

— Фуф! — Красный как рак, мокрый от пота Карлик, растекается по креслу. Он прикуривает сигарету, делает длинную блаженную затяжку, будто только что завершил бурный, неповторимый сексуальный акт. — Спасибо! Спасибо за доставленное удовольствие. — Из под полуприкрытых век, проглядывают белки глаз. — Это моя любимая. Кстати... — рука с сигаретой вяло поднимается вверх, — она стала любимой совсем недавно, с некоторых пор. Это случилось в погожий весенний денёк. Я вышел из одного кабинета и понял, что мир перевернулся. В один миг всё встало с ног на голову, потому что за дверь, которую я только что закрыл, мне открылась одна истина. — Неторопливая, укутанная в густой дым речь, струится из приоткрытого маленького рта. — Я внезапно осознал, что столкнулся с настоящей силой, с дьяволом. Все мы, в какой-то момент начинаем переоценивать себя, это свойственно даже неудачникам. — Ручонка с дымящейся сигаретой, описывает небрежный овал. — А уж людям успешным, тем, у кого хоть когда-то что-то получалось, начинает казаться, что они ухватили бога за бороду. Это происходит ровно до тех пор, пока эти люди не поймут, что столкнулись с силой намного превосходящей их собственную. Ну взять хоть вас — раскалённое остриё окурка, направлено на Буратину. — Вы шли сюда с уверенностью, что задуманное удастся, потому что точно такие же аферы проходили у вас и раньше. Вы в какой-то мере тоже считали себя Богом, ну, или Богами. Только сейчас вы начинаете понимать, что нарвались не на тех людей. Всё что сходило с рук сотни раз, в этом случае не пройдёт. Вы только начинаете это понимать, но уверен, что ещё не до конца осознали. Ничего, скоро поймёте, осознаете и прочувствуете всем своим нутром. — Тонкий баритон остывает, становится ломающимся ледяным. — Я попался, так же как и вы. Моя заносчивость меня подвела, и я понял, что всего лишь слабый и беспомощный человечек. Оказывается, чтобы опустить человека с неба на землю, чтобы в одну секунду перевернуть весь его внутренний мир, не нужно обнулять его счета, захватывать предприятия, или приставлять к голове пистолет. Хватает нескольких непонятных (поначалу) слов, которые тебе зачитывает с листочка человек, одетый в белое. Нет, этот человек не прокурор, хотя по факту является самым худшим его воплощением. Он зачитывает тебе смертный приговор, который нельзя обжаловать, потому что инстанция, которая его вынесла, равнодушна к каким либо апелляциям. Латинские фразы, равнодушно произносимые этим с виду простым и миловидным, но по факту самым жестоким в мире человеком, говорят, что твой главный актив подвергся рейдерскому захвату. То, самое главное, что ты холил и лелеял, исправно кормил, поил, доставлял удовольствие и охранял от внешних воздействий, оказывается захваченным изнутри. У него, у твоего тела, внезапно появился новый хозяин. Он неумолимо поедает его изнутри, питаясь его энергией выпивая соки, совершенно не заботясь о том, что оно погибает. Этот дьявол раскидывает свои

щупальца, засовывает их в лёгкие и печень, и уже вот-вот дотянется до головы, и эта тварь абсолютно цинична и неумолима. Ей всегда хочется жрать, и вопрос, когда твое тело будет проглочено — вопрос времени. С этой тварью бесполезно бороться, ничто: ни твой ум, ни находчивость, ни смелость не смогут тебя спасти. Есть, конечно, вариант, заключить временное перемирие. Накачать свой организм химией, и тогда какое-то время он перестанет тянуть щупальца, а будет выжидать и ухмыляться. Теперь он с радостью будет наблюдать, как тебя убивают смертельные дозы токсичных веществ. Он дожждётся того момента, когда ты ослабнешь и сам скажешь «хватит», и тогда...тогда он проглотит тебя в один миг. Я отказался от компромисса с этой тварью, и тот визит в больницу был последним. Конечно, меня уговаривали и даже умоляли пройти курс химиотерапии, но я принял решение биться самому и до конца. Вы думаете, что я играю в эту игру сам с собой, или с вами? Нет, молодые люди! Сейчас и всегда, я играю только с ним, и это мой главный козырь в этой игре, гарант того, что я пойду до конца, ну и вы соответственно тоже. Я собираюсь обмануть эту тварь, и однажды это сделаю. Я лишу эту гадину пищи, и заставлю её сдохнуть вместе со мной. Всё что останется после меня, это он...мой брат — пальцы с испускающим последний дымок бычком показывают на Германа. — Надеюсь, теперь вы поняли, почему он не играет сам и вынужден из раза в раз наблюдать, как его родной брат пытается свести счёты с жизнью...

— Фуф — пальцы зарывают потухший бычок в горе пепла. Карлик улыбается, словно закончил рассказывать увлекательную историю. — Зачем я это рассказываю? Для того, чтобы вы поняли, что на этот раз я не блефую и игра будет честная и до конца. Вот ведь какая коллизия получается: он третирует меня, а я вас. Для вас я тоже самое, что для меня он. И в этот длинный вечер кому то из нас суждено освободиться от дьявола, или встретиться с ним лицом к лицу. — Он выпрямляется на кресле и хлопает в ладоши, будто босс, закончивший планёрку и отправляющий коллектив по рабочим местам. — Итак, начнём. Надеюсь, я придал вам бодрости!

29

Мне кажется, что потолок медленно опускается, подобно матрице пресса. Он давит на голову, заставляя её уходить глубоко в плечи. Мой череп норовит заползти в туловище, как у черепахи, прячущейся в панцирь, от надвигающейся беды. Слова Карлика словно ядовитый токсичный дым проникают внутрь, спирая дыхание и вызывая приступы тошноты. Этой своей исповедью он отобрал у меня, у всех нас надежду, что всё может кончиться хэппи эндом, и сидящие здесь покинут комнату в полном составе. Теперь мне ясно, что этого уж точно не будет и остаётся только маленькая надежда на то, что результат игры будет в нашу пользу. И этот тихий вопль надежды, обращён сейчас к медленно поднимающему отягощённую пистолетом руку, Буратине. У него должно получиться, иначе, зачем бы ему вызываться играть первым.

Сухой щелчок, возвещает о том, что курок взведён, пружина натянута. Через какие-то секунды, нажатие пальца на триггер освободит пружину, которая сжимаясь, увлечёт за собой боёк. А дальше...

— Молодой человек, — снова слышится противный писк Карлика, — поскольку, сейчас играем по настоящему, я просил бы вас соблюсти некоторые предосторожности. Пожалуйста, развернитесь левым боком к стене. Вот так...

Буратина поворачивается на стуле, и я вижу его бледный профиль с приставленным к нему стволу. Ещё я вижу часть глянцевой перламутровой стены, которая усеяна, хаотично

расположенными чёрными точками. Если всё пойдёт не так, к этим точкам прибавится ещё одна. Но эта будет большой маслянистой бурой кляксой.

«Дружище, ты уверен, в том, что делаешь? — адресуя я ему немой вопрос. — Надеюсь, что уверен! А если нет?

Уверен, или нет?

Ты уверен, или нет?

Пуля и ствол, нажал и разошлись!

Мёртвая тишина!

Ты уверен?

Он дьявол!

Не надо!

Уверен, или нет?!

ЧОК-К!

Сухой удар пробивает мне темечко, застревает ржавым гвоздём между полушариями. Я морщусь, сдавливаю веками глаза так, что те вот-вот лопнут.

30

В темноте я слышу три монотонных хлопка в ладоши.

— Bravo! Можете считать, что вы родились в рубашке. На сей раз игра для вас закончена. — приглушённый голос Карлика раздаётся где то очень далеко. Это просто кошмарный сон. Я открываю глаза и понимаю, что по-прежнему нахожусь в этом сне.

— Твоя очередь, — сипит Буратина пропавшим голосом и протягивает револьвер Карлику.

Тот, ухмыляясь, с радостной готовностью хватает револьвер.

— Хм-м...разумно. — говорит он, любуясь своей страшной игрушкой. — Мой шанс вылететь, хоть и не самый большой, но всё же один к четырём, а это достаточно критично. — он снова закуривает, делая невероятно глубокую затяжку, будто хочет прикончить сигарету за один раз. — На вашем месте я бы сделал точно такой же ход. Тактически это верно. Теория вероятности, конечно, имеет место, но на то она и теория, что исключает случай. Для оставшихся игроков есть один жирный плюс: это то, что моя вероятность один к четырём, сыграет раньше, чем их «один к трём», «один к двум» и «один к одному». Итак, вам остаётся надеяться на его величество случай.

«Ну уж нет дружок. В этот раз все мы надеемся на одно величество. И это величество зовут Сергей Бондарь».

Я бросаю взгляд на Буратину, который продолжает сидеть как замороженный и смотреть стеклянным взглядом поверх головы Карлика. Наверное, он не отошёл от шока, или...А если он не уверен? Что если он ошибся? Одно дело крутануть барабан на удачу, так, что бы в боевую позицию встала пустая камора, другое, рассчитать всё так, чтобы за этой пустой каморой шла камора со смертельной начинкой.

— Ну да ладно. Долгие проводы, лишние слёзы! — очередной (надеюсь последний) бычок тонет в воздушной горстке пепла. Карлик отталкивается ногами от пола и откатывается на кресле к стене. — На всякий случай прощаюсь и благодарю за игру. Гера, ты всё знаешь!

Мёртвое лицо Германа не выражает эмоций, глаза по-прежнему спрятаны в слепых стёклах. Брат только чуть отклоняется в противоположную сторону, а это значит, что Карлик не блефует.

Прислонённый к палевому виску ствол, на фоне детской головы, кажется невероятно толстым, как жерло пушки.

— Вот он этот момент. Интрига, кайф, то чем я живу последние три месяца. — Он говорит чуть медленнее, чем обычно, но из голоса исчезли все эмоции, будто вещает механическая кукла. — Думаете, мне страшно? Ничуть. В эти моменты я спокоен как никогда. — палец лежит на курке и мне кажется, что он совершает поступательное движение, только скорость этого движения ничтожно мала. Ноль целых ноль ноль ноль тысячных метра в минуту. — То, что произойдёт после того, как курок будет спущен, для меня в любом случае будет благоприятным. — в холодном голосе слышится сосредоточенность сапёра, или хирурга. Его палец в пути. Он просто забалтывает себя и нас и это... произойдёт внезапно для всех, в том числе и для него.

Герман отклоняется всё дальше и отворачивает голову к противоположной стене, Буратина так и не отошёл от заморозки, Светка закрыла глаза ладошками. Я снова зажмуриваюсь, и слышу только этот голос.

— Чего тут бояться. Я либо увижу свет в конце тоннеля и всё, что происходит в этом мире, будет для меня уже неважно, либо раздастся холостой щелчок, который вызовет у меня очередной всплеск дофамина. Тогда это будет настоящий праздник души, ведь впереди нас будет ждать интригующая развязка. — голос становится всё тише, тоньше, сосредоточеннее.

Это произойдёт уже сейчас. Господи, скорей бы это случилось. Я никогда не желал никому смерти, но в этом случае, это будет самым безболезненным для нас и справедливым для него выходом. Карлик наконец то найдёт то, чего искал, а мы, возможно выберемся отсюда живыми. Пусть пустыми, пусть обманутыми и с голыми жопами, пусть напуганными, забрызганными чужими мозгами, но живыми.

— Это будет интересно...один к трём...один к двум ещё интересней... — это похоже на то, как человек, чтобы уснуть считает в уме барашков. — А когда останется один к одному...

«Быстрее»

...На это стоит посмотреть...

«Пожалуйста!»

...вы только представьте...

«Пожалуйста!»

...один к

ЧОК-К!

НЕТ!!

— Ха-ха-ха...мне везёт, как утопленнику! Ну почему мне так везёт?

НЕТ!!!

31

Сжатые веки распахиваются резко, будто автоматические клапана. Я вижу ёрзающего в кресле живого и здорового Карлика. Он крутит пистолет, продев палец, в рамку курка и улыбается так, что конец кривого рта вот вот-вот выдавит правый глаз. Детское личико наливается краской, как у рака, которого поместили в кипящую воду. Он семенит ножками, подкатывая кресло со своим тельцем к столу, хватая пачку, делает резкое движение кистью так, что сигарета вылетает вверх, ловко подхватывает её тонкими рыбьими губами, звякает крышкой зажигалки, глубоко втягивает в себя шипящий дым.

— Ммм...первая затяжка ни чуть не хуже последней. Такая же сладкая. Вы знаете, после этой процедуры я каждый раз чувствую себя новорожденным младенцем. Ну вы то уже

познакомились с этим чувством? — сверкающие глазки обращены к Буратине.

Тот продолжает сидеть, будто замороженный и никак не реагирует на вопрос Карлика. Он ошибся.

«Ошибся! Ты, сука, ошибся! Ну, конечно, всё что ты и мог сделать, так это вывести из под удара себя родного. Ты же никогда не думал о других...» — Я скрипя зубами смотрю на застывшего Буратину и на выпендривающегося Карлика. Я закипаю, я не хочу, чтобы это продолжалось...

— Ваш друг до сих пор в экстазе, что немудрено! — веселится Карлик. — Вы знаете, женщины после хорошего оргазма несколько минут не могут говорить. Что там говорить, они и думать не могут. Поверьте, это чувство сродни самому глубокому оргазму. Да что я треплюсь, ведь среди нас есть девушка, она и сама может подтвердить. Я прав?

Губы Светки презрительно кривятся. Она понимает, к чему он ведёт.

— Что вы ни разу не испытывали этого чувства? — делано расстраивается Карлик. — Ай яй яй, молоды-ые лю-юди. — презрительная усмешка адресована уже нам... — ну как же так. Вы втягиваете женщину в опасные интрижки, даже не заботясь о том, что для неё является самым главным. К чему стремится вся сущность молодой самки, ради чего она старается быть красивой, одевает броские платья, красит лицо, брызгается изысканными ароматами. Всё это ради одного...ради удовлетворения базового инстинкта. Да если бы хоть кто-то из вас дал ей это (всего лишь ЭТО), разве она стала бы ввязываться в столь опасное предприятие? Ну да ладно...если этого не можете вы, я сделаю это сам. Я доставлю ей это удовольствие, преподнесу, как самый дорогой подарок. Возьмите, милая леди...берите-берите...

Резная рукоятка плывёт над столом, бросая тень на тарелку с сыром, пролетает над наполовину приконченным сетом «Филадельфии» и останавливается на уровне декольте, демонстрирующем белую как пергамент кожу.

Длинные пальцы обхватывают фигурную ручку, красный острый ноготь, пролазит в планку курка.

— Нет-нет! — я поднимаю ладонь. — Следующим буду я. Я хочу играть следующим!

— Молодой человек, вы наверное не расслышали правил? Сыгравший передаёт пистолет любому...любому, кому он посчитает нужным.

— Так отдай его мне! — рычу я, срываясь на хрип. — Почему бы тебе не передать это мне! — я угрожаю, давлю на эти маленькие глазки.

— Потому что я так решил. — спокойно отвечает Карлик, не теряя улыбки. — Вы хотите со мной поспорить?

«БУМ-М» — что то взрывается в моей голове, в глазах прыгают сверкающие зайчики.

— Не-ет! Я не хочу с тобой спорить. Это бесполезно. Я больше не хочу слушать эту вежливую хрень, от которой блевать тянет. Всё что я сейчас хочу и могу сделать, это придушить тебя, задавить как котёнка. Надеюсь, я успею довести дело до конца, пока сюда не вломятся твои псы. — Я нависаю над Карликом, обнажая зубы в свирепом оскале.

— Ха-ха-ха...можете приступить. Но этой неразумной выходкой вы только усугубите своё положение. Своё, а так же ваших друзей, о которых вы, видимо, забыли. Пожалуйста, сядьте на место, пока не произошло непоправимое.

Я будто загипнотизированный падаю на диван, а Карлик плавно машет ладошкой Герману, по-видимому, отменяя тревогу.

— Самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, это не делать ничего. Поверьте, что это

гораздо разумнее любых несуразных движений. Вы посмотрите на себя, на свою жизнь. Если бы вы просто плыли по течению, не думали, не хлопали руками по воде, вы бы уже давно куда-нибудь приплыли. Но вы...все вы предпочитаете грести против течения. И какой результат? Вы выбились из сил, но так ничего и не достигли. Послушайте старого мудрого человека. Просто расслабьтесь и отдайтесь течению событий. Вы не можете изменить судьбу к лучшему, так хотя бы не делайте её хуже.

— Пожалуйста! Пожалуйста дай...дай сыграть мне... — сейчас мой тонкий осипший голосок похож на стон, писк ребёнка, умоляющего строгого отца не давать ему ремня. Вопль беспомощного человека, которому ничего не остаётся, как только сидеть и клянчить, молить о пощаде.

— Не надо Слава! — Её голос остаётся на удивление твёрдым. — Не надо перед ним унижаться. Правила есть правила, и я буду играть.

Светка медленно поднимает пистолет, и мне кажется, что на её губах презрительная улыбка.

— Bravo! — неутомный малыш снова лупит в ладони. — Обожаю таких! Какое сочетание храбрости, отчаянья и красоты! Вы знаете, только из восхищения этой Жанной Д Арк во плоти, я готов изменить правила!

Я смотрю на Карлика умоляющим взглядом. «Пожалуйста! Пожалуйста, скажи, что эта тупая игра закончена! Скажи что это розыгрыш!»

— Если её ставка не сыграет, будем считать, что вы выиграли, и я отдам вам обещанную сумму. Ну, как вы на это смотрите? — Хищные глазки изучают меня, ищут брешь, хотят зацепить и вытащить из моего нутра вздох облегчения, радость, от того, что мне не придётся испытывать вероятность «один к двум». — Один ход...всего лишь один ход отделяет вас от выигрыша. Ну-с, молодые люди? Как вы смотрите на этот аттракцион неслыханной щедрости? И за всё это вам стоит поблагодарить свою леди, которой придётся попытаться войти в горящую избу вместо вас.

«Нет!» — пытаюсь крикнуть я, но пересохшие губы отказываются шевелиться, а сам выкрик остаётся где-то глубоко внутри, на уровне желудка. Это воплощение ночного кошмара, когда ты хочешь кричать и не можешь этого сделать, хочешь бежать, но чугунные ноги врастают в землю, хочешь ударить, но тонкая как стебель одуванчика рука не может приподняться даже на миллиметр. Проклятый сон!

— Да пошёл ты на Х...со своей щедростью!

Громовой бас Геракла вмиг выдёргивает меня из оцепенения.

— Давай лучше сыграем в другую игру! Светик опусти пистолет, и отведи ствол в сторону от греха подальше... — Он берёт гитару за гриф, привычным движением забрасывает её на колено.

— А-а вы хотите спеть? Ну что ж это можно. Хотя-я я бы предпочёл не оттягивать волнительный момент, пока девушка полна решимости. Какие-то две минуты, и вы могли бы хоть петь, хоть танцевать. Остался то последний ход.

— Я не собираюсь тебе петь... — Рука Геракла копошится у основания грифа с тыльной стороны, и в одну секунду отделяет его от корпуса. Он откидывает гриф, который безжизненно виснет на струнах и засовывает руку в круглое отверстие на корпусе. Слышится треск отдираемого скотча и через секунду рука покидает отверстие, зажимая овальной формы предмет с металлическим штырьком на конце. — Я хочу предложить другую игру. Эта тебе точно понравится. — Крючок пальца, зацепляет болтающееся сбоку штырька

кольцо. — Это «Ф-1» — противопехотная осколочная граната. Поражающее действие двести метров. Количество осколков порядка трёхсот. Нам всем за глаза хватит, это не твой жалкий патрон.

Теперь взоры всех присутствующих обращены на Геракла. Он встаёт с дивана и, скрипя в тишине подошвами старых кед, неспешно расхаживает по комнате, за спиной у Карлика.

— Вы хотите услышать правила игры? Да пожалуйста... — соглашается он сам собой. — Это колечко, в простонародье называемое чекой, служит предохранителем. — Уверенными движениями пальцев он разгибает тонкие усики и выдёргивает кольцо. — Думаю, что оно нам уже без надобности. — небрежным жестом он швыряет кольцо себе за спину. Кусочек металла, жалобно звякнув, пропадает где-то в районе шкафа.

Этот жест разворачивает в кресле доселе пытавшегося изображать равнодушие, Карлика.

— Эта скоба, пока я прижимаю её к корпусу, удерживает боёк. Стоит моим пальцам разжаться, или ослабить захват, пружина запала освободится и боёк шарахнет по капсулу. Вам интересно, что будет дальше? — Распалившийся, похожий на ключевого актёра, которого весь спектакль продержали за кулисами, Геракл находится на пике эмоций. — Капсуль воспламенит взрывчатую смесь, которая создаст избыточное давление в герметичном сосуде, находящемся у меня в руках. Стенки сосуда не выдержав этого давления, лопнут и, подобно долькам лимона, разлетятся по этой комнате. Они, как рой голодных пчёл, будут метаться со скоростью в сотни километров в час в поисках добычи. Кроме этого будет взрывная волна, которая высвободившись как джин из бутылки, будет искать выхода. Но она его не найдёт. В нормальном помещении эта горячая волна в первую очередь вынесла бы окна, и это могло облегчить ситуацию. Но благодаря твоему хитровыдуманному проекту с нарисованным окошком, она ударится в него как голубь в стекло и не найдя выхода, продолжит метаться в четырёх стенах. Она будет сметать всё, что попадётся ей на пути и превращать предметы в дополнительные осколки. Всё находящееся здесь: обломки этого шкафа, стеклянной столешницы, кресел, и даже кусочки твоей черепашки превратится в осколки. Эта лотерея будет беспроигрышная, можешь мне поверить...

— Вы достаточно убедительно прочитали вводный курс в физику. По-видимому, вы очень хорошо учились в школе... — Бормочет Карлик, голос и опущенные плечи которого, говорят о том, что он пребывает в некоторой растерянности.

— Ха-ха... вот тут ты не попал. — Щерится Геракл, который почему то напоминает мне матроса с Авроры. — Я в школе не учился, а просто её посещал, и то, время от времени. Можешь спросить у моих друзей. Всё что я любил тогда и люблю до сих пор, это читать. Чтение это лучшая таблетка от скуки и одиночества. Сначала я читал детективы и приключения, потом перешёл на классиков, потом добрался до психологов, типа Фрейда и Юнга, а затем и вовсе всё усложнил, начиная забивать башку трудами Платона, Аристотеля и Сенеки. Добрался даже до Ницше и Шопенгауэра. Ну, этих без стакана вообще не разберёшь. Через всю эту замудрённую муть я и узнал законы мироздания. Эта небольшая штучка, — он поднимает зажатую в кулаке гранату на уровень глаз, как нельзя лучше может продемонстрировать теорию большого взрыва. Так что ты напал ещё на того философа и в руке у меня, ни что иное, как философский камень.

— Хм-м... всё это очень интересно, и этот предмет... он, несомненно, вызывает трепет и восхищение. — Карлик закидывает ногу на ногу, пытаясь изобразить невозмутимый вид. —

Но в чём, собственно, состоит игра, и каковы её правила?

— Правила? Да нет никаких правил. Игра эта до тупости проста, и от игроков требуется только лишь одно — приготовиться. Это будет беспроигрышная лотерея, где каждый игрок получит свой билет в один конец.

— Да?! Но ваши друзья...они тоже хотят участвовать? Может, вы хотя бы с ними посоветуетесь?

— Не-а...не буду я ни с кем советоваться. Если честно, они со мной тоже редко советуются, особенно в последнее время. То заташат на угнанную яхту, то переместят на остров (да-да и такое было), сейчас вот втянули в эту игру. И всё это они делают, не советуясь со мной. Обычно, я последний человек в нашей компании, который узнаёт об ожидающем всех нас сюрпризе...

Я замечаю, что перед нами другой Геракл, нежели тот, которого мы знали. Всегда казавшийся покладистым (по крайней мере с нами), чуть туповатым, и простым как сибирский валенок, сейчас он являет полный антипод этому образу. Передо мной решительный и отчаянный человек. Грустный философ, клоун, внезапно скинувший с носа красную нашлёпку и стёрший намалёванную краской улыбку. Неужели за все эти годы, я так его и не познал. Неужели я не знаю человека, некогда бывшего мне самым родным и близким. Если сначала, когда он выхватил эту гранату, я обрадовался, то теперь, его поведение начинает меня настораживать.

— Но я на них не в обиде. Да-да, ребята, я ни капельки не обижаюсь, если бы не все вы, моя жизнь была бы совсем серой. Сегодня я просто делаю алаверды. Мы снова совершим путешествие, но на сей раз маршрут выберу я. Это будет наше последнее приключение.

— Мне кажется, что то, что вы собираетесь сделать, не совсем дружественный поступок. Вряд ли ваши друзья это оценят. — последние слова Карлика адресуется именно мне. Когда он говорит, я замечаю что-то новое в этих волчих глазках. Да-да...мне не показалось. Там промелькнул испуг.

— Здесь ты прав! В данный момент они со мной не согласны, и не готовы это принять. Но кто знает, что будет потом, когда я отпущу эту скобку. Если пользоваться твоей же риторикой, будет два варианта исхода. Один из них просто пустота, ничего. Ну тогда и переживать не о чем. Во втором варианте мы все окажемся где-то в другом измерении. В райские кущи мы, конечно, не угодим, да я и не хотел бы. Вечность общаться с праведниками, богословами и старыми девами это не по мне. В аду гораздо веселее. Тем более мы снова будем вместе. А твоя игра...она ничем не лучше. Ты хотел устроить нам ад здесь, на земле. Если бы мы с молчаливого согласия позволили вынести мозги одному из нас, разве бы мы не остались в аду до конца своих дней. Только этот ад каждый носил бы в себе. Лично мне хватило одного потерянного друга. Так что отправимся вместе, и ты тоже собирай чемоданы. Можешь уже закуривать последнюю сигарету. Будь уверен, она уж точно будет последней.

— Я всё же не понимаю... — На щеках Карлика зарделись красные пятна. — В чём смысл игры, какие правила, условия, наконец? Скажите, что вы хотите?

— О-о! Да неужели? — Бородатое лицо Геракла тенью нависает над тщедушным тельцем в кресле. — Мне показалось, или ты попросил назвать условия? Тебе что не хватило тех условий, которые я назвал? Ба-бах и все условия. Или ты зассал? Ты что не хочешь играть? Но как же так? Ты ведь должен именно сейчас биться в экстазе, получать очередной тройной оргазм. Ты же сам искал смерти! Так вот она. Вуаля. По-лу-чите и рас-пи-

шитесь! — Я чувствую, как создаваемая звериным рыком вибрация, проходит сквозь прибитого к креслу Карлика. — Почему ты не радуешься, не закуливаешь свою ё...ную сигарету? Что-то не так? Моя игра чем-то отличается от твоей? Чем, если для тебя результат всё равно будет один?

Геракл вдруг выпрямляется и чешет металлическим штырьком заросшую щёку.

— Я знаю чем! Вот оно различие — Штырёк запала направлен в торец стола — Вот твоя ахиллесова пята, твоё слабое звено.

Взгляды всех присутствующих перемещаются в то место, куда направлен указующий перст. Сжавшийся в комочек Герман похож, на забитого ботаника. Его щёки горят красным, точь-в-точь как у брата, запотевшие очки уже не отбрасывают пафосные блики, а по треугольному лбу стекает тоненькая струйка пота.

— Ну что, я угадал? Тепло? Горячо? Ж-жарко? — пропевает Геракл баритоном Высоцкого. — Твой братик! Вот кто не должен был умереть! Уходя, ты хотел оставить после себя свою проекцию. Всё чего ты добился в этой жизни, должно было перейти вот к этому жалкому существу. Если ты собирался стать святым духом, он должен был оставаться твоим земным воплощением. Ты переписал на него все дела, недвижимость, счета, замки, яхты, машины, возможно даже жену с детьми. Как материалист и скволыга ты даже на небеса не хотел отправляться пустым. И тут что-то пошло не так. Вместо того, чтобы продолжать дело твоей жизни, братец отправляется вместе с тобой, принимать ванны с кипящей смолой. Кто же останется в лавке?

32

Чернобородый растрепанный с проглядывающим из под рубахи застиранным тельником, Геракл поистине прекрасен. Монолог Гамлета, кажется полнейшей туфтой, после этой жаркой речи, и видно невооружённым глазом, что Карлик потёк. Он нервно елозит на кресле, похоже мучительно размышляя, что делать дальше.

— Ну что, вежливый ты мой подпиздыш! — Геракл подносит кулак с гранатой к самому носу Карлика. — Кажется я подобрал к тебе ключик. Я нашёл карту, которая бьёт твоего козыря!

— Хорошо, ваша взяла! — Карлик хватает со стола пачку, долго выуживает из неё сигарету. О чудо, его рука с зажигалкой ходуном ходит. — Я перевожу ему деньги, и вы можете уходить. Гарантирую, что вас не тронут.

— Это кому ему? — Геракл недовольно поджигает губы.

— Вашему другу, как договаривались, тридцать миллионов на счета, которые он указал. Герман, сделай.

Братец, словно получивший от строгого учителя задание на время, усердно щёлкает по клавишам.

— Не-ет, ты теперь со мной договаривайся. Мне таких деньжищ не надо, а он и подавно обойдётся. Не обижайся дружище! — Он тепло улыбается, так и не отошедшему от столбняка, Буратине. — Тебе такие деньжищи ни к чему, да ты их и не заслужил. Как говорится, не жили богато, не хер начинать. Ты переведёшь два миллиона и не на какие-то счета, а мне на карту. Прямо сейчас.

— Да не вопрос! — рапортует воспрявший духом Герман. — Вот только... — на маленьком личике гримаса замешательства. — нужны полные реквизиты вашей карты. Она у вас с собой?

— На х. я? Тебе карта нужна или её номер? — Злобно рычит, почему-то обидевшийся

Геркл.

— Вы помните номер?! — в очках Германа можно увидеть два огромных знака вопроса с восклицательными знаками.

— Конечно, я его помню. В отличие от вас, состоятельных подлиздышей, это мой единственный актив, один, на двоих с матерью. Да если меня поднять после пятилетней комы, первое, что я вспомню, будут эти цифры.

— Отлично...диктуйте...

— Девяносто пя-ять...тридцать четы-ыре...

Сейчас голос Геракла, пропевающий номер своей карты, кажется мне просто божественной рапсодией. Диктуя, он мягкой поступью, будто довольный мартовский кот, ходит вокруг стола.

— Забил? Ну-ка повтори...отлично. Внизу, в поле, где комментарий, напишешь так. «Дорогому Владимиру, в честь его бракосочетания, от лучших друзей». Напечатал?

— А вы что, собираетесь жениться? — спрашивает Карлик.

— Теперь, кажется да! — Геркл зачем то хитро подмигивает Карлику. Или мне так показалось. Или не показалось? А если это...

Его левое веко начинает дёргаться быстро и часто, будто крылышки бьющегося об лампочку мотылька. Я знаю, когда это происходит, и главное, предвестником чего это бывает. В очередной раз за этот вечер внутри меня всё переворачивается, и моя задница автоматически приподнимается с дивана.

— Так...теперь ты разблокируешь двери, и скажешь своим псам, чтобы пропали из поля видимости. На площадке перед домом ни должно быть ни единой души. Пусть оставят только одну большую машину. Она должна быть заведена и снята с сигнализации. Пока мы добираемся до города, твой братец составит нам компанию. Это...это так...для страховки... — Голос Геракла начинает сбиваться. В такт веку теперь так же подрагивает левый уголок рта.

Теперь у меня уже нет никаких сомнений, что начинается то, что сейчас и в этой ситуации было бы крайне нежелательным. Приступы на фоне полученной в армии контузии случаются у Геракла редко, но нам уже неоднократно приходилось быть их свидетелями. Сам приступ длится недолго, от нескольких секунд до пары минут. Но самое страшное это то, что происходит во время приступа. Это походит на действие скручивающейся спиральной пружины. Всё его тело начинает коробить, на лице возникает ужасная гримаса, суставы рук и ног неестественно скрючиваются. Пройдёт несколько секунд, пружина ослабнет и всё встанет на свои места. Обычно в эти моменты он даже не помнит, что с ним происходило. Несколько секунд его тело будет бесконтрольно и это полная катастрофа.

— Что с ним? — настороженно бормочет Карлик, заметивший стягиваемое невидимой пружиной лицо.

Я отодвигаю диван, выкинув вперёд руки, осторожно, будто хочу поймать бабочку, которую боюсь спугнуть, начинаю плавно двигаться вокруг стола. «Вова...Вова...осторожно...дай я тебе помогу подержать это». - шепчу тихо, почти про себя.

Но он, какого-то чёрта, разворачивается и идёт в противоположную от меня сторону. Я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, намереваясь обогнуть стол с другой стороны. Кричать нельзя, это может только усугубить ситуацию.

— Мне нужен трёхзначный код, чтобы перевести деньги!

Голос Германа запускает дьявольскую пружину, и я вижу, как голова Геракла мягко

наклоняется к левому плечу. Всё его тело выгибается, будто он выполняет какую-то странную асану.

Времени нет. Мощный всплеск адреналина забрасывает меня на стол. Ноги крушат тарелки, звенят стеклом бутылок, кроссовок утопает в чизкейке. Я спрыгиваю со стола, отталкиваю в сторону кресло Карлика вместе с его тельцем, делаю шаг навстречу Гераклу и понимаю что поздно. Вывернутая наизнанку кисть разжата. Широкая ладонь распахнулась, демонстрируя лежащую на ней ребристую сферу. Я заморожено смотрю на руку Геракла на лежащий в ней предмет, и он кажется мне маленьким жучком, которого, вдоволь потискав, отпускает на волю, малыш.

«Божья коровка, улети на небко...»

Сфера делает плавный перекал с ладони на кончики пальцев, откуда соскальзывает вниз. Всё вокруг застывает в замороженном, превратившемся в стекло воздухе. Застывает даже звук. Последнее рычание, издаваемое Гераклом повисает дымкой, возле искривлённого посиневшего рта. Граната медленно, будто утопая в киселе, опускается вниз и застывает в сантиметре от глянцевого паркета.

Посреди бескрайнего, залитого летним солнцем, зелёного луга стоит небольшая увитая плющом и украшенная лилиями арка. Мы со Светой находимся в самом центре этой конструкции. Она в восхитительном свадебном платье, не старомодном, пышущем множеством юбок, а современном, идеально облегающем её стройную фигуру. Глянцевые плечи обнажены, идеальная грудь подчёркнута корсетом, безымянный палец украшен новеньким колечком, с выпускающим солнечных зайчиков, камнем. Бежевый корсет чуть ослаблен на животе моей невесты, там уже третий месяц обитает наш малыш. Я сжимаю её тёплую ладонь и автоматически поправляю цветочек, торчащий из кармана белого смокинга. На идеально постриженном салатном газоне установлено несколько рядов белых стульев, которые разделены проходом. Справа родня Светы, там я никого не знаю. А вот слева все мои. Умилённо утирает слёзы мать, растрогавшийся отец протирает очки. Рядом с ними на первом ряду мой друг Серёга, который сегодня тоже в белом. На его обеих, широко раскинутых врозь коленках, сидит по маленькой наряженной в воздушное платице девочке. Это его двойняшки дочери. Его жена, чуть полноватая, но очень милая девушка, сидит рядом, опустив голову на плечо мужа. Второй ряд полностью занимают большие семьи Игоря и Вани. На двоих у них аж шестеро детишек, которые спевшись между собой, галдят и носятся между рядов, не давая несчастным родителям проникнуться торжеством церемонии. За их спинами на третьем ряду сидит Вова. Он тоже с женой и маленьким сынишкой, который один в один напоминает папашу в детстве. На идеально выбритом лице Вовы широкая перламутровая улыбка, волосы зачёсаны на пробор и блестят от покрывающего их лака. Он в дорогом в клеточку костюме тройке и белоснежной сорочке с бардовой бабочкой. Из под золотой запонки на рукаве, украдкой выглядывают сверкающие швейцарские хронометры.

«Это мои лучшие и самые любимые ученики! Я была на свадьбе каждого... вот теперь и Слава сподобился» — Наша учительница, Маргарита Михайловна, утирая платочком слёзы говорит в микрофон. — Я всегда знала, что все они найдут своё место в жизни. Вы только посмотрите: у всех дети, любимые жёны, любимое дело и достаток в семье. Чего ещё можно пожелать? Я хочу поблагодарить родителей за их чудесных детей!».

Все дружно аплодируют, взбивая между ладонями искрящийся солнечный воздух.

Глухой удар. Граната подпрыгивает на паркете, делает пару оборотов, гулко гремя стальными рёбрами, и замирает у грязной подошвы кеда Геракла. Застыв в позе ловца бабочек с вытянутыми руками и распахнутыми ладонями, остекленевшим взглядом, я пялюсь в ноги Гераклу. Удар будто привёл его в чувства. Он выпрямляется, смотрит на свои вывернутые руки, затем, будто спохватываясь, бросает взгляд на пол.

— Я чё...того? — Лепечет он, будто алкаш, проспавший Новогоднюю ночь, тяжело вздыхает, расслабляет скрюченные запястья. Он с видом ведущего игры в «Замри отомри» разглядывает наши застывшие фигуры, затем чему-то грустно улыбается.

— Ну чё уставился, дядя? — рычит он на выпучившего глаза Карлика. — кина не будет...

Наверное каждый из нас в этот момент сделал микроскопические движения и посмотрел вокруг, соображая здесь ли он ещё, или уже там на небесах.

— Это муляж...учебная граната. — Он пинает цилиндр, который бодро отскакивая от шифованных досок подлетает к блестящему мыску ботинка Карлика. — Единственный добытый в армии трофей. Вы знаете, полезная штука оказалась, правда использовал я её всего три раза...

Сейчас взгляды всех присутствующих сосредоточены не на рассказчике. Все мы, включая самого Геракла, смотрим на этот круглый кусочек металла, будто слушаем рассказ о любимом домашнем питомце.

— Первый раз я с помощью неё добыл две бутылки в ларьке. Это было ещё в нулевых. Выпить сильно хотелось, а денег не было, вот и пришлось заставить продавщицу подпрыгнуть. Второй раз я с ней зарулил в контору микро займов, опять же, не от хорошей жизни. Поживился, вы не поверите, десятью косарями. Больше у них не было. Третий вот здесь. — Он присаживается на корточки поднимает гранату, нежно поглаживает ладошкой. — Она меня ни разу не подводила, а вот я...

Дверь распахиваются и в комнату ураганом влетают здоровые, похожие на огромных орангутангов люди в чёрном. Сколько их я не успеваю заметить, так как меня тут же сбивают с ног.

«Лежать с-суки! Всем лежать! На пол! На пол падла!»

Чья то непреодолимая сила скручивает мою руку до хруста, заставляя упираться носом в паркет. Удары ботинок разбрасывают ноги в стороны. Один удар настолько болезненный, что я начинаю скулить. «А-а сука бо-ольно». Где то над моей головой слышатся хруст суставов, стоны, возня.

«А тебе особое приглашение нужно?» — визжит чужой голос.

«Иди в пи...ду!» — отвечает ему бодрый голос Светки».

«Ща с-сучка...я и до тебя доберусь»

«Ай хорошо — слышится рядом родной баритон. — Отличный массаж...давно мне такой не делали. Слышь, браток, ты можешь повыше, там, где лопатка...»

«Скоро я тебе кое-что засуну под левую лопатку, так что чесаться больше не будет... нигде. Н-на».

Слышится глухой стук.

«Ян Викторович, ну что, пакуем их и на утилизацию?» — По утробному голосу, сразу понятно, что говорит великан. Великан, состоящий на службе у лилипутов.

«Не надо» — отвечает звенящий комариный голос.

«А куда? В ментовку их что ли сдавать? Дело то вроде деликатное...»

«Ничего не надо...ни утилизации, ни ментовки...отпустите их...»

«Что?!»

«Ты стал плохо слышать, Паша? Я сказал отпустите!» — писк становится толще, превратившись в гудение пчелы.

Захват заломленной руки освобождается, упирающееся в спину колено исчезает. Я чувствую невероятное облегчение, но не сразу могу вернуть закрученную руку на место и встать. Только через минуту, распутав завязанные узлом конечности и собрав разбросанные ноги, я сажусь на полу. Первое, что я вижу, сидящего рядом Геракла, который рукавом рубахи вытирает стекающие по усам и бороде струйки крови. Где то я это уже видел. Оглядывая зал, быстро ищу глазами Светку. Она, как ни в чём не бывало, сидит на своём месте. Широко распахнутые глаза не моргают. Наверное, она, так же как и я на грани безумия. Сколько раз за эту длинную ночь всё переворачивалось с ног на голову. Каждого из нас несколько раз подводили к краю пропасти, а потом оттаскивали назад. Что сейчас?

Я сижу прямо в ногах у Карлика, но даже, в этом положении, наши головы находятся на одном уровне. Он снова дымит и криво улыбается, вода колючими глазками.

— Ян Викторович, я не совсем понимаю, что нам с ними делать?

Хозяин голоса оправдал мои ожидания. Это действительно двухметровый великан с раскосой азиатской физиономией.

— Ничего! — Карлик, улыбаясь, пожимает плечами... — Вечеринка закончена, и мои гости могут отправляться домой.

— Вы уж извините, Ян Викторович, но я вас не понимаю! — обиженно басит громила, глядя куда-то в сторону. — Мы уже сутки торчим здесь, ожидая, когда вы передадите нам этих отморозков. Когда этот вытащил гранату, я вообще был в панике. Мы же никак не могли повлиять на исход событий? А если бы она была настоящей?

— Ну вот, Паша, будет тебе урок. Сейчас ты подумаешь и в следующий раз будешь знать, что делать, чтобы не сидеть всю ночь возле запертой клетки, а предотвращать попадание туда диких зверей. Сейчас просто делай, что я говорю. Там в караоке ещё двое. Их тоже отпустите.

Паша, скривив недовольную гримасу, машет кому-то, стоящему за моей спиной. «Сходите за ними».

— Ну что, молодые люди? Вы так и будете сидеть на полу? Это не совсем этично, здесь нет постеленного ковра и казана с пловом, так что лучше бы вам сесть за стол. — глупо шутит Карлик.

Я поднимаюсь, чувствуя дикую боль в колене правой ноги. Вижу, как из под стола показывается голова Буратины. Он, скрючившись, как восьмидесятилетний старик, заползает на кресло.

Карлик тем временем выудил откуда-то целую бутылку вискаря, и разливает его по стаканам. — Герман, давай с нами! — машет он рукой братцу.

— Ну что, господа, предлагаю выпить посошок. — он поднимает свой стакан. — Хочу поблагодарить вас за игру. Это было потрясающе, особенно финал с гранатой. Сказать, что я получил удовольствие, это ничего не сказать. А то, что ставки не сыграли, может быть это и хорошо. Предлагаю сойтись на ничьей!

Я выпиваю вместе со всеми, чувствуя, как спирт обжигает саднящие губы.

— М-может мы пойдём? — робко спрашивает Буратина.

— Ах да...конечно...не смею вас задерживать. — Карлик указывает на дверь дымящимся бычком. — Дорогу найдёте, или я могу попросить Пашу, чтобы вас подвёз?

«Не-е! Нет!» — произносим мы дружным хором.

— Паша не спал ночь, да ещё массаж делал, устал наверное. Не будем его напрягать... — говорит Геракл. — Может вы нам тачку вызовите?

— А лучше две, а то нас много. — поддерживает Буратина.

— Паша, сделай, — машет рукой раздобревший Карлик.

— Ну ладно, мы, пожалуй, на улице подождём! — Буратина, раскланиваясь, приподнимается с кресла, и мы, как по команде встаём за ним. Геракл отыскивает глазами гитару, поднимает её с пола. Сейчас инструмент походит на лебедя со свёрнутой шеей, но хозяина это не расстраивает, он знает, как одним движением вправить ему кости.

Когда наш уставший измученный отряд вслед за Пашей направляется к двери, Карлик нас окликает.

— Да...молодые люди! То, что делать с этим вашим фильмом, вы сами знаете. Или попросить Пашу помочь?

«Нет! Нет!» — бодро отвечает наш дружный хор.

— Вот и прекрасно! Кстати, если будет желание сыграть, заходите. Где меня найти вы знаете.

Как по команде мы разворачиваемся и, толкаясь плечами, спешим покинуть страшную комнату.

ЭПИЛОГ

Солнце обнимает меня ещё на пороге, ворвавшись в тамбур, через распахнутую дверь. Я улыбаюсь и делаю несколько пьяных шагов на улицу, как пробывший полгода на рейде матрос. Лёгкие вбирают в себя сладкий тёплый воздух, живой, не выхолощенный кондиционером, не воняющий кальяном и сигаретным дымом. Он невесомый и ароматный, без запаха адреналина, не отягощённый взвесью безысходности. Он пахнет свежестью, дождём. А дождь собственно и идёт, накрапывает мелко-мелко, покрывает мою голову росой, будто закрывшийся от жары бутон. Первое, что притягивает моё внимание это, колышущиеся на ветру, влажные листья тополя и проглядывающее через них красное солнце. Интересно, что сейчас, утро, или вечер? Куда я смотрю, на восток или на запад? Где я?

Светка, которая идёт первой, чуть пошатывается на высоких каблуках. Шагнув на две ступеньки вниз, она садится на крыльцо, сжимается в калачик, обнимает руками колени. Я сажусь рядом, осторожно кладу ладонь на её открытую спину. Она сжимается ещё больше, ощетиливается, как ёж, на спине появляются крупные мурашки. Я пытаюсь прижать её к себе, но Светка будто выросла в эти ступени, стала такой же бетонной. Мы оба смотрим поверх глянцевої крыши Гелендвагена, туда, где между танцующих веток подмигивает красный глаз солнца.

Где-то совсем рядом прошаркали по ступеням итальянские штиблеты Буратины. Он стоит у подножья крыльца, ссутулившийся с наполовину выпотрошенной из штанов рубахой спиной к нам. Его взгляд направлен туда же, куда смотрим мы, на мигающий под веками листвы, красный глаз. Чуть поодаль стоит Паша и его могучий стан с широко расставленными ногами, монументально неподвижен. Лишь изредка огромная рука поднимается к голове и тогда на секунду другую, та окутывается белым дымом. Геракл появляется последним. Он смотрится единственным одушевлённым предметом во всей этой композиции. Растрёпанный и чернявый как цыган, в болтающейся на нём клочками

разорванной рубаше, под которой рябит старый тельник, с гитарой в руке, он ходит вокруг нас, будто рассматривая каменный обелиск.

— Э-эй народ...отомрите. — машет он свободной лапой, но никто не реагирует.

Геркл медленно обходит вокруг Пашу, и задирает голову, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Уважаемый...сигаретой не угостишь?

Паша невозмутимо пускает паровозную струю поверх лохматой головы.

— Ты прямо, как памятник. Как его...ага вспомнил. На Тамерлана похож. Коня только не хватает.

Голова Паши оживает, шевелится на чугунной шее и он уже готов дать ответ своему визави, но его вовремя отвлекает, раздающийся на крыльце шум.

Из раскрытой двери вылетает Поночка, который, перескочив сразу три ступеньки, оказывается на парковке, рядом с Пашей. Увидев великана, он шарахается в сторону, выставляет вперёд кулаки, запинается, падает на задницу, вскакивает, злобно рыча: «хрен тебе, сука!»

Следом за Поночкой человек в чёрном выводит Уксуса. Он заломил ему руку, так что тот неестественно согнулся и стонет. Лицо Игорька уляпано бурыми пятнами. Подведя жертву к краю крыльца, горилла отпускает многострадальную руку и даёт Уксусу увесистого пинка.

— Пи...р! — навзрыд орёт тот, размазывая по лицу красные сопли.

— Миша, ты зачем его так? Ян Викторович велел не трогать... — гремит бас Паши.

— Это нам велел Ян Викторович! — истерично орёт инквизитор. — Этому уёбку он ничего не велел, так он меня бутылкой по башке околдошил. Его счастье, что я, когда на краповый берет сдавал, поддон кирпичей себе об башку разбил.

— Так это не моё счастье, а твоё! — орёт Уксус.

— Пшёл отсюда, чтоб я тебя не видел больше! — орёт инквизитор, не двигаясь с крыльца.

— Сам пошёл! — не унимается Уксус.

— Игорёк успокойся! Всё нормально. — Буратина улыбается, тянет руки, пытаясь обнять друга, но тот вдруг резко отстраняется, отпрыгивает в сторону, как от прокажённого.

— Успокойся? Это ты мне говоришь? Ты опять нас подставил. Опять всё в тихушку, всё молча. Что срубил бобла? — Уксус оскаливает розовые зубы, изо рта пузырит кровь.

— Игорь ты...

— Пошёл ты! Пошли вы все! — орёт в истерике Уксус, обращаясь уже к нам. — Вы все знали, а нас держали за дурачков. Пойте дураки, а мы пока на дело сходим. Знать вас больше не хочу. Всё расход! — Он машет рукой и направляется прочь. Ему навстречу на парковку одна за другой заезжают две пёстрые машины такси. Уксус деловито открывает дверь первой, рывкает в салон «до города доведёшь...». Оттуда что-то, отвечают, не понимая, что это был не вопрос, а приказ. Уксус мешком валится на сиденье, хлопает дверью так, что машина подпрыгивает.

«Подожди!» — вяло машет рукой Поночка. Он медленно по-стариковски ковыляет к машине. Открыв дверь, останавливается, будто что-то вспомнив. Он достаёт из кармана умные часы Буратины, взвешивает их на ладони, мягко бросает хозяину. Буратина почти не шевелится, он просто раскрывает ладони, куда падают часы.

— В них батарейка села почти сразу. — грустно констатирует Поночка, глядя куда-то в

сторону, тяжело вздыхает, и пропадает в салоне. Дверь медленно закрывается до характерного щелчка, после чего машина сразу же начинает движение к выезду.

— Это чё щас было?! — Геракл недоумённо крутит лохматой башкой. — А они не заметили, что нас шестеро, а машины всего две? Теперь придётся вчетвером в одну трамбоваться. И вообще, мы же вроде не договорились, куда поедем отмечать.

— Что отмечать? — спрашиваю я, поднимаясь со ступенек вслед за Светкой.

— Как чё?! Наше второе рождение!

— Я пас! — говорит Светка, выскальзывает из под моей руки и уверенно направляется к машине. На полпути она останавливается и поворачивается к Гераклу. — Вова, спасибо тебе... — Какое-то время стоит, будто хочет сказать ещё что-то, но, видимо передумав, продолжает путь.

— Ты уж извини Вова, но я тоже как-то не в настроении. — Искусственная улыбка на секунду появляется на измученном опухшем лице. — Спасибо, брат! — Буратина осторожно трогает плечо Геракла, разворачивается и идёт вслед за Светкой.

— Да чё с вами со всеми случилось? — Рык Геракла, на сей раз, адресован мне. — Хоть ты-то в порядке, дружище?

«Я? Я в порядке, дружище. Я в полном порядке, если учесть то, что почти сутки не спал и за несколько часов успел побывать в заложниках с начала у Карлика, а потом у тебя».

— Сейчас доберёмся до города и в первый попавшийся кабак. Я пивка хочу! — мохнатая рука треплет моё обмякшее безвольное плечо.

Я смотрю на это беззаботное весёлое лицо. Он всё тот же мальчик, не смотря на то, что оброс бородой и обзавёлся проплешиной. А ведь в этом возрасте многие уже внуков нянчат.

— Вова, а сколько сейчас времени? — спрашиваю я, глядя на замершее солнце.

— Откуда я знаю?

— Мне интересно...сейчас что, рассвет, или уже закат?

— Да какая разница...кабаки всё равно открыты.

— Нет дружище, есть разница. Есть!

Таксист несколько раз коротко сигналит, намекая на то, что время ограничено.

— Да подожди ты! — отмахивается Геракл. — Слушай, дружище, если ты хочешь пофилософствовать, то самое время это делать после кружечки пива. Я правда на мели, деньги на свадьбу мне так и не перечислили, так что придётся погулять за твой счёт. Ты не парься, я верну...

— Слушай, Вова, — мой взгляд так и прилип к этому красному шарикю. — А если бы у тебя была настоящая граната, ты бы смог...

— Что смог?

— Ну...смог бы рвануть нас всех... — красный свет изнутри наполняет мою черепную коробку. — Просто мне показалось, что тебе даже хотелось, чтобы она была настоящей.

Тишина. Я перевожу взгляд на Геракла. Его чёрные зрачки медленно двигаются, оглядывая меня сверху до низу. Это похоже на движущуюся под стеклом лампу сканера. «Сканирование завершено!».

— Пошёл н-наХ! — Геракл разворачивается, закидывает гитару на плечо и шагает прочь. Он проходит мимо урчащей машины и направляется по грунтовой дорожке, ведущей через лес к трассе.

Я пожимаю плечами, и ковыляю к машине. Светка села рядом с водителем, и я сажусь назад, к уныло глядящему в окно Буратине.

— Чё это он? — равнодушно спрашивает Буратина, продолжая тарашиться в стекло.

— Да так, минутная истерика, щас догоним. — отвечаю я тем же мёртвым тоном.

Машина трогается, медленно разворачивается на парковке. За серой тонировочной плёнкой, я вижу глянцево-спины джипов, стоящие рядом угрожающе чёрные силуэты Паши и всей его дружины, аккуратный кирпичный домик, приветливые окна которого, отражают солнечный свет. Голова Паши медленно, подобно башне танка поворачивается, провожая отъезжающую машину. Что-то его отвлекает. Плавность и степенность вмиг улечиваются, Паша взлетает на крыльцо и вместе с троицей вассалов пропадает за дверь. Что-то произошло там, в небольшой комнате с овальным столом и перламутровыми стенами. Неужели Ян нашёл то, что искал? Ему что не хватило ощущений этой ночи, и он решил продолжить? А может быть он хотел убедиться, сыграла ли бы следующая ставка? А может он настолько уверовал в свою неуязвимость, что просто походя, не задумываясь, вместо того чтобы закурить в очередной раз поднёс ствол к виску и... Интересно было бы посмотреть на его лицо в этот последний момент. Ещё хотелось бы увидеть лицо Германа. Что оно выражало, испуг, ужас, тяжесть утраты, или торжество долгожданного приобретения? Ничего этого я уже не узнаю, да и не нужно.

Машина выезжает на лесную дорогу, и проклятый дом навсегда пропадает из виду.

На дороге мы настигаем Вову, который продолжает уверенно двигаться вперёд.

— Садись в машину! — кричу я, открыв окошко.

— Я пешком! — Геракл машет рукой и только прибавляет шаг.

Мы проплываем мимо. Таксист переключается на повышенную передачу, набирая скорость.

— Останови! — команду я.

— Слушай, браток, у меня куча вызовов и я не собираюсь терять время, останавливаясь по каждому...

— Останови, я пойду пешком...

Свистят тормоза. Я выпадаю из машины, захлопываю заднюю дверь, одновременно открывая переднюю.

— Света... — я беру её за тонкое запястье, пытаюсь вложить больше теплоты и нежности в это прикосновение и в произносимые слова. — Я останусь с ним...ему нельзя сейчас одному...понимаешь?

— Славка, — она нежно улыбается... — ты не должен передо мной оправдываться. Мы с тобой не муж и жена и даже не любовники, так что ты волен делать всё, что захочешь.

— А может есть... — я бросаю гневный взгляд в сторону водителя, холёная будка которого, сильно портит этот интимный разговор. — Может есть надежда что мы ими станем?

— Нет, Слава! Это будет лишним. Быт, стирка, плита, походы в магазин, вечные ссоры из за мелочей и всё это после того, что мы пережили? Давай оставим всё так, как есть и поставим точку в этом романе. Хотя-я — она глубоко вздыхает, глядя в лобовое стекло... — как такового романа и не было. Так, повесть...

— А как же... — моё дыхание сбивается, слова комком застревают в горле. — А как же Америка, ты что, уже не хочешь?

— Не будет никакой Америки, Слава. Давай уже опустимся с небес на землю и будем жить реалиями. Я перебрала в эту ночь, ты уж меня прости. Может если б не этот кальян, ничего этого бы и не было. Но...что было то было. Обещаю, что ни на секунду не пожалею о

наших совместных приключениях и буду вспоминать о тебе только с теплотой и улыбкой. Но это всё... всё, что я могу тебе пообещать.

На какое-то время я застываю, ошарашенный её словами, и отмираю только от бормотания водителя о том, что пора бы ехать.

— Ну тогда пока! — Моя ладонь разжимается, выпуская её запястье.

— Прощай, Слава!

Хлопает дверца, пришпоренный двигатель урчит, резина колёс шелестит по гравию. Машина плавно разгоняется, и, подмигнув на прощанье стоп сигналами, пропадает за извилиной поворота. Я смотрю на пустую, влажную от капающего дождя дорогу и тоненькие струйки стекают по небритым щекам. Нет, я не плачу, это просто дождь. Где-то позади шаркают по гравию кеды Геракла. Я дожидаясь, пока шаги приблизятся и, не оборачиваясь, иду вперёд. Боль в колене правой ноги пытается сделать мои шаги неуверенными, но с каждым шагом я всё тверже впечатываю ногу в гравий и ускоряю ход. Я снова первый, и тот, кто идёт следом, не должен видеть стекающие по щекам струи и знать, что мне больно. Так было всегда. Первым вынужден идти тот, кому следовало бы плестись в хвосте. Я громко кричу, прочищая горло, и запускаю к вершинам сосен надрывной, прячущий боль, крик.

«Ко-огда умо-о-о-лкнул все пе-есни,

Кото-о-о-орых я-я не зна-а-аю,

В те-е-ерпком во-о-оздухе кри-и-икне-ет,

После-дний мо-ой бума-ажный парохо-о-од.

Раздающийся за спиной писк перебираемых струн, заставляет меня улыбнуться. Он приготовился и уже через секунду со всей мочи шарахнет по струнам. Раз-два-три:

«Гудба-ай Аме-ерика-а о-о-о,

Где я не бу-уду никогда-а,

Проща-а-ай навсегда-а-а,

Возьми банжо сыграй мне на прощанье...»

Больше книг на сайте - Knigoed.net